

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 2 (100)

BULLETIN
of Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2023

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Абдраязпов Ранис Ришатович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе).

Баишева Зилия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республи-

ки Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Уфимского университета науки и технологий.

Гейжан Наталья Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (по учебной и научной деятельности).

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного

права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор РАН, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заведующий кафедрой криминологии Института права Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (по научной работе).

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры

теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Уфимского университета науки и технологий.

Овсеян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естествознания, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Московского государственного областного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегород-

ского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка А. Ф. Чиняева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 23.06.2023. Дата выхода в свет: 29.06.2023.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 23,75. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз.

Заказ № 59. Цена свободная.

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Abdrazyapov Ranis Rishatovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Avdeeva Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of Altai State University.

Anokhin Yury Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Officer of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Deputy Head of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of History, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the

Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of Law Institute of Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy Head of the Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadieyevich – Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Romano-Germanic Philology of Ufa University of Science and Technology.

Geizhan Natalya Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work).

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliyev (for educational and scientific activities).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of the Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilakavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Kovtunen Lyubov Vasilievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of Voronezh State University.

Latypov Vadim Sagityanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valerievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law of Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (for scientific work).

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the English Language and Intercultural Communication of the Faculty of Romano-Germanic Philology of Ufa University of Science and Technology.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,

Head of the Department of State (Constitutional) Law of the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant of Moscow State Regional University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

Pavlichenko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship University of Russia.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Director of Nizhny Novgorod Branch of St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with the Staff of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova. Layout A. F. Chinyaeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 23.06.2023. Release date: 29.06.2023.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 23,75. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 50 copies. Order № 59. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Абдуллина Л. Р.</i> Гносеологическое восприятие понятий разумности и добросовестности в юридической науке	12
<i>Даллакян К. А.</i> Парадигмально-волевые основания права	17
<i>Латыпова Н. С., Тулупова Е. О.</i> Мейфлауэрское соглашение 1620 г. как источник конституционной правовой традиции	23
<i>Маликов Б. З.</i> Человек – биологическая, социальная и планетарная ценность: вопросы его сущности, аморальных и противоправных проявлений	28

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Лянной Г. Г.</i> Административно-правовые меры, направленные на снижение нагрузки на бизнес, как механизм защиты предпринимателей.....	39
<i>Миловидова А. С.</i> Система универсальных межгосударственных органов, защищающих права и основные свободы человека	46

Частно-правовые (цивилистические) науки

<i>Байлиева А. С.</i> Контракт жизненного цикла как инструмент государственно-частного партнерства в транспортной отрасли	54
<i>Федосеев П. С.</i> Логика гражданско-правовой нормы как объект цивилистического исследования	60

Уголовно-правовые науки

<i>Батоев В. Б.</i> О технологии поиска по открытым источникам «OSINT» в оперативно-розыскной деятельности	66
<i>Грудинин Н. С.</i> Некоторые направления уголовно-правовой политики России в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.....	72
<i>Ежова Е. В., Акбаров И. И.</i> Некоторые вопросы участия специалиста в производстве по уголовным делам	79
<i>Ендольцева Ю. В.</i> Обеспечение права подозреваемого или обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования.....	88
<i>Денисова М. Д.</i> Об основаниях наложения ареста на имущество третьих лиц в уголовном судопроизводстве.....	97
<i>Камалов М. Р.</i> Об актуальности установления криминалистически значимой информации при расследовании краж, совершенных на предприятиях розничной торговли.....	104
<i>Муравьев К. В., Проказин Д. Л.</i> Тактические особенности проведения допросов в суде.....	111
<i>Усенко С. П.</i> Классификация субинститутов уголовного права.....	118
<i>Эксархопуло А. А., Халиуллина А. Ф.</i> К вопросу о сущности специальных знаний в российском уголовном процессе	125

Общие вопросы языкознания. Лингводидактика. Юрислингвистика

<i>Башиева З. В., Безземельная О. А.</i> Медиация как форма юридической коммуникации.....	131
<i>Байбурина Р. З.</i> Методика формирования профессионально ориентированной лексической компетенции у обучающихся юридического вуза.....	137
<i>Искандарова Г. Р.</i> Юридический текст: границы понимания и языковая оптимизация	144
<i>Шашкова В. Н.</i> Идеографические синонимы сквозь призму денотативной матрицы.....	151

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

<i>Архинов С. Н.</i> Применение схем и алгоритмов обращения с оружием с целью обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов.....	158
---	-----

<i>Зраева И. М.</i> Опыт преподавания русского жестового языка в Брянском филиале Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России: проблемы и пути преодоления.....	165
<i>Липина Е. А.</i> К вопросу о целесообразности коррекции ошибок в процессе обучения русскому жестовому языку лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский»	174
<i>Муслова Л. А.</i> Лингводидактические методы и средства воспитания традиционных ценностей в процессе иноязычной профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России.....	183
Памятка	189

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

<i>Abdullina L. R.</i> Gnoseological perception of the concepts of reasonability and objectivity in legal science.....	12
<i>Dallakyan K. A.</i> Paradigmatic volitional foundations of law	17
<i>Latypova N. S., Tulupova E. O.</i> The Mayflower Agreement (Compact) of 1620 as a source of constitutional and legal tradition.....	23
<i>Malikov B. Z.</i> Man is a biological, social and planetary value: issues of his essence, immoral and illegal manifestations	28

Public law (state law) sciences

<i>Lyannoy G. G.</i> Administrative and legal measures aimed at reducing the burden on business as a mechanism for protecting entrepreneurs.....	39
<i>Milovidova A. S.</i> The system of universal interstate bodies protecting human rights and fundamental freedoms.....	46

Private law (civil law) sciences

<i>Bailieva A. S.</i> Life cycle contract as a tool for public-private partnership in the transport industry	54
<i>Fedoseyev P. S.</i> The logic of the Civil Law norm as an object of a civilist research.....	60

Criminal law sciences

<i>Batoev V. B.</i> On the open source search technology “OSINT” in operational investigative activities..	66
<i>Grudin N. S.</i> Some directions of the criminal law policy of Russia in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances.....	72
<i>Ezhova E. V., Akbarov I. I.</i> Some issues of participation of a specialist in criminal proceedings	79
<i>Endoltseva Yu. V.</i> Ensuring the right of the suspect or accused to object to the termination of the criminal case or prosecution	88
<i>Denisova M. D.</i> On the grounds for the seizure of property of third parties in criminal proceedings...	97
<i>Kamalov M. R.</i> On the relevance of establishing forensically significant information in the investigation of thefts committed at retail enterprises.....	104
<i>Muravyev K. V., Prokazin D. L.</i> Tactical peculiarities of interrogation in court.....	111
<i>Usenko S. P.</i> Classification of Criminal Law sub-institutions.....	118
<i>Exarkhopulo A. A., Khaliullina A. F.</i> On the issue of the essence of special knowledge in the Russian criminal proceedings	125

General issues of linguistics. Linguodidactics. Legal linguistics

<i>Baisheva Z. V., Bezzemel'naya O. A.</i> Mediation as a form of legal communication	131
<i>Bajburina R. Z.</i> The methodology for the formation of professionally focused lexical competence among students of a law institute.....	137
<i>Iskandarova G. R.</i> Legal text: boundaries of understanding and language optimization	144
<i>Shashkova V. N.</i> Ideographic synonyms through the prism of the denotative matrix.....	151

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of professional education

<i>Arhipov S. N.</i> The use of schemes and algorithms for handling weapons in order to ensure the personal safety of law enforcement officers.....	158
<i>Zraeva I. M.</i> Experience of teaching Russian sign language in Bryansk Branch of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia: problems and ways to overcome.....	165

<i>Lipina E. A.</i> On the issue of expediency of error correction in Russian sign language training of persons first recruited in the internal affairs bodies of the Russian Federation as police officers ...	174
<i>Muslova L. A.</i> Linguodidactic methods and means of education of traditional values in the process of foreign language professional training of cadets of educational institutions of higher professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia	183
Instruction	189

Научная статья
УДК 340.113:165

**ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПОНЯТИЙ РАЗУМНОСТИ
И ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Лейсан Рафисовна Абдуллина

Академия Управления МВД России, Москва, Россия,
AbdullinaLLeysan@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автором выдвигается гипотеза о том, что юридические термины «разумность» и «добросовестность» хоть и имеют формальное закрепление в законодательстве, но в то же время не имеют конкретных юридических определений. Автор статьи пытается проанализировать связь между этими юридическими понятиями и стремится к использованию правовых дефиниций с целью достижения объективности в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: право, правовая норма, объективность, истина, разумность, intersубъективная проверяемость, субъективность, стандарт.

Для цитирования: Абдуллина Л. Р. Гносеологическое восприятие понятий разумности и добросовестности в юридической науке // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 12–16.

Original article

**GNOSEOLOGICAL PERCEPTION OF THE CONCEPTS
OF REASONABILITY AND OBJECTIVITY IN LEGAL SCIENCE**

Laysan R. Abdullina

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
AbdullinaLLeysan@yandex.ru

Abstract. The author of this article proposes a hypothesis that legal terms such as «reasonableness» and «objectivity» have formal recognition in legislation, but at the same time, do not have specific legal definitions. The article's author attempts to analyze the connection between these legal terms and strives to use legal definitions to achieve objectivity in legal practice.

Keywords: law, legal norm, objectivity, truth, reasonableness, intersubjective verifiability, subjectivity, standard.

For citation: Abdullina L. R. Gnoseological perception of the concepts of reasonability and objectivity in legal science // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 12–16.

В течение многих веков философы, юристы и ученые не переставали задаваться важным вопросом о разумности и добросовестности в праве. До сих пор этот вопрос остается актуальным для правовой действительности и научного сообщества. Данное направление является основой для

определения правовой мысли при реализации правоприменительной практики. Хотя и существует определенная мера объективной правоты при сопоставлении аргументов, тем не менее мы приходим к выводу, что по ряду проблем, требующих научного разрешения, мнения исследователей (ученых, юристов,

правоведов) расходятся. Неизбежность расхождений в правовых мнениях обеспечивает неустранимую субъективность рассматриваемой проблемы. Несмотря на это, можно стремиться к объективности в определении правовых норм и их применении. Понятия «разумный» и «добросовестный», часто используемые юристами и законодателем в различных аспектах, подвергаются различному толкованию. Опасность, которая возникает в случае использования абстрактного понятия «разумность» правоприменителем в ходе реализации права, не может быть недооценена. Существует множество факторов, которые необходимо учитывать перед тем, как принимать решения в процессе правоприменения.

Идея необходимости сочетания разумности и добросовестности существует не первый год – в ней испытывает потребность как юридическая доктрина, так и практика. Это объясняется тем, что критерии разумности и добросовестности не определены, отсутствует дефинитивный ряд данных терминов, несмотря на активное использование в нормативных правовых актах. Обнаружение отдельных критериев лексемы «разумный срок» в ряде интерпретационных актов между тем не приближает правовую норму к требованиям определенности, стабильности и ясности.

Если говорить о российском праве, а именно о гражданском, то добросовестность и разумность не включены в перечень основных начал гражданского законодательства, закрепленных в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, хотя исходя из их значения в правоприменительной практике они могут претендовать на роль «общей линии, общей тенденции права», которая, как правило, отводится принципам.

Понятия «разумный» и «добросовестный» содержат в себе больше оценочный, нежели описательный критерий. Обращаясь к российскому гражданскому праву, некоторые авторы (В. А. Белов, А. А. Чукуреев) раскрывают разумность как составляющую понятия добросовестности. В. А. Белов отмечает, что разумность является составной

частью более общего понятия «добросовестность» [1, с. 49]. При этом добросовестное приобретение, осуществление, защита и прекращение субъективного гражданского права означают совершение данных действий в отношении субъективного права таким образом, чтобы при этом никому не причинялось вреда, не создавалось угрозы его причинения, а если динамика права невозможна без содействия третьих лиц, – таким образом, чтобы необходимость в помощи, а также затраты и усилия, необходимые для ее оказания, были бы минимизированы. Предоставление эквивалента за принятую обязанность является одним из обязательных требований к добросовестности в динамике субъективных гражданских прав [2, с. 111].

Право выполняет регулятивную функцию и требует от субъектов не только делать все возможное или избегать поведения с негативными намерениями по отношению к другим, но и действовать в соответствии с общепринятыми принципами, в том числе разумности и добросовестности, как поступил бы «разумный человек» [3, с. 487].

При этом следует остановиться на рисках, образующихся вследствие употребления правотворческими органами абстрактной конструкции «разумные сроки», применительно к ожиданию реализации права. К примеру, российское законодательство отсылает правоприменителя к данному основанию при ожидании реализации права на судопроизводство, или права на исполнение судебного акта и т. д. Несмотря на тот факт, что интерпретационными актами критерии разумности достижения законных ожиданий приобретают все более очерченные формы, само по себе исполнение подобной оценочной формулировки не приближает правовые нормы к требованиям однозначности, стабильности и ясности [4, с. 45].

Существует множество правоотношений, в которых возникает вопрос о том, что разумно делать, говорить, заключать или в чем сомневаться. Такое значение, как «разумный», может быть определенным, как и всегда суждение будет определенным в конкретном контексте. Как мы видим, в любой

ситуации может существовать множество факторов, которые необходимо учитывать при оценке разумности действия или бездействия в конкретном контексте. По этой причине в этом смысле «разумность», взятая вне контекста, является тем, что профессор юриспруденции международного права Джулиус Стоун назвал «правовой категорией неопределенной ссылки» [5, с. 453]. Даже в этом случае вопрос оценки смысла остается частично открытым. Особенно это актуально в смешанных правовых системах, где оценка правовых знаний играет важную роль. Например, в системах общего права и российского права категория рациональности имеет множество применений. Во многих отраслях права «рациональность» рассматривается как критерий, определяемый имеющимися правилами и принципами поведения и суждений.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что разумность, упоминаемая в законах, должна быть практической разумностью, а не абстрактной способностью рассуждать о теоретических вопросах. На практике это означает, что перед принятием решения оценка ситуации должна основываться на опыте и логических умозаключениях.

Критерии разумности и добросовестности могут быть применены во многих отраслях права, в том числе и при рассмотрении судебных дел, в миграционном праве, в корпоративном праве, в налоговом праве и даже в области интеллектуальной собственности. В каждой из этих областей разумность и добросовестность являются одним из критериев, по которым судьи принимают решения, а также руководствуются властные субъекты при осуществлении правоприменительной деятельности. Такими критериями могут быть: соблюдение требований уголовно-процессуального закона; соответствие способа осуществления права его назначению; непротиворечие действий субъекта уголовного процесса его предшествующему поведению; отсутствие вреда в результате реализации правовых возможностей. Поведение, соответствующее перечисленным

условиям, следует считать добросовестным и разумным, в противном случае оно может быть расценено как недопустимое и злоупотребительное [6, с. 189], влекущее за собой соответствующую реакцию со стороны государства. Если же при анализе способа реализации права участниками уголовного процесса должностные лица руководствуются только внутренним убеждением, публичными интересами, то их поведение следует расценивать как превышение полномочий, которое должно повлечь за собой применение к властным субъектам мер юридической ответственности.

Таким образом, критерии разумности и добросовестности в законодательстве имеют огромное значение и их применение обусловлено многими факторами. Необходимо понимать, что они важные и гибкие инструменты, которые могут быть использованы для достижения справедливости и баланса между разными законными интересами субъектов права [4, с. 45]. Никто не может оспорить тот факт, что добродетель благоразумия – одно из качеств, которым обладают разумные люди и применяют в своих действиях. Однако этой добродетелью невозможно обладать, если проявлять равнодушие или же фанатизм, поэтому она занимает среднее положение между ними, как и чрезмерная осторожность.

Что же касается рациональных людей, то они готовы рисковать, но с учетом возможных последствий и вероятностей, и никогда не действуют, основываясь на воображаемых обстоятельствах. В своих решениях они не руководствуются быстрыми выводами, а осознанно взвешивают все доказательства и рассматривают различные точки зрения, прежде чем принять окончательное решение.

Разумные люди также осознают, что практические дилеммы связаны с различными ценностями и конкурирующими интересами, поэтому они серьезно относятся к конфликтующим и совпадающим ценностям, стараясь примирить их, а если конфликт неизбежен, отдают предпочтение наиболее важной и доминирующей ценности. В кон-

це концов, добродетель благоразумия дает разумным людям возможность принимать разнообразные решения, основываясь на балансе и мудрости [7, с. 125].

Обычно говорят, что существует множество вопросов, по которым разумные люди могут обоснованно расходиться во мнениях. Для одного человека признанное разумным в одном случае может быть не признано таковым в другом. В праве часто возникают ситуации, которые предполагают взвешивание большого количества доказательств, в первую очередь, если говорить о процессуальном праве. Важно понимать, что каждое доказательство имеет свой вес и важность. Однако принимая во внимание все факторы, необходимо найти наилучшее решение, которое предстает в виде вынесения законодательно обоснованного процессуального акта.

Возникающие проблемы могут быть связаны с «процедурным» характером разумного обдумывания. В свете ценностей, интересов и целей человек должен рассмотреть все, что имеет отношение к делу, и занять беспристрастную позицию при определении важности различных контекстуально значимых ценностей или интересов. Могут быть очевидные ошибки пристрастности или грубые аномалии в дифференцированном взвешивании, но помимо этого, трудно или невозможно показать, что один подход превосходит другой. Если люди избегают непостоянства и соблюдают достойное постоянство в суждениях с течением времени, оставаясь открытыми для пересмотра своего мнения в свете аргументированных доводов, они не являются неразумными только потому, что придерживаются мнения, отличного от большинства.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что на некоторые вопросы или в отношении некоторых решений может существовать более одного рационального ответа или, по крайней мере, целый ряд ответов, которые нельзя доказать или отвергнуть как неразумные. Отсутствие единого рассудительного ответа не является доказательством того, что не существует неразумного ответа. В целях решения данной проблемы необхо-

дима выработка единой методики изучения категорий разумности и добросовестности в правовой системе. Единый методологический подход позволит перейти от отраслевого восприятия и в целом исключить узкое толкование, которое заключается в том, что разумность и добросовестность проявляют себя только как оценка характера субъективного поведения и имеют лишь отраслевую принадлежность. При этом необходимо проводить фундаментальные поисковые исследования, которые позволят выделить феномены разумности и добросовестности в качестве самостоятельных направлений современной юриспруденции.

Это само по себе является убедительным аргументом в пользу создания органов государственной власти, уполномоченных принимать решения при условии, что лица, наделенные властью, являются компетентными и здравомыслящими людьми и существует какой-то способ контроля или проверки их решений (например, апелляция, ответственность перед каким-либо представительным органом или т. п.). Представляется, что реализация обозначенного выше предложения является эффективной в решении проблемы неоднородности разумного. Неудивительно, что для правовых государств характерна практика назначения лиц, принимающих решения, для осуществления ограниченных дискреционных полномочий с использованием соответствующих процедур. Иногда, более того, для обеспечения дискурсивного и дискуссионного качества поиска окончательного решения или ответа, полномочия предоставляются группе, комитету, собранию или коллегии из нескольких человек; а затем должны быть предусмотрены процедуры голосования для принятия возможных окончательных решений по спорным вопросам.

Таким образом, добросовестность и разумность можно рассматривать как принципы реализации права, нацеленные на преодоление безответственной реализации прав участниками правоотношений, а также на разрешение возможного конфликта интересов субъектов правоотношений при отсут-

ствии (пробела в праве) или неопределенности правовых норм. Однако достижение одновременного обеспечения реальности беспрепятственного осуществления субъективного права всеми субъектами и нормаль-

ного функционирования общества в целом становится возможным только при закреплении объективных критериев, минимизирующих оценочный характер рассмотренных категорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49–52.
2. Татарников А. В., Голышев В. Г. Соотношение принципов разумности и добросовестности в гражданском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6.
3. Зайцева Н. В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 476–501.
4. Репьев А. Г. Правовые обещания и законные ожидания как компоненты модели общерегулятивных правоотношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 41–53.
5. Stone J. Legal System lawyers reasonings. Stanford: textbook. Publishing house Stanford University press, 1964. 453 с.
6. Желева О. В. Добросовестность и разумность как пределы осуществления субъективных прав в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 186–191.
7. Гечмен Д. Концепция беспристрастного наблюдателя и проблема души-тела в философии Адама Смита // Этическая мысль. 2014. № 14. С. 111–147.

REFERENCES

1. Belov V. A. Conscientiousness, reasonableness, justice as principles of civil law // Legislation. 1998. No. 8. P. 49–52 (In Russ.).
2. Tatarnikov A. V., Golyshev V. G. Correlation of principles of reasonableness and conscientiousness in civil law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 6. (In Russ.).
3. Zaitseva N. V. The principle of good faith and its impact on the qualification of legal relations // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2020. No. 49. P. 476–501 (In Russ.).
4. Repyev A. G. Legal promises and legitimate expectations as components of the model of general regulatory legal relations // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. № 1(150). P. 41–53 (In Russ.).
5. Stone J. Legal System lawyers reasonings. Stanford: textbook. Publishing house Stanford University press, 1964. 453 p. (In Eng.).
6. Zheleva O. V. Conscientiousness and reasonableness as the limits of the exercise of subjective rights in criminal proceedings // Bulletin of Tomsk State University. 2016. № 407 (In Russ.).
7. Gechman D. The concept of an impartial observer and the soul-body problem in Adam Smith's philosophy // Ethical thought. 2014. No. 14. P. 111–147 (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 31.03.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 31.03.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 340.114.101.1

ПАРАДИГМАЛЬНО-ВОЛЕВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Карлен Ашотович Даллакян

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, dak58@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена раскрытию парадигмально-волевых оснований права и типов правопонимания. В качестве методологической установки утверждается зависимость правогенеза от пространственно-временных и социокультурных явлений. Рассматриваются господствующие в разные исторические времена общекультурные и правовые парадигмы. Анализируется их взаимодетерминация с социальными отношениями и волей социальных субъектов. Подчеркивается, что право развивается прежде всего там, где существует потребность в нем, то есть, как правило, в индустриальной городской среде. Феномен права трактуется широко, как социокультурное, а не только государственное явление. Порядок, обеспечивающий целостность общества как системы, необходим не только государству и господствующему классу, но и всем членам общества. Рассматриваются господствующие парадигмы модернизма и постмодернизма в капиталистическом и посткапиталистическом обществе цифрового глобализма. Предлагается новая цивилизационная парадигма – поликультурный энвайронментализм – утверждающая гуманистический тип правопонимания, в котором право понимается как мера человечности.

Ключевые слова: право, парадигма, правопонимание, закон, воля, государство, гуманизм, свобода, справедливость, человечность.

Для цитирования: Даллакян К. А. Парадигмально-волевые основания права // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 17–22.

Original article

PARADIGMATIC VOLITIONAL FOUNDATIONS OF LAW

Karlen A. Dallakyan

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, dak58@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the paradigmatic volitional foundations of law and types of legal understanding. As a methodological setting, the dependence of law genesis on spatio-temporal and socio-cultural phenomena is asserted. The general cultural and legal paradigms prevailing in different historical times are considered. Their inter-determination with social relations and the will of social subjects is analyzed. It is emphasized that law develops primarily where there is a need for it, i.e., as a rule, in an industrial urban environment. The phenomenon of law is widely interpreted as a socio-cultural, and not only a state phenomenon. An order that ensures the integrity of society as a system is necessary not only for the state and the ruling class, but also for all members of society. The dominant paradigms of modernism and postmodernism in the capitalist and post-capitalist society of digital globalism are considered. A new civilizational paradigm is proposed – Multicultural environmentalism, which asserts a humanistic type of legal understanding, in which law is understood as a measure of humanity.

Keywords: law, paradigm, legal understanding, law, will, state, humanism, freedom, justice, humanity.

For citation: Dallakyan K. A. Paradigmatic volitional foundations of law // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 17–22.

Самоочевидность многих явлений весьма обманчива, требует порой невероятных

усилий человечества для постижения истины. Как много понадобилось времени для

© Даллакян К. А., 2023

утверждения гелиоцентрической системы мира, релятивистского подхода к определению пространства и времени, показавшего, что пространства и времени не существует. Первое – лишь структура мира, а второе – скорость изменения объектов. Кроме того, не очевидно для обыденного сознания доминирование над ним господствующей парадигмы. Она может быть научной, религиозной, правовой, моральной и много еще какой, но над ними всегда доминирует философская парадигма. В свое время Ф. Энгельс справедливо заметил: «Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия» [1, с. 524]. Речь идет о философии именно как мировоззренческой теории предельных оснований бытия, которая обуславливает господствующие цивилизационные парадигмы.

Исследование парадигмально-волевых оснований права и различных типов правопонимания предполагает, прежде всего, необходимость исходного определения феномена права, которым мы будем руководствоваться в своем исследовании. В качестве методологической установки следует отметить, что единственно верного однозначного определения не только права, но практически всех социокультурных явлений быть не может. Истина всегда конкретна и требует учета пространственно-временных, социокультурных, политических и парадигмальных особенностей общества.

В самом общем плане право – это воля, а чья именно воля, зависит от уже отмеченных социокультурных особенностей. Практически общепринято, что право возникло, как воля государства, а именно то, что называлось государством в разных странах в разное время. Однако «государство» – понятие достаточно абстрактное и полисемантическое, трактуемое и понимаемое по-разному. Вряд ли можно принять всем известное утверждение, что «право есть воля господствующего класса, возведенная в закон», что оно возникло как потребность господствующего класса. Ведь порядок, обеспечивающий целостность общества как системы, необходим всем гражданам государства. Однако

феномен права – это одно, а способы его реализации – другое. Порой второе трансформирует первое. Рассмотрим подробнее, как это происходит и от чего зависит.

Следует ответить, прежде всего, на вопрос о правомерности рассмотрения права как эманации воли государства, отождествления этих самостоятельных феноменов. Ведь право, являясь более широким по объему феноменом, обеспечивается не только государством. Известно, что зачатки и морали, и права существуют и в животных сообществах с той лишь разницей, что последнее обеспечивается силой. Моральные нормы реализуются добровольно, за их нарушение стая может не принять своего члена, а за нарушение правовых норм применяется сила, вплоть до лишения жизни. Интересно, что летом волк – вожак стаи – становится «демократом», порой не замечаящим нарушения правил стаи отдельными ее членами, а зимой – жестоко карает за это. В зимних условиях отсутствия пищи и естественной «маскировки» лиственного покрова деревьев несоблюдение правил членами стаи может привести к общей гибели сообщества. Это еще раз иллюстрирует эволюционный пространственно-временной характер феноменов государства и права. Не случайно, что на Востоке слово «государство» происходит от государя, хана (ханство), эмира (эмират), князя (княжество), а на Западе – от «state» (основа).

Государство и право не только в Англии, России, Иране, Корее и т. д., но и в дореволюционной России, Советском Союзе 1920-х, 1937 г., 1990-х годов – совершенно разные феномены. Однако при всем различии в России с той или иной разницей всегда существовало именно государство как сфера влияния государя, и как только это влияние ослабевало, в стране начинались разрушительные процессы. Не случайно в повседневном русском языке часто отождествляются слова «государство», «держава», «страна». Известно, что такие великие греческие философы, как Платон и Аристотель, считали демократию худшей формой правления. Это еще раз подчеркивает пространственно-временную особенность социальных феноме-

нов. Демократия в Древней Греции V–IV веков до н. э. и современная демократия – разные феномены, не говоря уже об их различии в странах, принадлежащих различным культурам.

Право возникает и развивается прежде всего там, где существует потребность в нем, то есть в индустриальной городской среде, как правило, западной культуры, пережившей рабовладение и осознавшей в качестве своей высшей ценности свободу [2, с. 43]. Некоторые исследователи отмечают, что в Европе уже в Средневековье (XII–XIII вв.) сложились идеи господства права и зачатки правового государства [3, с. 278–279]. В восточной же, преимущественно аграрной, традиционной культуре, не знавшей рабовладения, в качестве такой ценности осознавалось благополучие. Свобода ценилась, прежде всего, как «freedom» (физическая), а не как «liberty» (политическая) свобода.

Взаимозависимость современных правового, социо- и политогенеза обусловлена в определенной мере включенностью их в общие парадигмы модернизма и постмодернизма. Ярким порождением модернизма явился марксизм, который предстал в качестве новой, освобождающей от религиозной веры, рациональной модернистско-позитивистской парадигмы, опирающейся на разум, действие и пользу. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [4, с. 20]. В качестве методологических установок новой парадигмы были применены законы диалектики Гегеля. Причем не совсем удачное название закона Гегелем «Отрицание отрицания» сыграло злую шутку не только с учением марксизма, но и последующей историей его реализации в России. Поскольку, по Гегелю, всякое отрицание предполагает также и преемственность, сохранение лучшего, не отжившего себя. Игнорирование преемственности, ярко проявившееся в революционной практике большевиков, не могло не отразиться на праве, правовом генезе и правопонимании. отождествление права с законом как волей господствующего класса должно было при социализме перерасти

в волю всего общества. Однако это предполагалось в неопределенной перспективе коммунистического общества, при котором государство благополучно отомрет. В противном случае просто сменится название класса, реализующего свою волю в качестве закона, понимаемого как право.

Постмодернизм как парадигма, пришедшая на смену модернизму и позитивизму, лишь многократно усугубил проблему, воспринимая мир в качестве хаоса [5, 160 с.] На смену веры в разум и «счастливое послезавтра» приходит пессимизм, фрагментарное видение мира сквозь разбитое зеркало умерщвленного автора. Деконструктивизм, разрушающий всякую целостность и системность, отрицает возможность любой объективности и достоверности. Такие понятия, как «справедливость» и «право», во все утрачивают значение. Устанавливается принцип методологического сомнения. Прогресс, истина, смысл, порядок, справедливое общество рассматриваются как мифы и идеологемы [6, с. 1–57]. Постмодернизм объявляет крах метапроектов, включая коммунизм и социальное государство [5, с. 34]. Умер не только Бог, как говорил Ф. Ницше, но и Свобода, Справедливость, Мечта, Надежда, да и Религия как всего лишь «совокупность текстов».

Постмодернизм представляет «вечные ценности» как тоталитарные параноидальные идефиксы, утверждая, что в мире царствуют два начала – шизоидное начало творческого становления и параноидальное начало удушающего порядка. Понятно, что такие взгляды не могли не отразиться на социокультурном развитии общества, правовом генезе и социогенезе. Ведь сознание не только отражает действительность, но и творит его. Особенно если речь идет об общественном сознании.

Выдвижение таких ценностей, как справедливость и свобода, в качестве основополагающих составляющих права является главным образом заслугой иудаизма и греко-римской цивилизации. Справедливость, то есть «каждому по заслугам», как принцип Талиона, был единственно возможным

в тех условиях, когда Моисею приходилось преодолевать объективные трудности, ведя свой народ к земле обетованной. Свобода же становится главной ценностью при рабовладении, которое существовало лишь на Западе. Человек, попавший в рабство и ставший практически вещью хозяина, ценит свободу больше жизни. На Востоке вся деревня была собственностью хозяина, поэтому не разрушались традиционные ценности семьи и рода, высшей ценностью являлось благополучие. Все проблемы и трудности семьи ложились на плечи отца. Отсюда традиционный на Востоке патернализм в семье и государстве, воспринимающий правителя в качестве «Отца народов».

Уже в Древней Греции право уделяло особое внимание проблеме свободы и личного достоинства своих граждан. Это в свою очередь порождало уважение к правовым законам со стороны граждан. На Востоке же, как правило, юридический закон воспринимался как нечто чуждое, навязываемое общине извне государством. Вспомним Шан Яна, считавшего насилие единственным способом управления «злыми и порочными» по своей природе людьми. Чем строже закон, тем меньше преступлений – знакомая логика. Однако жизнь многократно доказывала неверность подобного утверждения.

Широко распространенное позитивистское понимание права как воли господствующего класса с легкой руки К. Маркса превратилось в аксиому, причем отнюдь не по вине автора, а тех, кто излишне догматизирует высказывания великих. Между тем не только право, но и закон, который, как известно, не тождественен праву, не является лишь волей господствующего класса. Если обратиться к понятию закона вообще, то он представляет собой сущностное отношение, то есть отношение между элементами системы, носящее характер необходимости. В этом отношении проявляется активность всех элементов системы. Если речь идет о классах, то воля господствующего класса формируется в социокультурном и социально-политическом взаимодействии с волей остальных граждан. Закон лишь постули-

рует сложившиеся в обществе отношения и практики взаимодействия. Уже в Древней Греции, то есть в рабовладельческом обществе, существовали законы, гарантирующие права и достоинство простых граждан.

Все в мире взаимодействует. Правовая парадигма порождает определенный тип людей, а они уже, в свою очередь, соответствующую правовую парадигму. Люди с воспитанным самоуважением и чувством личного достоинства защищают новый тип права. Либертарно-юридический тип правопонимания с ценностями свободы и справедливости – исторически порождение западной культуры. Однако в условиях современной глобализации и цифровизации социального бытия возникает необходимость нового типа правопонимания – гуманистического. В очередной раз, но уже совершенно по-другому, возникает угроза существованию человеку. В эпоху тотальной цифровизации, коммерциализации и развития искусственного интеллекта право должно выступать в качестве меры человечности.

Идеи постмодернизма в купе с идеями посткапитализма, претендующего на контроль за информацией и поведением людей, ведут сегодня к разрушению существующего мирового порядка. Трансформация государства в глобально-цифровом обществе, контролируемом транснациональными корпорациями, реализуя политику глобализма, приводит к превращению права из воли господствующего класса в волю структур, владеющих и управляющих информацией. Это обязывает институты гражданского общества к трансформации с целью контроля и управления информацией.

Грядущее общество с трудом можно будет назвать человеческим, так как обычным простым людям уготовлена участь жестко контролируемых техно-социальных объектов. Социальные «рейтинги благонадежности» граждан, тотально управляемых государством посредством современных технологий, устанавливают контроль над поведением и мыслями граждан. Такое общество нельзя будет уже назвать капитализ-

мом, так как главным объектом присвоения будет уже не труд, а потребности, мысли и поведение человека. Не капитал становится господствующей силой, а власть, поэтому такое общество можно будет назвать «пове-ризмом» (от английского «power»).

В этих условиях актуализируется необходимость новой парадигмы и нового типа правопонимания. Предлагаемые сегодня цивилизационные парадигмы – англантизм, европоцентризм, византизм, евразийство и другие – не способствуют решению, а напротив обостряют существующие социокультурные, политические, правовые и социально-экологические проблемы [7, с. 84–101].

В качестве новой цивилизационной парадигмы мы предлагаем поликультурный энвайронментализм, предполагающий культурную интеграцию стран, взаимодополнение социокультурных ценностей различных этносов, учет особенностей их образа жизни, обусловленного спецификой окружающей среды с ориентацией на гармоничную включенность в глобальную экосистему [7, с. 223]. Господствующим же типом правопонимания при такой парадигме должен стать гуманистический. Право в этом случае ста-

новится уже не мерой свободы, за которую могут выдать все, что угодно, а мерой человечности, представляя собой волю гражданского общества, развитие которого является важнейшим условием эволюции права.

Гуманистический тип правопонимания включает в себя такие ценности, как свобода и справедливость, но подчиняет их более универсальной ценности – человечности, которая, в отличие от свободы и справедливости, в различных культурах понимается одинаково всеми людьми. Даже животные, растения и экосистема в целом, как показывают исследования, своим отношением к доброму поведению людей подталкивают нас к человечности. Заболевшие в лесу звери сегодня приходят к людям за помощью, получают ее и снова возвращаются в лес, подтверждая прилагательное «Sapiens» в названии человека, поэтому поликультурный энвайронментализм, исходя из интересов сохранения биосоциосферы, предполагает интеграцию усилий человечества, ориентируя на созидание, а не на разрушение нашего социоприродного ойкоа. Глобализация как возникновение единого мирового пространства, в отличие от глобализма, должна не мешать, а содействовать этому процессу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. из 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 20. С. 524.
2. Правогенез: традиция, воля, закон. СПб: Алетейя, 2021. 650 с.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 278–279.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. из 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 3. С. 20.
5. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб: Алетейя, 1998. 160 с.
6. Цендровский О. Ю. Культурно-мировоззренческие основания глобально-сетевое общества XXI века // Человек и культура. 2015. № 5. С. 1–57.
7. Даллакян К. А., Даллан А. К. Новая цивилизационная парадигма. М.: Ридеро, 2016. 337 с.

REFERENCES

1. Marx K., Engels F. Collected Works in 50 volumes. M.: State publishing house of political literature, 1961. T. 20. (In Russ.)
2. Law genesis: tradition, will, law. St. Petersburg: Aleteyya, 2021. 650 p. (In Russ.)
3. Berman G. J. Western tradition of law: the era of formation. M., 1994. P. 278–279. (In Russ.)
4. Marx K., Engels F. Collected Works in 50 volumes. M.: State publishing house of political literature, 1961. T. 3. (In Russ.)

5. Lyotard J. F. Postmodern status. St. Petersburg: Aleteya, 1998. 160 p. (In Russ.)

6. Tsendrovsky O. Yu. Cultural and ideological foundations of the global network society of the 21st century // Man and Culture. 2015. No. 5. P. 1–57. (In Russ.)

7. Dallakyan K. A., Dallan A. K. The new civilizational paradigm. Moscow: Ridero, 2016. 337 p.

Информация об авторе:

Даллакян К. А., доктор философских наук, профессор.

Information about the author:

Dallakyan K. A., Doctor of Philosophy, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 340.5

МЕЙФЛАУЭРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1620 Г. КАК ИСТОЧНИК КОНСТИТУЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Наталья Сергеевна Латыпова¹, Елена Олеговна Тулупова²

^{1,2} Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

¹ marchrose@yandex.ru, ² Lena118@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0002-4583-3765

Аннотация. Историко-правовые исследования все чаще рассматривают правовую традицию в качестве сущностного ядра любой правовой системы. Складывается она под воздействием комплекса факторов, несущих в себе нормы культуры, религии, особенности общественного устройства конкретного государства. В ряде случаев сформированные правовой традицией институты одного государства успешно заимствуются другой правовой системой и успешно функционируют в ее структуре. Одним из таких продуктов правовой традиции США стала конституция как нормативный правовой акт, определяющий основы политической системы государства и правового статуса ее граждан. Правовая традиция составления письменного акта о порядке политического и правового устройства, выраженная в завершённом виде в Конституции США 1787 года, была положена еще в начале XVII века первыми поселенцами Нового Света, составившими первый конституционный по сущности документ – Мейфлауэрское соглашение. В статье анализируются истоки и содержание договора, положившего начало традиции составления письменного документа как авторитетного источника, устанавливающего общие принципы организации власти и устройства общества.

Ключевые слова: правовая традиция, конституция США, Мейфлауэрское соглашение, правовая система США, англосаксонская правовая система.

Для цитирования: Латыпова Н. С., Тулупова Е. О. Мейфлауэрское соглашение 1620 г. как источник конституционной правовой традиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 23–27.

Original article

THE MAYFLOWER AGREEMENT (COMPACT) OF 1620 AS A SOURCE OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL TRADITION

Natalia S. Latypova¹, Elena O. Tulupova²

^{1,2} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

¹ marchrose@yandex.ru, ² Lena118@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0002-4583-3765

Abstract. Historical and legal studies are increasingly considering the legal tradition as the essential core of any legal system. It develops under the influence of a complex of factors that carry the norms of culture, religion, and the peculiarities of the social structure of a particular state. In some cases, the institutions formed by the legal tradition of one state are successfully borrowed by another legal system and successfully function in its structure. One of such products of the US legal tradition was the Constitution as a normative legal act defining the foundations of the political system of the state and the legal status of its citizens. The legal tradition of drawing up a written act on the arrangement of political and legal structure, expressed in its completed form in the US Constitution of 1787, was laid at the beginning of the 17th century by the first settlers of the New World, who drafted the first constitutional document in essence – the Mayflower Compact. The article analyzes the origins and content of the contract, which marked the beginning of the tradition of drawing up a

© Латыпова Н. С., Тулупова Е. О., 2023

written document as an authoritative source that establishes the general principles of the organization of power and the structure of society.

Keywords: legal tradition, US Constitution, Mayflower Compact, US legal system, Anglo-Saxon legal system.

For citation: Latypova N. S., Tulupova E. O. The Mayflower Agreement (Compact) of 1620 as a source of constitutional and legal tradition // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 23–27.

Любая правовая традиция имеет свои культурологические корни, которые произрастают от регулирования общественных отношений в истории конкретного племени, общности, а затем и государства. Немалый отпечаток на правовую традицию накладывают исторические, культурные и духовные традиции, сложившиеся в государстве еще задолго до его основания. Такие корни всегда служат напоминанием о намного более важной роли права, нежели формально определенного и установленного государством регулятора общественных отношений, выступающего лишь частью машины государственного управления.

В правовой традиции, равно как и в языке народа, его культуре заложены духовно-нравственные идеалы предков, сформировавшие образ мышления, менталитет и правосознание отдельных народностей, а также государства в целом. Ввиду этого кажется совершенно чужеродным узкая трактовка права как совокупности социальных норм, содержащихся в законодательстве. Позитивно-нормативное понимание права, от которого со временем стала отходить юридическая наука, не учитывает иные аспекты формирования права как регулятора общественных отношений.

В этой связи проведение исследований, имеющих целью глубокий анализ исторических закономерностей формирования правовой традиции, выявление причинно-следственных связей между социально-экономическими, духовными и культурными трансформациями общества и сменой его правовых парадигм, а также выявление исторических «цепочек» формирования той или иной нормы, доктрины – представляются важным компонентом современной юридической науки, незаслу-

женно упущенным в годы расцвета позитивизма и нормативизма.

В последние десятилетия в России прослеживается тенденция возрождения религиозных ценностей в обществе, культурного плюрализма и национальной самоидентичности, о чем свидетельствуют законодательные новеллы последних лет, в том числе поправки к Конституции Российской Федерации. Однако в сфере законотворческой деятельности, на наш взгляд, также необходимо обратиться к истокам и правовым традициям, дабы возродить их наравне с другими социокультурными ориентирами.

Называя Основным законом страны, сердцем ее правовой системы конституцию, следует четко осознавать роль, значение, причины и исторические особенности появления этого вида нормативного акта. Появившаяся впервые в привычном нам понимании конституция – Конституция США – стала ориентиром для всех демократических государств. Будучи впоследствии адаптированными в каждом конкретном случае к существующим правовым традициям базовые принципы сохранялись практически в неизменном виде в конституциях других стран.

Интерес к традиции и истокам появления конституции как особого вида нормативного акта обусловлен общей канвой интереса к англо-саксонской правовой системе. Как отмечает М. Д. Горбунов, «в последние годы значительно возрастает интерес к англо-американской правовой мысли, которая тем не менее по-прежнему воспринимается в тенденциозном ключе» [1, с. 5].

Для определения истоков зарождения конституции, а также социокультурных основ появления такого вида нормативного акта следует обратиться к традиции состав-

ления авторитетных письменных документов на ее родине – в Соединенных Штатах Америки.

Идея использования письменного источника в целях регулирования наиболее важных социальных отношений зародилась в США почти на 150 лет раньше подписания Конституции.

Английские религиозные диссиденты в попытках найти убежище после неудачной попытки основаться в Голландии получили разрешение Лондонской компании переселиться в Вирджинию – в первую основанную переселенцами из Европы устойчивую североамериканскую колонию. Еще до прибытия корабля, знаменитого Мейфлауэра, к незапланированной точке высадки – Плимутской скале – 21 ноября 1620 года переселенцами в составе 41 человека было подписано соглашение. В ней они клялись в верности почитаемому суверену и в целях распространения христианской веры брали на себя обязательство объединиться в «гражданскую политическую организацию для лучшего упорядочения, сохранения и продвижения вышеуказанных целей»¹. В документе также содержалось намерение основать колонию (будущий штат Массачусетс) и подчиняться законам, которые «будут сочтены наиболее подходящими и удобными для общего блага Колонии, интересам которой мы обещаем должное подчинение и послушание».

Указывая на важность документа для становления американской правовой системы, Р. Римини отмечает, что «Мейфлауэрское соглашение стало авторитетным источником, в соответствии с которым колонисты издавали собственные законы и выбирали должностных лиц» [2, с. 27]. Н. Дорн в обзоре, посвященном 400-летию подписания соглашения, и вовсе нарекает его «предвестни-

ком самоуправления в 13 первых колониях, а затем и всей конституционной демократии в Соединенных Штатах Америки»².

Указанные мнения сложно разделять в полной мере, поскольку соглашение в действительности носило временный характер и действовало до получения официальной хартии, назвать его предшественником Декларации независимости или Конституции было бы преувеличением. Однако отрицать значимую историческую роль этого документа также не стоит, поскольку именно в нем были закреплены некоторые принципы будущего государства: отделение церкви от светской власти в рамках «гражданской политической организации», верховенство «справедливых и равных законов», договорной и добровольный характер делегирования политической власти государственным органам. Стоит отметить, что именно Мейфлауэрское соглашение заложило американскую традицию составления письменного документа как авторитетного источника, устанавливающего общие принципы организации власти и устройства общества.

При этом следует заметить, что, в отличие от нормативных актов Старого Света, рассматриваемые источники имели договорной характер и были составлены самими членами общества, а не установлены «сверху», что повлияло и на традиции взаимоотношений штатов с федеральным центром [3, с. 169]. Таким образом, подписанное на корабле Мейфлауэр соглашение стало примером для последующих демократических конституций, преамбула большинства из которых начинается с утверждения их добровольного, договорного и всенародного характера: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...»³, «Мы, народ Соединенных Штатов, чтобы образовать более

¹ The Mayflower Compact on November 21, 1620 // URL: https://www.pilgrimhall.org/ap_mayflower_compact.htm (дата обращения: 12.03.2023).

² Dorn N. The 400th Anniversary of the Mayflower Compact. Library of Congress. 2020 // URL: <https://blogs.loc.gov/law/2020/11/the-400th-anniversary-of-the-mayflower-compact/> (дата обращения: 12.03.2023).

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // URL: www.parvo.gov.ru (дата обращения: 12.03.2023).

совершенный Союз...»¹, «Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми <...> немецкий народ <...> принял настоящий Основной закон»² и т. д.

Собранная как паззл, состоящий из закрепленных естественных прав человека и модели государственного управления, принятая позднее Конституция должна была стать тем унифицированным универсальным гарантом гражданских прав и свобод, демократического политического режима и справедливого распределения власти в государстве, к которым стремились ее создатели в 1787 и 1791 годах в Соединенных Штатах Америки. При этом спустя столетия можно утверждать, что поставленная цель создания Конституции была достигнута.

Является ли это основанием утверждать, что американская Конституция – незыблемый нормативный акт, не подлежащий изменению и поправкам, сказать сложно, поскольку американское общество на протяжении более чем 230 лет придерживалось именно такого принципа и возможности провести некий правовой эксперимент американскому конгрессу не представлялось.

Конгресс США внес за всю историю 27 поправок, 10 из которых, называемых Биллем о правах, были приняты всего через 4 года после принятия Конституции, что в обозрении всеобщей истории можно считать практически единовременным с принятием основного документа. При этом с 1789 по 2014 годы, по данным Национального архива США, в Конгресс поступило 11 798 законодательных инициатив о внесении поправок в Конституцию³, подсчеты 2021 года свидетельствуют уже о более 12 000 законопроектов, и лишь малая часть из них смогла пройти процедуру ратификации, успешной при этом она стала только для 1 % поправок.

Статистика свидетельствует о естественном стремлении американского общества к обновлению правовой системы, в то же время подтверждает тезис незыблемости принципов построения государства.

Таким образом, заложенная еще с прибытия корабля Мейфлауэр традиция составления письменного источника права, определяющего устройство государства и порядок управления в нем, была реализована позднее в составлении уникального для своего времени вида нормативного акта – конституции. При этом немаловажной чертой, определяющей своеобразие американского основного закона является его стабильность и отсутствие значимых коррективов.

Справедливости ради стоит отметить, что подобная устойчивость соответствует не только правовой культуре США, но и особенностям англо-саксонской правовой системы, отдающей на откуп правовое регулирование судам, ограничиваясь в законах лишь установлением базовых норм и правил. Именно по этой причине заимствованный у американской правовой системы основной закон в странах романо-германской правовой системы не может похвастаться стабильностью, поскольку должен устанавливать намного больший спектр норм и принципов, требующих регулярной актуализации в рамках Конституции. Исходя из сказанного, подтвердим тезис, приведенный в начале статьи: при заимствовании любого правового продукта, инородного для культурных, исторических и религиозных устоев того или иного общества, следует непременно принимать во внимание эти самые устои, трансформируя «иноземные» новшества в соответствии с ними и не полагаясь на эффективность, полученную на родине правовой новации.

¹ Конституция США 1787 года. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / под ред. О. А. Жидкова. М. : Прогресс. 1993. С. 29.

² Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland am 8. Mai 1949 // URL: https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_00-245200 (дата обращения: 12.03.2023).

³ National archives of the United States // URL: <https://www.archives.gov/open/dataset-amendments.html> (дата обращения: 24.03.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горбунов М. Д. Особенности восприятия англо-американского правового позитивизма в отечественной науке // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 4 (70). С. 5–11.
2. Римини Р. Краткая история США: пер. с англ. О. Алексанян. М.: КоЛибри, 2021. 480 с.
3. Тимонин М. А. Из истории конституционного противостояния американских штатов привилегиям // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2 (68). С. 169–179.

REFERENCES

1. Gorbunov M. D. Features of the perception of Anglo-American legal positivism in domestic science // Legal state: theory and practice. 2023. No. 4 (70). P. 5–11. (In Russ.)
2. Rimini R. A Brief History of the USA: transl. from English. O. Aleksanyan. M.: Kolibri, 2021. 480 p. (In Russ.)
3. Timonin M. A. From the history of the constitutional opposition of the American states to privileges // Legal state: theory and practice. 2022. No. 2 (68). P. 169–179. (In Russ.)

Информация об авторах:

Латыпова Н. С., кандидат юридических наук, доцент;
Тулупова Е. О., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Latypova N. S., Candidate of Law, Associate Professor;
Tulupova E. O., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 09.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 101.1:316.61

ЧЕЛОВЕК – БИОЛОГИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПЛАНЕТАРНАЯ ЦЕННОСТЬ: ВОПРОСЫ ЕГО СУЩНОСТИ, АМОРАЛЬНЫХ И ПРОТИВОПРАВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Борис Зуфарович Маликов

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, malikov_bz@mail.ru

Аннотация. Материал статьи актуализирует проблему оценки сущности человека как особого типа человеческой биологии, физиологии, функциональной деятельности мозга, тела и интеллекта, что в совокупности заставило его сформировать особую для себя и своего самовыражения форму бытия – социум. При этом человек, став биолого-социальным определяющим фактором дифференциации на планете Земля мира живого на два его проявления: мир животных и мир людей, заложил основы развития духовных и нравственных начал своего бытия и взаимодействия с природой. Проявлением его духовности, творчества и культуры стал цивилизованный формат социальных отношений. Однако уровень цивилизованности социума не исключает полностью проявлений негативов, обусловленных его противоречивой биологической сущностью, а также несовершенством (неустойчивостью) социальной, индивидуальной (личностной) конструкции. Человек – не только единство биологического и социального, но он еще и единство позитива и негатива. В этом кроется причина аморального и противоправного поведения человека.

Ключевые слова: человек, социум, живая природа, доисторический период жизни человека, сущность человека, социальные отношения, социальная нормативность, противоправность в прошлом и настоящем.

Для цитирования: Маликов Б. З. Человек – биологическая, социальная и планетарная ценность: вопросы его сущности, аморальных и противоправных проявлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 28–38.

Original article

MAN IS A BIOLOGICAL, SOCIAL AND PLANETARY VALUE: ISSUES OF HIS ESSENCE, IMMORAL AND ILLEGAL MANIFESTATIONS

Boris Z. Malikov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, malikov_bz@mail.ru

Abstract. The article actualizes the problem of assessing the essence of man as a special type of human biology, physiology, functional activity of the brain, body and intellect, which together forced him to form a special form of being for himself and his self-expression – society. At the same time, man, having become a biological and social determining factor in the differentiation of the living world on planet Earth into two of its manifestations: the world of animals and the world of people, laid the foundations for the development of spiritual and moral principles of his being and interaction with nature. The manifestation of his spirituality, creativity and culture was the civilized format of social relations. However, the level of civilization of society does not completely exclude the manifestations of negatives due to its contradictory biological essence, as well as the imperfection (instability) of the social individual personality structure. Man is not only the unity of biological and social, but he is also the unity of positive and negative. This is the reason for the immoral and illegal behavior of a person.

Keywords: man, society, wildlife, prehistoric period of human life, essence of man, social relations, social normativity, illegality in the past and present.

© Маликов Б. З., 2023

For citation: Malikov B. Z. Man is a biological, social and planetary value: issues of his essence, immoral and illegal manifestations // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 28–38.

Идеи историчности человеческого существования и бытия на планете Земля связаны с теми проявлениями планетарного характера, которые имели место в прошлом, могут быть в настоящем и в будущем. Планетарная историчность бытия человека лишь подтверждается теми объективными данными, которые способна оценить и объяснить наука, опираясь на реальные свидетельства определенных периодов и особенностей его жизни и творений. Легенды и предания, мировоззренческие трактаты, в том числе и религиозного характера, могут быть приняты во внимание лишь как социальный «фон», несущий в себе «дух» прошлых времен, как результат человеческого осмысления вторичного и производного порядка. Сама истина чаще всего преломляется в сознании человека и его оценках, формируя представления и идеи о сущности мироздания, Солнечной системы, планеты Земля и жизни на ней.

На Земле есть свидетельства о событиях, связанных с человеческой деятельностью, которые позволяют дифференцировать мир человека пока на два цивилизационных формата (периода): а) прошлой доисторической цивилизации, – погибшей либо значительно изменившейся в новых планетарных условиях; б) ныне существующей не один десяток тысячелетий цивилизации.

Прошлая доисторическая цивилизация – это жизнь и эпоха человека природы, возможно, человека-гиганта, который существовал со времен динозавров и начал вымирать вместе с их исчезновением, но не полностью как вид живого. Предположительно вымирание гигантов как определенный процесс был не одномоментным, а несколько протяженным во времени. На этапе проявления конкретного негатива планетарного или эко-социального катаклизма, приведшего к разрушению благоприятных условий для их существования, значительная их часть вымерла, оставив объективное наследие и факты своего существования

и деятельности (Африканский континент, о. Пасхи, Египет и др.). В процессе завершения своего исторического периода бытия «гиганты» и «атланты», возможно, какое-то время были среди людей нарождающейся новой цивилизацией обычного человека. Наличие цивилизации человека-гиганта в определенной мере ломает прямолинейность теории Ч. Дарвина о естественной эволюции живого в природе вплоть до появления особи человека. Ведь период «гигантов» в природе живого, вероятнее всего, был на Земле. Однако процесс эволюции простейших живых организмов в условиях планетарных сложных процессов отрицать нельзя. Эволюционный процесс развития живого на Земле имел место быть. Не исключено, что он неоднократно претерпевал существенные изменения. Вместе с тем на Земле возникли природно-климатические условия и биологические состояния для порождения качественных скачков в мире живого путем мутаций и иных биологических процессов, связанных с космическими воздействиями на нашу планету, с геологическими и природными катаклизмами окружающей среды как особых условий качественного реформирования живых организмов. Мы полагаем, что при этом прежние биологические цепочки претерпевали изменения в силу зарождения в них генома человека, передачи его в более совершенные особи, а далее уже работал процесс сначала неизбирательного, а затем избирательного скрещивания, который и выделил человеческую особь.

Именно уже человеческая особь как более совершенный вид живого стала активно продуцировать себя по законам выживания и естественного отбора. Это предопределило отход человека от «стада предков» в самостоятельные человеческие образования со способностью в них переходить в формат межличностного и группового общения. У человеческой особи в среде себе подобных стал возникать новый стиль вербального об-

щения. Происходил этот процесс из смены прежних отдельных звуков выражения животной «силы» организма и характера физической организации тела проявлениями выражения множества вполне осмысленных и понятных другим физическим лицам звуков общения, придавая им устойчивый характер, как инструмента речевого взаимодействия.

Человек как высокоорганизованный вид живого возник в силу развития биологической особи, выживание которой в природе было обусловлено не за счет физической силы, клыков, когтей, панциря, яда, особого свойства тела, а в силу комплекса телесно-интеллектуальных его особенностей и способностей, позволивших ему встать выше чисто биологических проявлений агрессии любых хищников и естественных вызовов природы.

Возможно, история периода «постгигантизма» характеризовалась резким спадом качества жизни уже для современного типа человека до уровня каменных орудий и использования подручных средств выживания, накопления изначально нового опыта жизни. Человеческий современный вид является результатом борьбы за свое существование и выживание, начиная с этапа родоплеменной его организации¹.

Философ Н. Ростова подвергла критическому анализу теорию Стивена Пинкера о природе человека. Ею, в частности, было отмечено, что «... философия XX века поставила под вопрос представление о сущности человека. «Человек – не то, что он есть», «у человека нет сущности», «существование предшествует сущности», «существование не определено сущностью, равно как и не определяет ее» – в этом смысле начали манифестировать философы... Для религии ответ очевиден – человек создан по образу и подобию Божьему. В своей книге «Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня» Стивен Пинкер решается оспорить оба подхода [1]. Если религиозная идея оставляется им

сразу же, как не соответствующая реалиям сегодняшнего дня, то философская тенденция к отказу определять природу человека и рядом располагающиеся идеи социального конструктивизма составляют главную мишень для его критики. Человек – не тот, кто делает себя сам, равно как и не тот, кого производит социум. Он не чистый лист для антропологических и социальных начертаний, но биологическая данность. Свой подход Пинкер называет биологически просвещенным гуманизмом [2]. Можно согласиться с позицией С. Пинкера в том, что исходная и постоянная сущность человека представляет собой биологическое начало и состояние.

Однако человек – это уже совершенно уникальный вид биологии. Отличается он от других совершенных видов живого и животных наличием своей особой человеческой сущности – наличием генома человека. Именно новая биология мозга с набором уникальных его функциональных способностей и возможностей позволила сформировать физическое тело, способное не только выживать, продолжать свой род, но и иметь разум, мышление и формы межличностного общения как биологический инструментальный для формирования представлений, оценок, осознанного поведения, а также обустройства своей жизни и определения ее перспектив. Отличительная (биологическая) деятельность мозга человека проявляется во включении ее в самый сложный единый комплекс и механизм действий рефлексов, инстинктов, осознанных оценок состояния своего тела и реагирования на эти сигналы, а также всей системы интеллектуально-мозговой деятельности по осмыслению своего «Я», бытия и взаимодействий с себе подобными в окружающем пространстве. Поэтому мозг человека – это не набор модулей-процессоров, не область вычисления и программирования – это биология разума, чувств и действий. Человек с особой своей биологической сущностью

¹ См.: Лейтан О. Происхождение человека: все версии // <https://dzen.ru/media/id/5ee1438b36269900374802f8/proishojdenie-cheloveka-vse-versii-608df9e9b8f34b04d2e97a2e> (дата обращения: 02.12.2022).

сформировал себя, социум, социальные институты, культуру, нормативы этики и эстетики.

Рождение ребенка – это неординарный и знаменательный дар судьбы. С детства человек, вращаясь в жизнь, познает и формирует себя, встраивая себя в сложный механизм социальных взаимодействий. За свою жизнь каждый из нас объясняет или доказывает себе и всем остальным, – зачем явился Миру. У одних рождение – это случайность, после которой не всегда проявляется сам человек и личность с внятной картиной жизни, не возникает последующих «авторских» событий и движений. Для других жизнь – это большой труд творения себя ради благодати и гармонии вокруг себя, а также продолжения великолепия жизни после себя. В общей картине жизни человека (мы имеем в виду его биологию и социальный формат) объединено и смешано все: и великолепия его тела и души, и некоторые проявления мерзости его воли, «выскакивающие» из биологической его сущности, а также социальных не совсем совершенных установок, проявляющихся в его поведении и делах.

Надо особо отметить, что без социальной формы бытия человек вряд ли бы достиг значимой и стабильной устойчивой, именно человеческой идентичности. Ведь в природе живого есть особи, обладающие головным мозгом массой более, чем у человека. Например, «... у крупных животных мозг тяжелее, чем у человека (1500 г): у дельфина – 1800 г, у слона – 5200 г, у кита – 7000 г. Однако все они лишены возможности высокого уровня общения и взаимодействия, нет у них природных запросов на определенный, выше естественного, формат обитания, а также необходимости воздействия на окружающим мир. В целом их биология и физическое состояние более приспособлено к заданным условиям обитания, не требующим развития мозговой функциональности и самого тела.

Чтобы вскрыть истинные отношения массы мозга к массе тела, используют так

называемый квадратный указатель мозга, т. е. произведение абсолютной массы мозга на относительную. Этот указатель позволил выделить человека из всего животного мира. Так, у грызунов он равен 0,19, у хищных – 1,14, у китообразных (дельфин) – 6,27, у человекообразных обезьян – 7,35, у слонов – 9,82 и, наконец, у человека – 32,0»¹.

Однако, нам представляется, что человеческая сущность проявилась в совокупности действия ряда факторов: а) в особой человеческой биологии – в своеобразии, определенности и устойчивости генов; б) в телесности человеческой особи с наличием особой мозговой интеллектуальной деятельности для управления своим телом в целях выживания в суровой и непредсказуемой для него природе пространства Земли, неба, водной стихии, а также природных и климатических катаклизмов; в) в обретении навыков труда и социального опыта [3].

Наземная среда обитания для человека сравнительно быстро перестала быть только областью его подножного промысла в целях потребления всего пригодного для пропитания. Надо отметить, что у животных с развитой мозговой деятельностью (у дельфинов и китов, человекообразных обезьян, слонов и др.) не стоял вопрос своего сбережения и пропитания в среде обитания: У них эти вопросы решались за счет миграции и достаточности пропитания в дикой природе или в водной стихии. С появлением человека планетарная жизнь кардинально изменила свои очертания. В мире живого появился и рельефно обособился мир человека, начался социальный и цивилизационный процесс. Хотя планетарные особенности заставляли человека приспосабливаться к живой природе как месту обитания, источнику обретения и сохранения жизненных сил, продолжения и утверждения своих физических и интеллектуальных возможностей в мире живого, но они же формировали постепенно понимание о рачительном отношении к природе и всему живому.

¹ См.: «Человеческие» признаки строения мозга // MedUniver: <https://meduniver.com/Medical/Anatom/430.html> (дата обращения: 12.12.2022).

Надо отметить, что отдельные этносы и народы России вплоть до XX века вели кочевой образ жизни на территориях Дальнего Востока, Сибири, Урала, Прикаспия, Поволжья. Поэтому в этих регионах сравнительно поздно проявилась оседлость населения с возникновением конкретных и значимых в нашей истории поселений. По этим же причинам затруднены были у них и процессы развития государственности и ряда социальных институтов. Основным для них социально-организационным форматом становились и сохранялись род, семья, религиозно-церковная жизнь, обыденная и религиозная обрядность. Этнические особенности не всегда выражено проявлялись и становились предпосылками устойчивых процессов формирования наций.

Еще раз отметим, что появление человека на Земле изменило многое в живом мире на нашей планете. Разумное естество в лице человека поделило мир живого на: а) общую естественную биологию как форму существования всех видов природного характера, с одной стороны; б) с другой стороны, на биологию, пространство и мир человека с его интеллектуальными, духовными и иными способностями, а также проявлениями, свойственными только ему (общение с помощью речи, накапливание и передача знаний и опыта, производительного труда).

Сама жизнь человека стала сформированной из четырех основных проявлений его сущности и бытия в качестве личности: а) биологического – продолжение и существование своего вида; б) материального – наличие способности воспроизводить блага для организации своей жизни; в) духовного – наполнение жизни творениями своего интеллекта, таланта и способностей; г) социально-государственного – обеспечивать жизнь в формах семьи, социума, государства, в планетарном пространстве людей и всего живого.

Проявлением личного и социального деструктива во все времена истории человечества было и остается криминальное поведение части населения большинства государственных образований. Криминальное поведение является проявлением негативов

и противоречий конкретной личности, а также несовпадения интересов различных социальных групп, этносов, народов, представителей различных конфессий и религиозных направлений.

Организация жизни человека стала возможной на основе тысячелетней социальной практики, результатом которой явилось наличие устойчивых нормативно сформированных отношений и форм культуры индивидов в процессе воспитания личности в формате этики: морали, нравственности, обычаев, традиций; принуждения: правовых предписаний, правопорядка, ответственности и правосудия; эстетики: представлений о внешнем выражении себя, вещей, предметов, объектов, архитектуры и других параметров требований должного, допустимого, возможного, прекрасного или неэстетичного.

Между тем известно, что изначально человеческий вид в силу действия инстинктов в сочетании с развитием индивидуального осознания физического состояния своего тела, телесных потребностей и проблем, его запросов, элементарно противодействуя негативам сил природы, стал проявлять заботу о своем выживании и своего рода. Биолого-физиологическая и физическая устойчивость человека в природе позволила ему существенно не только нарастить количественно свой вид, но и стать интеллектуально развитой единицей живого пространства, нарождающегося социума на основе общественных отношений. Жизнь человека в социуме стала активно формировать его в качестве личности путем развития индивидуальных способностей и реализации духовных потребностей, встраивания себя в множество и разнообразие возникающих социальных отношений. Социальные аспекты бытия человека породили и социальные нормы жизни на уровне принципов и требований о позитивном и негативном (этика и эстетика), на уровне отношений (противоречия, агрессия, вред, расправа, самосуд, виды ответственности обычные и правовые).

Во все времена истории развития социума человек искал ответы на вопросы: а) понимания своей сущности и своего

предназначения с момента рождения и до смерти; б) поиска оптимальных форматов и нормативов жизни в социуме, характера и содержания социальных отношений, смысла жизни и ее должной организации.

На основе абстрактного мышления и появления мировоззренческих познаний разных уровней философского осмысления своего бытия возникло множество теорий-гипотез, объясняющих возникновение в мире живого человеческого вида и самостоятельной его биологической особи. Было время, когда и сама наша планета изначально рассматривалась центром вращения Солнца, подобно Луне.

Наиболее устойчивой и приемлемой в настоящее время остается естественная теория биологической природной эволюции живого и жизнотворного компонента планетарного свойства под воздействием ряда сил природы в особь человека. Это классическая селекционная теория естественного отбора Ч. Дарвина (1859 г.).

Ряд исследователей в противовес обоснования этой теории выдвигают аргументы, которые свидетельствуют о неповторимости этого явления в среде животного мира ни на каком другом уровне, кроме случаев отдельных мутаций. Да и сам человек «не снизошел» обратно до облика и рефлексии животного. Вместе с тем в сторону отбрасываются принципиальная общность функционирования организма человека и особей животных, функциональная похожесть их телесных органов, чувствительных и рефлекторных реакций, схожесть биологических и физиологических потребностей, рождение потомства и забота о нем, стадная форма обитания, способность «узнавания» своего хозяина, своего «загона», выполнение настроев дрессировки и команд хозяина.

Вторая гипотеза появления человека на Земле именуется панспермической. Она основана на предположении, что жизнь на Земле возникла в результате перенесения на нее жизнеспособного материала из космоса, вплоть до посещения Земли инопланетянами. Однако мы можем не только возразить этой версии, если допустить предложенный

вариант привнесения человеческой жизни откуда бы то ни было, то логика мышления возвращает нас опять к мысли о природе ее возникновения где-то там в подобных условиях, схожих с выживанием человека на нашей планете. Саму же вселенную мы считаем беспредельным и безмерным состоянием галактических, космических и иных проявлений с существованием звездно-планетарных систем, явлений, сил, энергий и взаимодействий, пока не поддающихся человеческому осмыслению. Ведь человек сделал только первые скромные и допустимые шаги за пределы Земли и Солнечной системы.

Третья гипотеза мифологического характера, принимаемая за истину в качестве веры в творение Всевышнего – это религиозная позиция, утверждающая, что Земля и жизнь на ней появились в результате божественного проявления. Религиозные теории появились закономерно, объективно, как отражение социальной потребности в объяснении мироустройства, роли человека в нем, о порядке отношений, значении духовности и вещей, о бессмертии души. Они несли в себе познания, нормативы жизни и культуры своих времен, которые еще не опирались на глубокие познания естества живого, на те результаты науки о более поздней жизни человека. В этом обнаружилась их ограниченность, консерватизм (торможение) и несостоятельность как идеологии активного, творческого, независимого, относительно свободного и ответственного проявления человека в реальной действительности, а также не устремленной в будущее через новые поколения детей и внуков. Однако достижения науки, технического прогресса и результаты цивилизации не подтверждают истинность религиозных положений о Боге и его творениях. Мировые религии с механизмами церковной власти стали первыми проявлениями социальной глобализации, так как затронули судьбы значительной части населения планеты. С этим реальным обстоятельством не считаться нельзя, ведь право на вероисповедание – это конституционное право.

Вся противоречивость самой сущности человека требовала объяснений многих обсто-

ятельств его бытия, обитания, существования, предназначения, смысла его жизни, внешнего проявления конкретного индивида (тела, души, интеллекта), личности, организации его личной жизни и социума в целом.

С момента появления человека эволюционные процессы в живом и животном мире не предъявляли человеку примеров их естественного перерождения в иные виды. Известные и изученные периоды жизни человека на планете Земля характеризуются следующими факторами:

1. Историчность бытия человека на планете Земля подтверждается теми объективными данными, которые установлены наукой, и уровень ее развития обеспечивал способность их оценить и объяснить.

2. Легенды и предания, мировоззренческие гипотезы, в том числе и религиозные, могут быть приняты во внимание лишь как социальный «фон», несущий в себе «дух» прошлых времен, как результат человеческого осмысления вторичного и производного порядка, сама же истина чаще всего преломляется в сознании и оценках человека, формируя представления и идеи о сущности мироздания, Солнечной системы, планеты Земля и жизни на ней.

3. В нашей жизни есть свидетельства о событиях, связанных с человеческой деятельностью, которые позволяют дифференцировать мир человека пока на два цивилизационных формата (периода): а) прошлой доисторической цивилизации, – погибшей либо значительно изменившейся в новых планетарных условиях; б) ныне существующей не одно тысячелетие цивилизации.

4. В живом мире не отмечено определенных биологических процессов по изменению видов животных и самого человека.

5. Человек в живом мире с его интеллектуальными, физическими, творческими и иными способностями стал влиять на окружающий мир, приспособливая его под свои потребности.

6. Человечество преобразовалось в социум с формами своего устройства, целями и задачами, а также разнообразием различий своих проявлений.

7. Социальные отношения до настоящего времени, исходя из противоречивой биологической сущности самого человека, конкурентного характера организации его бытия, нестыковок экономических, материальных и других значимых аспектов содержания жизни каждого индивида, пока не привели к закономерной устойчивости всего многообразия взаимодействий людей, что влечет обострения противоречий и разнопорядковые конфликты (межличностные, межгрупповые, межобщинные, межгосударственные), вплоть до мировых войн.

8. Человек и его мир в своем стремлении овладеть энергией и видами оружия массового поражения, а также в сфере биотехнологий и биоинженерии, поставил себя в опасное состояние риска физического уничтожения человека как вида живого, либо исключения из биологии его тела «типичного сущностного гена», делающего тело (оболочку) человека носителем иного живого существа, а также изменение окружающей среды до уровня опасности, влекущей утрату условий нормального своего обитания.

9. В своем социальном движении человечество достигло достаточно высокого уровня экономического, технологического и научного развития, а также ряда проявлений глобализации и опасностей по результатам своей деятельности на Земле и в космическом околоземном пространстве, способных повлечь серьезные опасности для существования человека, риски опасностей планетарного характера.

Положения, приведенные в 1 – 5 пунктах, подтверждены самой историей жизни человека и данными его познавательной деятельности (наукой).

Встает вопрос: почему интеллект не позволил человеку организовать свою волю таким образом, чтобы проявления своего эго не были выше общих межличностных трений, претензий, обид, не обращались бы в отношения вражды, агрессии и взаимоуничтожения или причинения вреда себе подобным? Ответ на этот вопрос многозначный.

1. Сам по себе человек – главное противоречие всему, а также он является эгоцен-

тричным конкурентом с набором позитивных и негативных средств противодействия иным лицам. В него природой заложен потенциал физических (с приоритетом биологической активации) и интеллектуальных сил, а также способностей борьбы и агрессии. В социальном пространстве свой физический актив борьбы человек многократно приумножил орудиями и средствами поражения, а также уничтожения себе подобных и материальных ресурсов. В достижении своих целей в разнополярных проявлениях в групповом и общесоциальном выражении потенциал негатива и агрессии, как правило, приумножается количественно и качественно в направлении от межличностных до межгрупповых, межнациональных, межконфессиональных и межгосударственных конфликтов, вплоть до мировых войн.

2. Объективно все люди разные даже при самом близком внешнем физическом сходстве, но физиология на рефлекторном уровне живых существ и биология сущности живого проявления заложили сильное действие принципа выживания: живет и побеждает (выживает) сильнейший. Факторы, признаки и принципы выживания и победы человека на протяжении всего его существования и по настоящий день остаются неизменными.

3. Цивилизация человечества – это прежде всего процесс отдаления человека в своих проявлениях от рефлекторных действий, свойственных животным, с одной стороны, и наполнение своего поведения форматом интеллектуального смысла, социальной обусловленности и духовности на основе выработанных им требований общепризнанных нормативов, а также осмысленных представлений о должном позитивном укладе взаимодействий, с другой стороны. Этот процесс «усовершенствования» человечества и социальных отношений не есть лишь позитивное и прямолинейное движение к его вершинам. Цивилизация социума – это дли-

тельный и противоречивый, порой кровавый и сложный процесс движения человечества в направлении достижения более значимых гуманитарных результатов в различных областях жизни. Тысячелетия продолжается борьба добра и зла в формах войн, взаиморазрушения, социально-государственного принуждения, исправления, привития форматов культуры, этики и эстетики. Каждая социально-экономическая формация в сравнении с прошлыми качественными уровнями достижений социума – новая ступень развития в сферах экономики, социальной организации, духовности и культуры, большего учета континентальных особенностей, расовых и этнических различий, устройства государств, а также ментальности разных цивилизационных и этно-культурных групп народа. В новых экономических и социально-культурных условиях действует прежний по основным биологическим характеристикам человек, но обновленный измененными обстоятельствами и условиями жизни, другой культурой, другими возможностями и устремлениями в будущее. «Качество» человека, как правило, всегда отстает от изменений условий жизни.

История человечества свидетельствует о наличии разных проявлений цивилизации: а) отдельные социальные образования, ушедшие из реальной действительности (майя, ацтеки, инки)¹; б) империи, культуры; в) государства, экономико-политические системы и союзы; г) общности с устойчивыми религиозными интересами, нормативами и традициями.

На определенных уровнях экономико-социального развития цивилизации в социуме имеет место появление и действие цивилизационных факторов мировоззренческого, идеологического, этического и эстетического порядка. Под этим мы понимаем возникновение философских взглядов и обобщений, ранних религиозных воззрений, идейно-властных постулатов и организаци-

¹ См.: Ацтеки, майя, инки: чем отличаются коренные цивилизации Америки и почему они исчезли? // Дзен: <https://dzen.ru/media/scienceeveryday/acteki-maiia-inki-chem-otlichaiutsia-korennye-civilizacii-ameriki-i-pochemu-oni-ischezli-61f66a61c16b8f4c01fa6261>. (дата обращения: 12.12.2022).

онно-процедурных норм, иных форм воздействия на социальные процессы и человека.

4. Возвращаясь к проблеме противоречивой сущности самого человека, отметим, что биологическая природа эго индивидов порождает межличностные противоречия. В эпоху древней дикости индивидов и средневековой жестокости социальной организации нравы и нормы позволяли устранять противоречия, умерять агрессивные страсти, осуществлять торжество «справедливости» путем применения физической силы, расправы над виновным или более беззащитным, а также прибегать к междоусобным войнам.

5. В эпоху современной цивилизации разрешение противоречий ушло от принципа талиона – причинения ответного вреда обидчику или обязательного уничтожения кровного врага или конкурента. На межличностном уровне противоречия продолжают разрешаться с позиции силы, агрессии и причинения вреда. Поэтому в социуме выстроена система видов ответственности моральной и государственно-правовой. Тем самым, для сильного человека с его интеллектом и культурой, правопослушной организацией жизни победа над конкурентом возможна в режиме пристойности, добродетельности, благотворительности, уважительной снисходительности по отношению к менее сильному оппоненту, воспринимаемому в качестве значимого субъекта совместного бытия. Побежденный человек, но не поверженный и не оскверненный грубой силой и подлой жестокостью, может принять такой результат соперничества с пониманием, как объективный ход жизни. Примером относительной гармонии отношений людей являются международные спортивные состязания – Олимпийские игры, в которых всегда есть и победители, и побежденные, но нет жертв, униженных, оскорбленных и поверженных. От такого уровня спортивных, профессиональных и иных видов состязаний получают удовлетворение не только активные участники, но и все причастные к этому действию: организаторы, болельщики, широкий круг близких и родственников, сам спорт, состоя-

ние спортивной и социальной культуры, частью и формой которой он является. Однако в то же время всем известны Олимпийские игры в нацистской Германии в 1936 г., трагедия Олимпийских игр в Мюнхене 1972 г., перерождение современных Олимпийских игр и других межнациональных спортивных состязаний в соперничество с применением спортсменами допинга, подкупа судей состязаний, а также политизирования таких состязательных процедур.

6. Общество и государство обязаны создавать, иметь в наличии и действии различные механизмы сдерживания неумеренной силы, злой и хамской воли, а также стимулирования (поощрения) конструктивной культуры на основе принципов справедливости, равных возможностей и умеренности (скромности) потребительских запросов и сдерживания нравственно и социально низкопробных властных либо иных обыденных, не состоятельных амбиций.

7. Человек всегда выступает в качестве конкурента другому человеку во всех смыслах и проявлениях. Это предопределено действием сил и механизмов биологии и социальных движений. В жизни человек есть и будет оставаться прежде всего высокоорганизованным, интеллектуально способным биологическим видом с набором обычных рефлекторных реакций и действий, сил, физиологических потребностей, а также социальных обусловленностей. Механизмы рефлексов и позывы к удовлетворению биологических потребностей порой бывают сильнее интеллектуально обусловленных должных волевых усилий по сдерживанию негативного своего проявления. Поэтому не все люди способны выдерживать требования моральных и правовых норм о должном поведении. Тем самым, в ряде случаев частного и личного характера люди совершают поступки аморального и противоправного характера.

8. Сам человек, став активной социальной единицей, не утратил высокой своей внутренней биологической и личностной противоречивости, обусловленной проявлением в каждом индивиде единства позитива и негатива.

Формирование личности происходит в процессе ее социализации – привития элементов личной культуры, должного этикета и восприятия эстетических форматов, выработки умений управлять собой, сдерживать запредельные и негативные эмоции, биологические и физиологические запросы, не реагировать агрессивно на внешние сильные раздражители. Поэтому вся система воспитания связана с выработкой у человека позитивных личностных начал, широкого кругозора и значимых познаний, развитием необходимых для жизни, профессиональной деятельности и межличностного общения способностей и умений. Позитивный человек – это прежде всего личность с развитой системой способностей по сдерживанию персонального негатива от неконтролируемого его выплеска во вне, а также с наличием уровня элементарной культуры, умением позитивно себя презентовать в процессе социального общения и взаимодействий. Успешному социальному общению способствуют образованность индивида, развитость личных способностей и талантов, профессионализм, увлеченность значимыми формами социального проявления (спорт, творческая деятельность), реализация профессиональных и иных позитивных интересов через коллективы, союзы, группы, движения, фонды, общности.

9. Противоречивость человека проявляется в неоднородности социума с позиции оценки его структуры по признаку отношения к требованиям социальных норм. Преобладающая часть социума безусловно стремится соблюдать требования социальных норм, обеспечивая положительный нравственный и правовой настрой (баланс) в обществе. Однако в обществе всегда присутствует значительная часть населения, индифферентная по отношению к требованиям морали, права и ответственности, а также аморальная, противоправная и криминально активная часть, несущая в себе криминальный опыт, опыт ответственности и государственного принуждения. Люди в социуме также дифференцированы по отношению к своему здоровью, наличию устойчивых

вредных личных стереотипов поведения, состояний и ориентаций, разнополярной целеустремленностью, разным напряжением воли и сил, а также нежеланием проявлять заботу о себе, близких и своем будущем. Схематично и условно людей можно дифференцировать по внутренним установкам и внешнему проявлению на лиц: а) со знаком «+» (позитив); б) с разнополярными знаками «+»/«-» (в зависимости от обстоятельств и ситуаций); в) преимущественно со знаком «-» (асоциальные).

Вместе с тем, это не означает, что положительные люди не способны совершать аморальные и противоправные поступки. У них, как правило, высокий уровень культуры и ответственности. Но и они допускают выплеск и выход своего негатива во вне в критичных ситуациях и в момент утраты контроля над собой.

Нередко криминально ориентированная часть людей маскирует себя под законопослушных лиц, но организует свою жизнь на основе криминального промысла или «кормления» за счет дел и участия в «криминальной семье», чаще в этом проявляют себя лица, имеющие судимость. Лица, индифферентные к правопорядку и нравственности, а также проявляющие правовой и социальный нигилизм, способны при наличии криминальной корыстной удачи, ситуации ослабленного официального контроля либо стресса воспользоваться вариантом криминального действия.

Следует отметить, что экономические блага (воздух, вода, благоприятный климат и окружающая среда) составляют базисный комплекс современного уровня жизнеобеспечения человека и человечества. Они предполагают гармоничное развитие личных и социальных интересов. Но экономические блага и власть, являясь выражением материальных и отчасти духовных интересов человека, истоком которых признано эго индивида, нередко деформируют личность своей сосредоточенностью на них, ослабляя ее моральный устой, понижая уровень ответственности, подталкивая к совершению противоправных поступков.

Цивилизационные процессы в планетарном масштабе в своем содержании сохраняют проявление всех противоречий и негативов, которые свойственны конкретному человеку. Детская девиантность (аморальное и противоправное поведение подростков и школьников), криминальная агрессия, потребительский, корпоративный, религиозный, организационно-массовый (чаще спортивный) фанатизм, деструктивно-массовые явления в формах потребления наркотиков, спиртосодержащих веществ, разных проявлений «окультуривания» курения (электронных средств заменителей табака, вейпов, кальянов), тату художеств и других рыночных новоделов, мутных реклам быстрого обогащения, оздоровления, профессиональной и личной успешности, – все это опор-

ные моменты криминального присутствия в социуме для занижения персональной нравственности и культуры. Все они рассчитаны на возможность «разблокировки» личного негатива конкретного человека с целью его участия или использования в криминальных схемах, а также низкопробных и аморальных процессах и процедурах рынка.

Все это в Россию пришло на «плечах» рынка преимущественно из Западной Европы и США, у которых свой интерес далеко не чисто рыночный. Им нужны интеллектуально и физически слабые граждане России, с низкой личной культурой для своих далеко идущих целей. После СССР форпостом Мира и общечеловеческой культуры остается Россия, а также ее талантливый и патриотичный народ. Это раздражает Европу и США.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 608 с.
2. Ростова Н. Человек познающий // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 2. С. 81–90.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: АСТ, 2019, 288 с.

REFERENCES

1. Pinker S. Clean sheet: Human nature. Who and why refuses to recognize it today. M.: Alpina non-fiction, 2018. 608 p. (In Russ.)
2. Rostova N. Man Cognizing // Philosophical Anthropology. 2018. V. 4. No. 2. P. 81–90. (In Russ.)
3. Engels F. The origin of the family, private property and the state. M.: AST, 2019, 288 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Маликов Б. З., доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

Malikov B. Z., Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Аналитическая статья
УДК 342.9

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ,
НАПРАВЛЕННЫЕ НА СНИЖЕНИЕ НАГРУЗКИ НА БИЗНЕС,
КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ**

Глеб Геннадьевич Лянной

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия,
alwolfy@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов, связанных с обеспечением безопасности предпринимательской деятельности в условиях глобальной санкционной политики со стороны недружественных России стран. Автор обобщает и анализирует с точки зрения целесообразности и эффективности административные меры предупредительного и наказательного характера, принятые государством в отношении предпринимателей, направленные на снижение карательной нагрузки на хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, санкционная политика, меры наказания, административный процесс, защита предпринимательства, административные наказания.

Для цитирования: Лянной Г. Г. Административно-правовые меры, направленные на снижение нагрузки на бизнес, как механизм защиты предпринимателей // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 39–45.

Original article

**ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEASURES AIMED
AT REDUCING THE BURDEN ON BUSINESS
AS A MECHANISM FOR PROTECTING ENTREPRENEURS**

Gleb G. Lyannoy

Baikal State University, Irkutsk, Russia, alwolfy@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of issues related to ensuring the security of business activities in the context of global sanctions policy from countries unfriendly to Russia. The author summarizes and analyzes, from the point of view of expediency and effectiveness, administrative measures of a preventive and punitive nature taken by the state against entrepreneurs, aimed at reducing the punitive burden on business entities.

Keywords: entrepreneurial activity, sanctions policy, penalties, administrative process, protection of entrepreneurship, administrative penalties.

For citation: Lyannoy G. G. Administrative and legal measures aimed at reducing the burden on business as a mechanism for protecting entrepreneurs // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 39–45.

Во время глобальных политических, экономических и социальных потрясений во всем мире наше государство находится в состоянии постоянных изменений, негатив-

но влияющих на деятельность всей системы жизнеобеспечения населения. На первое место в числе общих угроз, возникающих в условиях жесткого санкционного режима,

выдвигается угроза экономической безопасности страны и сферы ее обеспечения. Под негативное воздействие попадает деятельность предпринимателей, на которых, наряду с возникшими сложностями осуществления предпринимательской деятельности в создавшихся условиях, обрушивается образованная государственным аппаратом система юрисдикционной политики со всеми вытекающими наказательными последствиями.

Наиболее подвержены негативным внешним воздействиям субъекты малого и среднего предпринимательства. Развитие законодательства Российской Федерации идет по пути улучшения положения субъектов бизнеса, выработки и закрепления нормативных основ защиты их прав. Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹ установлены условия, в соответствии с которыми хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели) относятся к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, и средним предприятиям, сведения о которых внесены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

Справедливо заметить, что за последнее время, в связи с международным экономическим напряжением, многие участники предпринимательской деятельности не выдержали санкционной, налоговой и кредитно-банковской нагрузки и ушли с экономической арены. Так, по данным Росстата по состоянию на 1 октября 2022 года зарегистрировано 3875782 предпринимателя по России, по состоянию на 1 января 2023 года – 3875426, снижение показателя

составило 0,01 % по всем видам экономической деятельности². Казалось бы, снижение незначительно, учитывая данные статистики по всей стране, однако показатель неумолимо отражает общую тенденцию. «С 1 марта по 31 мая 2022 года в России закрылось почти в полтора раза больше юридических лиц, чем за аналогичный период в 2021 году. Об этом говорят результаты исследования сервиса «Аktion Бухгалтерия», аналитики которого проанализировали данные ФНС России по динамике открытия и закрытия бизнеса. По этим данным, весной 2022 года упало также количество новых регистраций юридических лиц – на 4 %, до 63 392. Таким образом, за весну 2022 года закрылось на треть больше компаний, чем открылось. Общее количество юридических лиц по состоянию на 1 июня текущего года – чуть более 3,2 млн, что на 5,8 % ниже прошлогоднего показателя»³. Обращая внимание на давление со стороны многочисленных контролирующих органов, возможно предположить впоследствии значительное сокращение субъектов малого и среднего бизнеса, составляющего основу сферы обеспечения населения товарами и услугами.

Система государственного административного контроля (надзора) масштабна и выражается в количестве органов исполнительной власти, уполномоченных осуществлять контрольно-надзорные функции, значительном количестве видов контроля (надзора), что сказывается на нормальной, стабильной деятельности субъектов малого и среднего бизнеса. Р. А. Курбанов приводит классификацию видов административного контроля, которая, по мнению автора, является «огромным массивом для исследования» [1].

¹ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 29.12.2022): принят Государственной Думой 6 июля 2007 года, одобрен Советом Федерации 11 июля 2007 года // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения 12.03.2023).

² Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14304> (дата обращения: 13.03.2023).

³ К. Демидкина. Число закрытых весной 2022 года юрлиц в России выросло почти в полтора раза // FORBES. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/470417-cislo-zakrytyh-vesnoj-2022-goda-urlic-v-rossii-vyroslo-pochti-v-poltora-raza> (дата обращения: 21.03.2023).

В научных работах авторы объективно отражают многочисленные нарушения со стороны уполномоченных органов при осуществлении административного контроля (надзора), в частности А. Ф. Ноздрачев, анализируя судебные решения, приводит достаточно широкий перечень таковых, в том числе ограничение прав хозяйствующих субъектов методами, не предусмотренными законодательством; нарушение порядка проведения проверок; истребование большего количества документов, чем это предусмотрено соответствующими актами [2]. А. Ф. Ноздрачев и соавторы, изучая процессы реформирования системы государственного контроля (надзора), отмечают многообразие видов контрольной деятельности, также авторы указывают на тот факт, что при высоких темпах развития нормативного правового регулирования административного контроля тенденция к увеличению видов контроля сохраняется [2, с. 38].

Введенные недружественными государствами санкции явились не единственной причиной негативного воздействия на предпринимателей, ей предшествовала пандемия коронавируса, в период течения которой были приняты радикальные ограничения в отношении деятельности подавляющей части экономических субъектов в целях обеспечения режима самоизоляции и социального дистанцирования [3]. С учетом сложившейся долгосрочной ситуации руководство страны принимает меры, направленные на смягчение контрольно-надзорной деятельности в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства.

Значительным событием в области изменений законодательства, направленного

на упрощение системы государственного административного контроля (надзора), отмечается введение моратория на проведение плановых проверок деятельности хозяйствующих субъектов. Правительством Российской Федерации на 2022 год отменены плановые проверки, проводимые в рамках государственного и муниципального контроля (надзора), за исключением отдельных направлений деятельности, связанных с обеспечением детей, социальных центров и сферы водоснабжения¹. Внеплановые же контрольные мероприятия и внеплановые проверки могут проводиться только по предусмотренным основаниям, в случаях возникновения ряда угроз жизни, здоровья граждан, безопасности страны, возникновения чрезвычайных ситуаций и пр.

Заметим, что введение моратория на осуществление государственных контрольно-надзорных мероприятий не исключает проведения проверок уполномоченными органами по обращениям граждан о нарушении их прав.

Изменения условий осуществления предпринимательской деятельности коснулись административно-деликтного законодательства в части применения санкций за совершение административных правонарушений, совершенных индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами.

С момента ужесточения экономической ситуации в стране принят ряд поправок в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее – КоАП РФ), предназначенных для снижения нагрузки на предпринимательскую сферу.

¹ Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: постановление Правительства от 10 марта 2022 г. № 336 (ред. от 04.02.2023) // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411233/ (дата обращения: 13.03.2023).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: текст с изм. и доп. на 9 марта 2022 года: принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=377937&base=LAW&from=430599-0&rnd=EUIZvOT6HR5il1rO3#A3IzvOT8KQNoC27P> (дата обращения: 20.12.2022).

Как было отмечено выше, выстроенная система государственного контроля (надзора) не оставила субъектам малого и среднего бизнеса ни малейшего шанса на эффективное развитие в условиях введенных за последние годы запретов и ограничений, создавшаяся ситуация, спровоцированная негативными внешними и внутренними факторами, потребовала серьезных изменений, способствующих оживлению и в принципе существованию предпринимательства. Изменения коснулись механизма применения административных штрафов для субъектов предпринимательства.

Штрафные санкции, предусмотренные административно-деликтным законодательством за совершение административных правонарушений, растут, что связано с мнением законодательных органов о прямой следственной связи между увеличением штрафов и прекращением противоправных деяний. Особенно данная тенденция заметна в отношении штрафов, применяемых по отношению к юридическим лицам за совершение ими административных правонарушений. Однако практика показывает, что регулярный пересмотр штрафных санкций в сторону увеличения не дает желаемого превентивного результата, перманентно растущие размеры административных штрафов не оказывают решающего воздействия на сознание граждан, о чем справедливо утверждает Д. А. Новгородов [4]. Примерами могут служить многочисленные правонарушения в области дорожного движения, в области привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности, миграционной политики, в том числе и предпринимательской деятельности.

Несомненно, немаловажную роль играет и ситуация, в которой на тот или иной момент оказался субъект, например, в период пандемии коронавируса многие предприниматели осуществляли деятельность, несмотря на введенные запреты и ограничения, поскольку приостановление деятельности влекло полную ликвидацию предприятия, следовательно, значительные убытки. Достаточно ярким примером

может служить запрет, введенный в отношении кафе и ресторанов, уничтоживший за указанный период значительную часть ресторанного бизнеса, однако отдельные предприятия продолжали деятельность, находясь в зависимости от кредитных обязательств, долгов перед поставщиками и работниками предприятия.

За 2022 год 32 федеральными законами были внесены изменения в КоАП РФ, в том числе изменения условий наложения административных наказаний на хозяйствующих субъектов. Одним из таких изменений, касающихся порядка применения отдельных видов административных наказаний, является замена наказания в виде административного штрафа на предупреждение (ст. 4.1.1 КоАП РФ). Ранее такое решение было возможно, однако применялось достаточно редко, поскольку это было правом должностного лица, судьи при рассмотрении дела и принятии решения. В настоящей редакции данная норма звучит «подлежит замене на предупреждение». При этом дополнительное наказание, предусмотренное санкцией соответствующей статьи, не применяется (ч. 3 ст. 4.1.1 КоАП РФ).

Замена штрафа на предупреждение применяется при условии, если правонарушение совершено впервые, совершено субъектами малого и среднего предпринимательства, отсутствует вред или угроза причинения вреда, правонарушение выявлено в ходе осуществления государственного контроля и предупреждение не предусмотрено санкцией соответствующей статьи.

Изучение судебной практики позволяет утверждать, что не всегда судьи применяют предоставленный законом механизм замены административного штрафа на предупреждение. Даже на стадии пересмотра постановлений судьи не меняют решения суда предыдущей инстанции. Так, Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2021 г. № 19-АД20-16 оставлено без изменения решение в отношении юридического лица, привлеченного по ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ к административной ответственности в виде штрафа в сумме

450 000 рублей¹. Аналогичное решение принял Верховный Суд Российской Федерации в отношении индивидуального предпринимателя, гражданина Армении, отказав в замене наложенного административного штрафа в сумме 200 000 рублей на предупреждение, оставил постановление без изменения². При вынесении решения Верховный Суд Российской Федерации (а также суды общей юрисдикции) резюмируют свои решения наличием или отсутствием угрозы, абсолютно не принимая во внимание иные обстоятельства, предусмотренные нормой, – правонарушение совершено впервые, относится ли привлекаемое лицо к субъектам малого или среднего бизнеса. При этом суды чаще всего не разъясняют, каким образом действиями предпринимателя создаются предполагаемые угрозы. Еще дальше пошел Верховный Суд Российской Федерации при пересмотре постановления о привлечении организации к ответственности по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, отказав в изменении вида наказания, обосновывая свое решение тем, что «в общем случае вопрос о снижении санкций связан с оценкой доказательств по делу, что входит в компетенцию судов первой и апелляционной инстанций»³.

На данный факт указывает Е. А. Проказин, справедливо отмечая, что «... из сложившейся судебной практики бизнес все-та-

ки может сделать для себя полезный вывод: теперь хотя бы известно, в чем заключается проблема применения нового правила: не в выяснении того, является ли нарушение впервые совершенным, или того, относится ли компания к категории малого или среднего бизнеса. Для замены штрафа юристам компаний нужно сосредоточиться на другом – убедить судей в том, что к реальной угрозе здоровью граждан допущенное правонарушение не привело, и обратить внимание на то, что доказательств обратного контролирующей орган в ходе проверки не собрал и не предоставил»⁴.

Еще одним знаковым решением законодательных органов, повлекших изменение порядка исполнения административных наказаний в виде административного штрафа, явилась возможность уплаты штрафа в размере 50 % от суммы наложенного. Подобный механизм действовал относительно длительный период времени. В 2014 году ст. 32.2 КоАП РФ была дополнена частью 1³, в соответствии с которой появилась возможность оплатить половину суммы наложенного административного штрафа при условии его уплаты не позднее 20 дней с момента вынесения постановления по делу об административном правонарушении, однако распространяется норма лишь на отдельные правонарушения Правил дорожного движения⁵, ответственность за которые пред-

¹ ВС РФ не смягчил наказание за ошибку в уведомлении о приеме иностранца // URL: <https://konsultantovo.ru/2021/02/08/vs-rf-ne-smyagchil-nakazanie-za-oshibku-v-uvedomlenii-o-prieme-inostranca-2/> (дата обращения: 16.03.2023).

² Миграционный эксперт. Постановление Верховного суда Российской Федерации № 77-АД21-6-К1 от 21 июня 2021 г. // URL: <https://all-migration.com/laws/sudebnaya-praktika/postanovlenie-ot-21-06-2021-g-n-77-ad21-6-k1/> (дата обращения 16.03.2023).

³ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2016 г. № 302-АД16-14642 по делу № А78-16365/2015 // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-10112016-n-302-ad16-14642-po-delu-n-a78-163652015/> (дата обращения: 16.03.2023).

⁴ Проказин Е. А. Мнение Верховного Суда о применении судами предупреждения вместо штрафа // Время Бухгалтера. URL: <https://www.v2b.ru/articles/kak-primenyaetsya-novaya-norma-o-zamene-shtrafa-preduprezhdeniem/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁵ О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): Постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 24.10.2022) // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/824c911000b3626674abf3ad6e38a6f04b8a7428/ (дата обращения: 20.03.2023).

усмотрена главой 12 КоАП РФ, за исключением грубых нарушений ПДД. В настоящее время (с 2020 года) в целях послабления карательных санкций в отношении субъектов бизнеса в указанную статью внесены дополнения в виде новых частей 1³⁻¹, 1³⁻², 1³⁻³, позволяющие снизить штрафной порог до 50 % от суммы наложенного административного штрафа для физических и юридических лиц, в том числе за правонарушения, выявленные в ходе осуществления государственного либо муниципального контроля (надзора). Заметим, что данный механизм применим не ко всем случаям, а лишь в отношении отдельных составов, прямо указанных в соответствующих частях статьи 32.2 КоАП РФ.

Однако сложно не заметить сложившуюся тенденцию, связанную с точечным внесением изменений в действующее российское законодательство. Указанные поправки в КоАП РФ наряду с улучшением положения лица, привлекаемого к административной ответственности, очередной раз загромождают процедуру привлечения к административной ответственности, усложняя и без того проблематичное производство по делам об административных правонарушениях. Считаем целесообразным пересмотреть прин-

цип определения видов правонарушений, совершенных субъектами предпринимательства, по которым возможна уплата штрафа вполнину от суммы наложенного. Можно обратиться к Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, принять который было обещано в 2021 году. Отдельные положения Концепции видятся достаточно логичными. Так, выделение отдельных категорий административных правонарушений (ст. 2.3.2 Концепции КоАП РФ выделяет категорию грубых административных правонарушений) в зависимости от характера и степени общественной вредности: угрозы наступления и (или) факта наступления определенных негативных последствий¹, позволит унифицировать виды и размеры административных наказаний относительно данных категорий.

В заключение можно отметить, что государством предпринимаются меры по смягчению административного регулятора малого и среднего предпринимательства, но кроме выработки и внедрения в систему административного контроля послабляющих механизмов, необходимо обеспечить их реализацию, что полностью зависит от компетентности уполномоченных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курбанов Р. А., Спектор А. А. К вопросу о классификациях видов контроля предпринимательской деятельности // Проблемы экономики и юридической практики. № 6. 2011 С. 149–151.
2. Ноздрачев А. Ф., Зырянов С. М., Калмыкова А. В. Реформа государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 34–46.
3. Гришин В. И., Домашенко Д. В., Константинова Л. В., Кошкин А. П., Устюжанина Е. В., Штыхно Д. А., Шубенкова Е. В. Жизнь после пандемии: экономические и социальные последствия // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 3. С. 5–18.
4. Новгородов Д. А. К вопросу о возможности замены административного штрафа другим видом административного наказания // Юридические исследования. 2021. № 5. С. 42–47.

REFERENCES

1. Kurbanov R. A., Spektor A. A. On the issue of classifications of types of control of entrepreneurial activity // Problems of Economics and Legal Practice. No. 6. 2011. P. 149–151. (In Russ.)

¹ Опубликована Концепция нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. 10 июня 2019 г. Правительство России. // URL: <http://government.ru/news/36971/> (дата обращения: 20.03.2023).

2. Nozdrachev A. F., Zyryanov S. M., Kalmykova A. V. Reform of state control (supervision) and municipal control // Journal of Russian law. 2017. No. 9. P. 34–46. (In Russ.)

3. Grishin V. I., Domaschenko D. V., Konstantinova L. V., Koshkin A. P., Ustyuzhanina E. V., Shtykhno D. A., Shubenkova E. V. Life after the pandemic: economic and social consequences // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2020. V. 17. No. 3. P. 5–18. (In Russ.)

4. Novgorodov D. A. To the question of the possibility of replacing an administrative fine with another type of administrative punishment // Legal Studies. 2021. No. 5. P. 42–47. (In Russ.)

Информация об авторе:

Лянной Г. Г., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Lyannoy G. G., candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

**СИСТЕМА УНИВЕРСАЛЬНЫХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ,
ЗАЩИЩАЮЩИХ ПРАВА И ОСНОВНЫЕ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА****Анастасия Сергеевна Миловидова**Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
Milovidovama@yandex.ru

Аннотация. В современных международных отношениях политика стала оказывать все большее влияние на реализацию права. Это послужило одной из ключевых причин того, что Российская Федерация отказалась от исполнения решений Европейского Суда по правам человека. Такая позиция породила очередную волну дискуссий о возможностях реализации конституционной нормы, устанавливающей гарантии защиты прав и свобод человека на международном уровне. В настоящей статье автором предпринята попытка изменить бытующее мнение об исключительности указанного правозащитного органа, обобщив и систематизировав сведения о межгосударственных органах по защите прав и свобод. В статье рассматриваются универсальные органы, действующие в рамках Организации Объединенных Наций на основе ее устава, а также межгосударственные договорные органы универсального характера, функционирующие в целях соблюдения положений отдельных договоров о защите прав и свобод человека.

Ключевые слова: права человека, права и свободы, защита прав и свобод, международная защита прав, межгосударственные договорные органы.

Для цитирования: Миловидова А. С. Система универсальных межгосударственных органов, защищающих права и основные свободы человека // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 46–53.

Original article

**THE SYSTEM OF UNIVERSAL INTERSTATE BODIES PROTECTING
HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS****Anastasia S. Milovidova**Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia, Milovidovama@yandex.ru

Abstract. In modern international relations, politics has begun to exert an increasing influence on the realization of law. This was one of the key reasons that the Russian Federation decided not to comply with the decisions of the European Court of Human Rights. This decision gave rise to another wave of discussions about the possibilities of implementation of the constitutional norm establishing guarantees for the protection of human rights and freedoms at the international level. In this article, the author attempts to change the prevailing opinion about the exclusivity of this human rights body by summarizing and systematizing information about interstate bodies for the protection of rights and freedoms. The article examines universal bodies operating within the United Nations on the basis of its charter, as well as interstate treaty bodies of a universal nature, functioning in order to comply with the provisions of treaties on the protection of human rights and freedoms.

Keywords: human rights, rights and freedoms, protection of rights and freedoms, international protection of rights, interstate treaty bodies.

For citation: Milovidova A. S. The system of universal interstate bodies protecting human rights and fundamental freedoms // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 46–53.

Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 46 предусматривает возможность и определяет условия для защиты человеком своих прав и свобод вне пределов юрисдикции нашего государства – в межгосударственных органах. Причиной обращения к заявленной в наименовании статьи теме, то есть к анализу исключительно универсальных международных правозащитных органов, в первую очередь тех, что функционируют внутри Организации Объединенных Наций (далее – ООН), стало следующее. По поводу практики реализации указанной выше конституционной нормы в обыденном правосознании, да и в представлении многих юристов, не касающихся специально ее в своей профессиональной деятельности, бытует два во многом взаимоисключающих мнения. При этом каждое из них справедливо лишь в части и требует аргументации, подкрепленной соответствующими нормативными правовыми актами.

Первая позиция чрезмерно расширяет предмет обсуждения, не учитывая наличие специально взятых на себя государством полномочий, которые зачастую изложены в факультативных протоколах [1] к соответствующим международным конвенциям. Авторы предполагают, что в рамках ООН функционирует множество структурных единиц, наделенных полномочиями выносить правоприменительные решения против Российской Федерации. При этом четкая система таких органов редко представлена в научной литературе, а часть представителей рассматриваемой позиции призывают граждан активно обращаться в ООН, невзирая на критерии приемлемости рассмотрения жалоб.

Бытует и полностью противоположное мнение, значительно сужающее возможности международной правозащитной практики. Представители этого направления под заголовком о межгосударственных органах защиты прав и свобод человека рассматривают исключительно Европейский

Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) [2]. С 1998 года данный региональный межгосударственный орган, функционирующий при Совете Европы, действительно активно рассматривал споры против Российской Федерации, фактически вытеснив из правозащитного пространства (как минимум из информационного поля) практику иных межгосударственных органов универсального характера. Однако отказ зарубежных партнеров от равноправного диалога в рамках этой организации, политизированность принимаемых решений предопределили разрушение общего гуманитарно-правового пространства, вследствие чего в 2022 году Российской Федерацией было принято решение о выходе из организации с соответствующими последствиями в отношении юрисдикции указанного Суда¹. С учетом всего вышеизложенного сторонники рассматриваемого подхода в настоящее время заявляют об ограничении [3] либо вовсе о фактическом отсутствии у граждан Российской Федерации возможности реализовывать положения ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации, приравнивая это право к возможности защиты индивида лишь в организациях регионального уровня.

Вместе с тем хотелось обратить внимание также на условность одного из традиционных классифицирующих признаков построения системы международной защиты прав и свобод человека. Система международно-правового регулирования традиционно представляется двухуровневой. Она включает соглашения и организации универсального характера, участниками которых могут быть любые государства мира, и соглашения, именуемые региональными. Условность эта связана с тем, что первоначальная идея о сотрудничестве стран лишь одного географического региона в современных реалиях глобализации «размывается», уступает место сотрудничеству по политическим, экономическим и иным интересам. Некоторые

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 24. Ст. 3940.

первоначально региональные соглашения и организации (имеющие даже в своем наименовании указание на ту или иную территорию) расширяются за счет стран, географически значительно отдаленных, но при этом разделяющих интересы, ставшие причиной заключения такого соглашения. Фактически региональное сотрудничество постепенно становится сотрудничеством закрытого типа: вступить в эти соглашения страны могут лишь по согласию и при заинтересованности других участников.

В этой связи, используя указанную классификацию, отметим, что механизмы защиты прав и свобод человека при нарушении этих прав органами публичной власти и должностными лицами, действующими от имени Российской Федерации, также возможно классифицировать на универсальные (ООН и иные организации, действующие от ее имени) и региональные (функционирующие внутри СНГ). Правозащитный потенциал последней подлежит дополнительному изучению, а механизмы, функционирующие внутри ООН, мы рассмотрим далее в настоящей статье.

«Поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам»¹ является одной из целей ООН. Вместе с тем следует разграничивать те инструменты, которые используются для достижения указанной цели. В теории права разграничивают категории «охрана» и «защита» прав и свобод. В первую очередь ООН создана система охраны прав и свобод в широком понимании [6], то есть создаются общие условия для их реализации. В таком ключе действует, например, Генеральная ассамблея, высказывая ре-

комендации странам по указанному вопросу в соответствии с полномочиями, предоставленными ст. 13 Устава ООН.

Так, на 76-ой сессии Генеральной ассамблеи ООН были приняты Резолюции «Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду»² (практически единогласно – 8 участников воздержались) и «Положение внутренне перемещенных лиц и беженцев из Абхазии, Грузии, и Цхинвальского региона/Южной Осетии, Грузии»³ (с 12 голосами против и 56 воздержавшимися). Эти и другие резолюции в своем содержании «призывают» государства содействовать реализации тех или иных прав человека.

В рамках настоящей статьи хотелось бы остановиться именно на защите прав и свобод, то есть на тех универсальных международных институтах, которые начинают действовать после нарушения конкретного права, по жалобам индивидов. Именно они подверглись нападкам после прекращения юрисдикции ЕСПЧ для Российской Федерации. В структуре ООН эти органы представлены Советом по правам человека и договорными органами.

Совет по правам человека был учрежден в 2006 году в качестве вспомогательного органа Генеральной ассамблеи ООН⁴ и взял на себя обязанности предшественницы – Комиссии по правам человека. Несмотря на первоначально предусмотренный совещательный статус данного органа, с течением времени он получил полномочия по рассмотрению отдельных жалоб самостоятельно – на «грубые систематические нарушения

¹ Устав ООН: Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 05.07.2022).

² Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду: резолюция Генер. Ассамблеи, 28 июля 2022 г. // Организация Объединенных Наций. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/442/80/PDF/N2244280.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.12.2022).

³ Положение внутренне перемещенных лиц и беженцев из Абхазии, Грузии, и Цхинвальского региона/Южной Осетии, Грузии: резолюция Генер. Ассамблеи, 8 июля 2022 г. // Организация Объединенных Наций. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/376/76/PDF/N2237676.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ О Совете по правам человека: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15 марта 2006 г. // <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/502/68/PDF/N0550268.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.07.2022).

прав и свобод человека»¹, а также в рамках так называемых «специальных процедур».

Первое полномочие представляет собой обновленный в целях обеспечения беспристрастности, объективности и эффективности правозащитной практики аналог часто упоминаемой в научной литературе «Процедуры 1503», которая ранее реализовывалась Комиссией по правам человека. Следует отметить, что в данном случае не предусмотрено санкций по обеспечению средств правовой защиты по конкретным делам или по выплате компенсаций предполагаемым жертвам. Таким образом, приоритетом заявителя становится не финансовый интерес, а борьба за сами права и свободы как высшую ценность. Итогом рассмотрения жалобы может стать контроль за данной ситуацией со стороны Совета по правам человека, а также содействие государству в создании должных условий для реализации нарушенного права. ООН представлен и список дел, рассмотренных с момента создания процедуры жалоб². Совет собирается три раза в год и на последней сессии традиционно в закрытом заседании рассматривает доклад Рабочей группы по ситуациям о работе двух ее сессий за этот год. Представленный ООН список содержит сведения о рассмотрении ситуаций в Киргизии (2006 г.), Иране и Узбекистане (2007 г.), Туркменистане и Мальдивской Республике (2008 г.), Демократической Республике Конго и Гвинейской Республике (2009 г.), Таджикистане и вновь Демократической Республике Конго (2011 г.), Туркменистане, Ираке и Эритрее (2012 г.). Завершается он 2014 годом, в котором было прекращено рассмотрение ситуации в Камеруне. Анализ материалов сес-

сий за последующие годы³ свидетельствует о том, что ни один случай с тех пор не был передан для принятия решения Советом. При этом основными решениями были: держать ситуацию с правами человека в поле зрения и обеспечивать техническим сотрудничеством, помощью и консультативными услугами по мере необходимости. Это свидетельствует о том, что, несмотря на то, что обращение в ООН в данном случае могло принадлежать одному человеку, последствия решений организации в данном случае нацелены на комплексное решение проблемы с обеспечением прав человека (например, религиозных или трудовых прав), а не на индивидуальное правоприменительное решение (с которым также привыкли ассоциировать ЕСПЧ).

Вторая из названных процедур реализуется ООН более активно. Так, в соответствии с официальной статистикой в 2020 году 1296 обращений было рассмотрено в рамках специальных процедур⁴. Доступ к данному механизму защиты с одной стороны максимально облегчен – жалобу можно подать онлайн⁵, с другой стороны – электронная форма для заполнения предложена на английском, французском или испанском языках, что ограничивает возможности заявителей. Цель таких процедур – просигнализировать о нарушении прав и свобод человека, обратить внимание государства на ту или иную проблему и «попросить» предпринять меры по восстановлению нарушенных прав. После получения жалобы эксперты рассматривают ее и направляют сообщение государству с просьбой предоставить ответ о мерах, предпринятых для прекращения нарушения, либо для расследования нарушений, а также о на-

¹ Пакет мер по институциональному строительству: Резолюция Совета по правам человека № 5/1 от 18 июня 2007 г. // <https://www.ohchr.org/ru/hr-bodies/hrc/complaint-procedure/resolutions> (дата обращения: 05.07.2022).

² Список дел, рассмотренных с момента создания процедуры жалоб с 2006 года // <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/ComplaintProcedure/SituationsConsideredUnderComplaintProcedures.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

³ Очередные сессии // <https://www.ohchr.org/ru/hr-bodies/hrc/regular-sessions> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ Факты и цифры, касающиеся специальных процедур в 2020 году // https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/SP/activities/A_HRC_46_61_Add_1.pdf (дата обращения: 05.07.2022).

⁵ Передача информации специальным процедурам // <https://spsubmission.ohchr.org/en/verify> (дата обращения: 05.07.2022).

казаниях ответственных за нарушения и предоставлении правовой защиты жертвам.

ООН также предоставляет открытый доступ к базе данных с такими сообщениями¹. В соответствии с представленной в ней информацией в 2022 году на заседаниях Совета по правам человека сообщалось о 572 обращениях ООН к различным государствам, среди них 16 – к Российской Федерации. Предметом обращений в основном были вопросы защиты свободы собраний, свободы слова, независимости судей, правозащитной деятельности. Одно из исключений – права коренных народов. При этом подобный показатель (как количественный, так и качественный) для Российской Федерации в 2022 году чуть выше среднего: с 2010 года количество сообщений к государству варьировалось от 6 (2010 г.) до 21 (2018 г.). Всего – 145. Таким образом, несмотря на прекращение рассмотрений жалоб индивидов в ЕСПЧ, механизм рассмотрения аналогичных жалоб в ООН не стал массовым в 2022 году.

Вместе с тем, чтобы говорить о работе и эффективности правозащитного механизма, недостаточно рассматривать активность обращений (как видим – она не велика). В этой связи проанализируем ответы, которые были представлены Российской Федерацией в 2022 году, то есть непосредственные действия государства. Лишь в одном из тринадцати ответов, полученных ООН от имени Российской Федерации в 2022 году, содержалось указание на такие действия: «организовано процессуальное расследование утверждений о применении сотрудниками полиции физического и психологического насилия в отношении» лица, обратившегося с жалобой в организацию (22 апреля 2022 г.). Во всех остальных случаях в ответах была представлена информация о событии, в котором заявитель усмотрел предполагаемое нарушение, а также представлены нормативные основания совершенных органами публичной власти Российской Федерации действий. Факти-

чески ни одно из предполагаемых нарушений не подтвердилось, либо проверка по нему по-прежнему ведется внутри государства:

– «Во всех делах об административных правонарушениях, упомянутых выше, суды провели соответствующую оценку доказательств, административные наказания были назначены в рамках правовых норм и с учетом информации о характере правонарушителя и конкретных обстоятельствах каждого случая» (9 ноября 2022 г.);

– «Утверждения о якобы незаконных действиях сотрудников следствия не нашли подтверждения» (31 октября 2022 г.);

– «Дело остается предметом проверок и судебных разбирательств в соответствии с внутренним законодательством Российской Федерации, запрещено любое непроцессуальное воздействие на судебную систему» (9 сентября 2022 г.);

– «В результате проверки не было выявлено никаких нарушений закона» (23 августа 2022 г.) и т.д.

Если рассматривать более ранний период, то одним из знаковых решений тогда еще Комитета ООН по правам человека многие активисты в Российской Федерации считают решение в отношении Ирины Федотовой, которым было установлено, что Россия нарушила в отношении активистки статью 19 (право на свободу выражения мнений) и статью 26 (запрет дискриминации) Международного пакта о гражданских и политических правах. Вместе с тем анализ непосредственного решения Рязанского областного суда свидетельствует о том, что отмена постановления мирового суда в отношении Ирины Федотовой с прекращением производства по делу, в том числе с отменой последующих решений, была связана с нарушением процедуры привлечения к ответственности, а не с мнениями, высказанными ООН. Дело не было рассмотрено всесторонне, полно и объективно, судебное решение было отменено². В дальнейшем заявителю

¹ Communication report and search // <https://spcommreports.ohchr.org/Tmsearch/TMDocuments> (дата обращения: 01.12.2022).

² По делу 4-а-144/13: Постановление Рязанского областного суда от 26 сентября 2013 г. // <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 16.07.2022).

была также присуждена компенсация уплаченного ею штрафа.

Таким образом, механизм «специальных процедур» содержит в себе внушительный правозащитный потенциал и является важным инструментом международной правозащитной практики, однако уже сейчас анализ предметов обращений свидетельствует о тенденции его все большей политической направленности.

Еще одна правозащитная структура – Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Этот орган одновременно рассматривается как «главный орган ООН в области поощрения и защиты прав каждого человека», а также как подразделение внутри Секретариата ООН, выполняющее функции секретариата для предыдущего органа – Совета по правам человека. То есть фактически является обеспечительной структурой, деятельность которой связана в первую очередь с охраной, но не защитой прав и свобод человека.

Далее рассмотрим предметные структуры. Это договорные органы, включающие в свой состав независимых экспертов. Они учреждаются для отдельных международных правозащитных соглашений и призваны следить за реализацией соответствующих норм. При этом, как справедливо

указала в своем диссертационном исследовании В. В. Шуткина, важен не только факт подписи соответствующего международного документа, защищающего права и свободы, но и «признание Россией компетенции международного органа рассматривать индивидуальные жалобы от лиц, находящихся под юрисдикцией государства...» [5, с. 9]. Указанные положения, написанные более двадцати лет назад, по-прежнему актуальны.

Российской Федерацией признаны процедуры рассмотрения индивидуальных жалоб¹ в отношении лишь четырех договорных органов: Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин², Комитет по ликвидации расовой дискриминации³, Комитет против пыток⁴, Комитет по правам человека⁵. Как показывает практика, препятствием к защите прав и свобод человека в некоторых случаях является именно отсутствие признания соответствующих полномочий. Российская Федерация, например, не является участником Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений⁶, Факультативного протокола к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах⁷. Каждый из этих документов провозглашает право

¹ База данных договорных органов ООН // https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Treaty.aspx?CountryID=144&Lang=RU (дата обращения: 05.07.2022).

² Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 54/4 от 6 октября 1999 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml (дата обращения: 05.07.2022).

³ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2106 (XX) от 21 декабря 1965 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 05.07.2022).

⁴ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 39/46 от 10 декабря 1984 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 05.07.2022).

⁵ Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2200 А (XXI) от 16 декабря 1966 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactprot1.shtml (дата обращения: 05.07.2022).

⁶ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 66/138 от 19 декабря 2011 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml (дата обращения: 05.07.2022).

⁷ Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 63/117 от 10 декабря 2008 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol_icescr.shtml (дата обращения: 05.07.2022).

соответствующих комитетов принимать индивидуальные сообщения лиц, находящихся под их юрисдикцией и считающих себя жертвами нарушения государством-участником прав, указанных в конкретных международных соглашениях. При этом в своих обзорах практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека Верховный Суд Российской Федерации регулярно обращается к практике этих комитетов.

Другая проблема с деятельностью рассмотренных выше межгосударственных органов по защите прав и свобод человека кроется в исполнении их решений. Даже теми протоколами, по которым Российская Федерация приняла на себя обязательства, не установлено обязательного характера их решений. В зависимости от перевода документа полномочия указанных комитетов традиционно заключаются в том, что они «направляют свои предложения и рекомендации», «представляют свои мнения», «сообщают свои соображения» государству, а также «предлагают» государству информировать эти органы о предпринятых мерах. Е. П. Штырова [6, с. 8] и Н. В. Морозов [7, с. 14] в своих исследованиях также отмечают необязательный для государств характер решений, выносимых межгосударственными органами ООН по правам человека. Вместе с тем, в случае указания на обязательность таких решений для государств, это утверждение могло бы породить споры об ограничении государственного суверенитета, что недопустимо, в том числе в международных отношениях.

Таким образом, отсутствие данной формулировки предполагает добросовестность участия государств в международных механизмах по правам человека. Страны-участники подобных соглашений заинтересованы в исполнении решений таких органов, пото-

му как в своем внутреннем законодательстве также ставят права человека на первое место. И механизмы ООН здесь служат лишь внешним помощником в том случае, если государство не смогло разрешить проблему ввиду несовершенства правоприменительной практики. Согласимся в этом с Н. В. Морозовым. Именно «выполнение со стороны Российской Федерации постановлений комитетов и иных международных органов <...> свидетельствует о юридической возможности таких организаций обеспечить права и свободы гражданам России в случае их обращения в данные структуры» [7, с. 12].

В завершение хотелось бы отметить, что система защиты прав и свобод человека на международном уровне представлена различными институциональными элементами: общего профиля («специальные процедуры») и предметными («договорные органы»). Их функционирование сопряжено с рядом сложностей, касающихся как внешних вопросов, то есть взаимоотношений этих элементов между собой, так и внутренних, связанных с особенностями рассмотрения споров о защите прав и свобод граждан, сроками их рассмотрения. Вместе с тем, каждая из этих «трудностей» вполне обоснована с точки зрения специфики международно-правового регулирования. Они способствуют нерушимости государственного суверенитета, а также служат барьером для злоупотребления правом на международную защиту: предметом рассмотрения в международных органах должны быть наиболее существенные (грубые) нарушения прав и свобод человека. Эта деятельность должна носить исключительный характер, а не трансформировать межгосударственные правозащитные институты в универсальный международный нормотворческий и прецедентный орган.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кроткова Н. В. Международные способы защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект // Образование и право. 2020. № 2. С. 63–68.

2. Борисова А. А., Сапожникова Е. Ю., Яценко О. В. Основания права личности на защиту конституционных прав и свобод на уровне международного правосудия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 176–182.

3. Харитоновна А. Д. Конституционно-правовой механизм, позволяющий не исполнять решения ЕСПЧ, как ограничение права на защиту в межгосударственном органе // Научные тенденции: юриспруденция: сборник научных трудов по материалам X международной научной конференции. Санкт-Петербург: Международная научно-исследовательская федерация «Общественная наука», 2017. С. 28–33.

4. Трусов Н. А. Опыт исследования и конституирования теоретической модели механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина: от критики в изложении к конструкции модели // Передовой опыт и проблемы профилизации учебной, учебно-методической и научно-исследовательской деятельности в образовательных организациях системы МВД России: доклады участников Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 169–193.

5. Шуткина В. В. Конституция Российской Федерации о защите прав человека в межгосударственных органах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 25 с.

6. Штырова Е. П. Конституционное право человека и гражданина на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека: автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 23 с.

7. Морозов Н. В. Конституционно-правовые механизмы обращения граждан Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав человека: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 31 с.

REFERENCES

1. Krotkova N. V. International ways of protecting human and civil rights and freedoms: constitutional and legal aspect // Education and law. 2020. No. 2. P. 63–68. (In Russ.)

2. Borisova A. A., Sapozhnikova E. Yu., Yatsenko O. V. The foundations of the individual's right to protection of constitutional rights and freedoms at the level of international justice // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 9. P. 176–182. (In Russ.)

3. Kharitonova A. D. Constitutional and legal mechanism that allows not to comply with the decisions of the ECHR, as a restriction of the right to protection in an interstate body // Scientific trends: jurisprudence: collection of scientific papers based on the materials of the X International Scientific Conference. St. Petersburg: International Research Federation "Social Science", 2017. P. 28–33. (In Russ.)

4. Trusov N. A. The experience of research and constitution of the theoretical model of the mechanism for ensuring human and civil rights and freedoms: from criticism in the presentation to the construction of the model // Best practices and problems of profiling educational, methodical and research activities in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: reports of participants of the All-Russian scientific and practical conference. 2019. P. 169–193. (In Russ.)

5. Shutkina V. V. Constitution of the Russian Federation on the protection of human rights in interstate bodies: abstract. dis. ... candidate of law sciences. M., 2001. 25 p. (In Russ.)

6. Shtyrova E. P. The constitutional right of a person and a citizen to appeal to interstate bodies for the protection of human rights and freedoms: abstract. ... candidate of law sciences. Saratov, 2007. 23 p. (In Russ.)

7. Morozov N. V. Constitutional and legal mechanisms of appeal of citizens of the Russian Federation to interstate bodies for the protection of human rights: abstract. ... candidate of law sciences. M., 2013. 31 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Миловидова А. С., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Milovidova A. S., Candidate of Law.

Научная статья
УДК 347.763.3

**КОНТРАКТ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КАК ИНСТРУМЕНТ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
В ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ**

Айгозель Сейитгельдыевна Байлиева
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия, baylieva85@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает контракт жизненного цикла как один из инструментов перехода транспортной отрасли к устойчивому развитию в условиях замкнутой кризисной экономики России. Целью данной статьи является анализ правового обоснования применения контрактов жизненного цикла в сфере транспорта, а также определение направлений развития такого применения. В статье рассмотрена возможность и перспективы заключения контракта жизненного цикла в условиях государственно-частного партнерства. Данная форма взаимодействия характеризуется привлекательностью для всех стейкхолдеров при заключении долгосрочных контрактов жизненного цикла. Автором произведен анализ существующей нормативной правовой базы и сделан вывод о необходимости ее адаптации и совершенствования.

Ключевые слова: контракт жизненного цикла, государственно-частное партнерство, заказчик, поставщик, ценообразование.

Для цитирования: Байлиева А. С. Контракт жизненного цикла как инструмент государственно-частного партнерства в транспортной отрасли // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 54–59.

Original article

**LIFE CYCLE CONTRACT AS A TOOL FOR PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP
IN THE TRANSPORT INDUSTRY**

Aygozel S. Bailieva
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia, baylieva85@mail.ru

Abstract. The author considers the life cycle contract as one of the tools for the transition of the transport industry to sustainable development in the conditions of Russia's closed crisis economy. The purpose of this material is to assess the legal basis for the use of life cycle contracts in the field of transport, as well as to identify areas for the development of such an application. This article discusses the possibility and prospects for concluding a life cycle contract in a public-private partnership. This form of interaction will allow taking into account the interests of all stakeholders when concluding long-term life cycle contracts. The author analyzes the existing regulatory framework and concludes that it needs to be adapted and improved.

Keywords: life cycle contract, public-private partnership, customer, supplier, pricing.

For citation: Bailieva A. S. Life cycle contract as a tool for public-private partnership in the transport industry // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2 (100). P. 54–59.

В современном мире, включая Россию,
мы наблюдаем период социально-экономи-

ческих потрясений, который способство-
вал изменению восприятия экспертного

© Байлиева А. С., 2023

сообщества в отношении взаимодействия государственных структур и деловых сообществ. Основные изменения в эволюции сотрудничества государственных структур и бизнеса начались с введения Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ¹. Государственно-частное партнерство представляет собой многогранный подход к сотрудничеству, предусматривающий разнообразные формы взаимодействия государственных структур и бизнеса. Одной из таких форм сотрудничества являются контракты, охватывающие всевозможные этапы жизненного цикла.

Перечень объектов, которые могут стать предметом таких соглашений между государственными органами и частными структурами, представлен в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ. Этот перечень включает различные виды транспортных объектов, такие как автомобильные дороги, мосты, тоннели, аэропорты, порты, железные дороги и другие элементы инфраструктуры, необходимые для обеспечения транспортной системы.

Необходимо отметить, что указанный выше перечень объектов является исчерпывающим, и, как следствие, объектом заключаемых соглашений, могут выступать только прямо указанные в данном нормативном правовом акте объекты.

Большинство исследователей относят контракт жизненного цикла к разряду соглашений о публично-частном партнерстве. Так, В. Р. Гарипов определяет контракт жизненного цикла «как контракт, предполагающий как приобретение готовой конечной продукции, так и при необходимости ее проектирование, конструирование, сервисное обслуживание, восстановление и переработку [1].

По мнению Е. А. Корнеевой, контракт жизненного цикла – одна из форм государственно частного партнерства, которая учитывает жизненный цикл объекта, чаще всего как средне или долгосрочная перспектива. По условиям контракта жизненного цикла частный партнер выполняет весь объем работ, начиная с создания проектно-сметной документации и заканчивая обслуживанием, эксплуатацией, ремонтом объекта в течение всего его жизненного цикла, а государство гарантирует оплату равными частями на все время действия государственного контракта после ввода объекта в эксплуатацию. При этом частный партнер выбирается на конкурсной основе» [2].

На сегодняшний день в рамках государственно-частного партнерства существуют многочисленные примеры крупных проектов, связанных с развитием транспортной инфраструктуры. Один из таких проектов – это закупка вагонов для АО «Российские железные дороги» на условиях контракта жизненного цикла.

Учитывая сфокусированность исследования на вопросах развития транспортной инфраструктуры, следует обратиться также и к проектам контрактов жизненного цикла в части наземного пассажирского транспорта. В их число, например, входят контракты на закупку новых автобусов и трамваев, соответствующих современным требованиям эффективности, экологичности и комфорта для пассажиров.

Кроме того, показательным примером использования контрактов жизненного цикла в сфере транспортной инфраструктуры является реализация проекта высокоскоростных железнодорожных магистралей. Для реализации данного проекта в России еще в 2006 году создано ОАО «Скоростные магистрали», первой задачей которого стала подготовка проекта создания высокоскоростной магистрали Москва – Санкт-Петербург, получившего лаконичное название ВСМ-1 [3].

¹ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ // Доступ из справ-правовой системы «Консультант-Плюс». (дата обращения: 01.03.2023).

В основу проекта ВСМ-1 заложен важный инновационный принцип: высокоскоростную магистраль Москва – Санкт-Петербург решено строить с использованием контракта жизненного цикла. Идея гениально проста. Государство не инвестирует в строительство железных дорог, ждет, пока подрядчики создадут объекты инфраструктуры за свой счет, а затем оплачивает услуги на протяжении всего жизненного цикла введенного в эксплуатацию объекта, что достигает иногда 30–40 летнего периода.

Мотивация подрядчика – исполнителя контракта жизненного цикла – основана на создании максимально качественного объекта за возможно кратчайший срок, что в целом укладывается в базу таких контрактов, поскольку подрядчик получает оплату только после ввода объекта в эксплуатацию. Это освобождает государство от необходимости содержать большой штат для контроля за каждым шагом строителей, инспектирования, приема и управления пер-

соналом. Это исключает коррупцию, так как некому давать взятки. Контракт жизненного цикла означает предоставление услуг (работ) по отношению к качественной инфраструктуре по доступным ценам на протяжении всего жизненного цикла объектов инфраструктуры, задействованных в проекте, а также заключение единого договора с исполнителем¹. Объединение всех этапов проекта (проектирование, строительство, эксплуатация) в единый контракт значительно снижает производственные и эксплуатационные риски и существенно снижает финансовые затраты. Ошибки, допущенные при проектировании, могут навредить только подрядчикам, но не госзаказчикам [4]. Самый главный плюс контракта жизненного цикла в сфере транспортной инфраструктуры заключается в том, что государство не вкладывает деньги в проектирование, строительство и эксплуатацию дороги, а покупает услуги уже работающей дороги (см. рисунок).

Рисунок – Модель контракта жизненного цикла. Схема создания инфраструктуры ВСМ²

¹ О текущей ситуации в Российской экономике в декабре 2021 – январе 2022 года: доклад Минэкономразвития Российской Федерации // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/_o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_dekabr_2021_yanvar_2022_goda.html (дата обращения: 01.03.2023).

² Разработано на основе данных Аналитического обзора VEGAS LEX.

Применение инновационного инструмента развития государственно-частного партнерства, основанного на контракте жизненного цикла (ВСМ-1), открыло новые перспективы для эффективной реализации крупных проектов в области транспортной инфраструктуры по всей стране. Этот прогрессивный подход создает возможности для оптимального взаимодействия между государственными и частными структурами, способствуя успешному развитию и модернизации транспортных систем.

Применение контрактов жизненного цикла в отношении как транспортной инфраструктуры, так и в отношении иных социально значимых объектов стало возможным в силу принятых в стране ряда нормативных правовых актов, в частности Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ, Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ и постановления Правительства Российской Федерации «Об определении случаев заключения контрактов жизненного цикла» от 28 ноября 2013 г. № 1087.

При этом из анализа действующего законодательства представляется, что контракт жизненного цикла в отличие от контракта жизненного цикла в форме государственно-частного партнерства следует рассматривать как отдельную правовую конструкцию, осуществляемую в рамках государственных закупок. Согласно Федеральному закону о контрактной системе под контрактом жизненного цикла понимается «контракт, предусматривающий поставку товара или выполнение работы (в том числе при необходимости проектирования объекта капитального стро-

ительства, создание товара в результате выполнения работы), последующие обслуживание, при необходимости эксплуатацию в течение срока службы, ремонт и (или) утилизацию поставленного товара или созданного в результате выполнения работы объекта капитального строительства или товара»¹.

Однако реализация контракта жизненного цикла в отношении объектов транспортной инфраструктуры сегодня фактически возможна также и в рамках Федеральных законов о концессионных соглашениях и о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации.

Как уже отмечалось выше, большинство исследователей относят контракт жизненного цикла к разряду соглашений о публично-частном партнерстве, отмечая, к примеру, общие для подобных форм черты, например, «определенный вклад сторон в реализацию общего проекта, распределение между ними обычных рисков и создание для частного субъекта гарантий того, что его участие в выполнении публичных задач будет обеспечено необходимой защитой, повышающей привлекательность таких инвестиций по сравнению с инвестициями в обычные коммерческие проекты», что несомненно не может не считаться спецификой контракта жизненного цикла [4].

Следует отметить, что отдельные элементы контракта жизненного цикла были опробованы в рамках иных форм государственно-частного партнерства. Так, например, частично контракт жизненного цикла представлен в рамках модели операторского контракта (Operation (O&M) contract), возлагающего на частного инвестора обязательства по аренде и эксплуатации автомобильной дороги.

Примером указанного взаимодействия на сегодняшний день может являться организованный процесс взимания платы на некоторых участках федеральных трасс М-3 «Украина», М-4 «Дон» и М-11 «Мо-

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2023).

сква – Санкт-Петербург» в соответствии с утвержденными тарифами. Также контракт в отношении данных участков предполагает размещение информационных систем и организацию службы аварийных комиссаров. Оператором по данным контрактам выступает ООО «Объединенные системы сбора платы». Такая форма публично-частного партнерства предусматривает несколько уровней взаимодействия. С одной стороны, отдельные участки вышеуказанных трасс переданы в доверительное управление государственной компании «Автодор», выполняющей общий технический надзор и установление тарифов и классификаций транспортных средств, осуществляющих движение по трассе, с другой стороны, текущую деятельность по их текущему ремонту и содержанию трассы, взиманию установленной платы, оказанию помощи водителям в дороге осуществляет частная компания.

Важность и эффективность применения контракта жизненного цикла для российской экономики подчеркнул Президент Российской Федерации Владимир Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2018 года. Он отметил, что контракт жизненного цикла пока недостаточно оценен, несмотря на то, что несет как для государства, так и для бизнеса больше плюсов, чем минусов.

Однако следует отметить ряд специфических проблем внедрения контракта жизненного цикла в нашей стране, которые так или иначе влияют на развитие транспортной инфраструктуры:

1. Имеющиеся пробелы в нормативном правовом регулировании вопроса реализации контрактов жизненного цикла. В частности, существующее толкование понятия контракта жизненного является своего рода препятствием для реализации всего спектра возможностей, которыми обладает исполнитель при исполнении заключенного договора.

2. Заключаемые контракты выходят за пределы возможности планирования бюджета на их выполнение. В периоды экономической нестабильности невозможно

учесть влияние всех внешних факторов в проекте бюджета.

3. Несоразмерная ответственность сторон договора. В соответствии с действующим законодательством все инфляционные риски возложены только на исполнителя. Такая ситуация отрицательно сказывается на подрядчике-исполнителе, поскольку он несет значительно большие риски. Кроме того, отсутствие государственных гарантий на долгосрочный период также увеличивает его риски. Несоразмерность в ответственности между сторонами может иметь негативные последствия для выполнения проекта.

4. Уменьшение инвестиционной привлекательности проектов транспортной инфраструктуры России ввиду длительной окупаемости контракта жизненного цикла не привлекает потенциальных подрядчиков, и, соответственно, их количество значительно сокращается. Для малого и среднего бизнеса такие проекты вообще не будут прибыльными.

5. Возникновение трудностей при расчете стоимости жизненного цикла объекта, поскольку при формировании бюджета невозможно учитывать затраты на содержание объекта с учетом его фактического износа.

6. Отсутствие опыта управления в процессе исполнения контракта жизненного цикла. В связи с тем, что в российской экономике применение контракта жизненного цикла началось относительно недавно, в этой области ощущается дефицит специалистов (профессионалов), а молодым специалистам в их эффективной реализации еще не хватает опыта управления такими проектами [4].

Таким образом, контракт жизненного цикла – это прежде всего возможность государства развивать и создавать общественно важные объекты транспортной инфраструктуры с ограниченным бюджетом. Вместе с тем существующие проблемы реализации контракта жизненного цикла в России тормозят развитие его системы и всего государственно-частного партнерства.

Несмотря на то, что контракт жизненного цикла является действенным способом

привлечения публичным субъектом дополнительных долгосрочных инвестиций в сферу транспортной инфраструктуры, на текущий момент данный вид договоров не получил должного распространения на практике вследствие того, что законодателем не был определен четкий подход к данному типу договоров как к форме публично-частного партнерства как особой формы взаимодействия власти и бизнеса.

Подводя итоги, необходимо сказать, что механизм государственно-частного партнерства на основе контракта жизненного цикла является интересным, но недооцененным способом взаимодействия государства и

бизнеса. Данное партнерство способствует оптимизации бюджета региона, улучшает качество объектов, находящихся в ведении государственных органов. Такое сотрудничество обеспечило бы реализацию Стратегии социально-экономического развития нашей страны, тем самым способствовало бы сохранению темпов развития транспортной инфраструктуры Российской Федерации. Реализация контрактов жизненного цикла в форме государственно-частного партнерства позволит смягчить последствия нынешнего экономического кризиса и обеспечит динамический рост экономики и улучшения качества жизни после его преодоления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гарипов В. Р. Жизненный цикл изделия: особенности расчета стоимости по контракту жизненного цикла // Вестник Ярославского государственного университета имени Г. П. Демидова. Экономические, социальные и юридические науки. 2019. № 11/2. С. 231–240.
2. Корнеева Е. А. Контракт жизненного цикла как форма государственно-частного партнерства: проблемы и перспективы развития // Социальное партнерство как фактор развития инфраструктурных отраслей экономики России: материалы международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2013.
3. Муратов Д. Г. Проект высокоскоростной магистрали Москва – Санкт Петербург // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2011. № 1 (32).
4. Морданова Е. С. Контракты жизненного цикла и внешнеторговая документация // Инфраструктурные отрасли экономики: тенденции развития. 2018. № 9. С. 27–34.

REFERENCES

1. Garipov V. R. Product life cycle: features of cost calculation under the life cycle contract // Bulletin of Yaroslavl State University named after G. P. Demidov. Economic, social and legal sciences. 2019. No. 11/2. P. 231–240. (In Russ.)
2. Korneeva E. A. Life cycle contract as a form of public-private partnership: problems and development prospects // Social partnership as a factor in the development of infrastructure sectors of the Russian economy: materials of the international scientific-practical conference. Novosibirsk, 2013. (In Russ.)
3. Muratov D. G. The project of Moscow - St. Petersburg high-speed highway // Transport of the Russian Federation. Journal of science, practice, economics. 2011. No. 1 (32). (In Russ.)
4. Mordanova E. S. Contracts of the life cycle and foreign trade documentation // Infrastructural branches of the economy: development trends. 2018. No. 9. P. 27–34. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.03.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 05.03.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Общеисследовательская статья
УДК 347.12

ЛОГИКА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ КАК ОБЪЕКТ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Петр Сергеевич Федосеев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
civilp@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию нормы гражданского права как основного элемента предмета науки гражданского права. Автор отмечает отсутствие единой концепции понимания предмета гражданского права и как науки, и как отрасли права; критически исследует подход некоторых цивилистов, определяющих в качестве предмета гражданского права норму права в отрыве от понимания процесса ее возникновения и применения к конкретным общественным отношениям. Подобный взгляд приводит не только к мистификации науки гражданского права, но и к созданию нормативных правовых актов, оторванных от реальности. Автор аргументирует мнение о том, что предметом науки гражданского права является процесс формирования, применения правовой нормы, а предметом гражданского права как правовой отрасли является норма закона как форма требуемого или желаемого поведения.

Ключевые слова: гражданское право, правовая норма, предмет гражданского права, логическая структура правовой нормы, гипотеза правовой нормы, диспозиция правовой нормы.

Для цитирования: Федосеев П. С. Логика гражданско-правовой нормы как объект цивилистического исследования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 60–65.

General research article

THE LOGIC OF THE CIVIL LAW NORM AS AN OBJECT OF A CIVILIST RESEARCH

Peter S. Fedoseyev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia, civilp@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the norms of civil law as the main element of the subject of the science of Civil Law. The author notes the lack of a unified concept of understanding the subject of Civil Law, both as a science and as a branch of law; critically examines the approach of some civilists who define the rule of law as the subject of Civil Law, in isolation from understanding the process of its emergence and application to specific social relations. Such a view leads not only to the mystification of the science of Civil Law, but also to the creation of normative legal acts divorced from reality. The author argues the opinion that the subject of the science of Civil Law is the process of formation, application of a legal norm, and the subject of Civil Law as a legal branch is the rule of law as a form of required or desired behavior.

Keywords: Civil Law, legal norm, subject of Civil Law, logical structure of a legal norm, hypothesis of a legal norm, disposition of a legal norm.

For citation: Fedoseyev P. S. The logic of the Civil Law norm as an object of a civilist research // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 60–65.

Наиболее дискуссионной проблемой науки гражданского права является определе-

ние ее предмета, то есть той стороны реальности, на которой сосредоточено внимание

© Федосеев П. С., 2023

исследователя, применяющего для ее исследования юридическую и общенаучную методологию в целях получения нового знания или подтверждения имеющихся сведений.

Гражданское право – это недедуктивная наука, предмет которой представляет собой систему понятий, метод их исследования – восхождение от абстрактного к конкретному [1, с. 94]. Полагаем, что предметом науки права, в том числе гражданского, является правоотношение как достаточно абстрактное понятие юриспруденции. Познание правоотношения как системы (а система должна состоять как минимум из двух элементов, в данном случае – общественное отношение и воздействие на него права) предполагает движение к норме как к конкретному понятию, образующему систему «правоотношение». В свою очередь, общественное отношение, как и правовая норма, являются абстрактно-общими понятиями по отношению к конкретно-общим понятиям – общественное производство и экономические отношения [1, с. 96].

В отечественной цивилистической литературе начало обсуждению предмета науки гражданского права положено в работах С. В. Пахмана «О современном движении в науке гражданского права» 1882 года и Г. Ф. Шершеневича «Наука гражданского права в России» и «Задачи и методы гражданского правосудия», изданных в Казани в 1893 и 1898 году [2, с. 4].

Работа Г. Ф. Шершеневича «Задачи и методы гражданского правосудия» представляет собой первое научное цивилистическое исследование, в котором поставлена проблема предмета науки гражданского права и предмета правового регулирования гражданско-правовой отрасли. В качестве предмета цивилистики Г. Ф. Шершеневич называл юридические нормы, а не общественные отношения, которые, на его взгляд, только отражались в юридических нормах. Кроме того, общественные отношения, по мнению исследователя, являются предметом изучения других социальных наук, например, политической экономии или этики [2, с. 3].

Сходная с мнением Г. Ф. Шершеневича точка зрения на проблему предмета гражданского права высказана Д. Д. Гриммом в работе «Лекции по догме римского права», опубликованной в 1916 году [3, с. 39].

Д. Д. Гримм, анализируя общественные отношения, составляющие предмет гражданского права, исходил из их значимости для общества, в котором они возникают. Поступки людей, одобряемые обществом, закрепляются в праве в виде абстрактных формулировок и используются впоследствии в качестве норм права. В дальнейшем правовые абстракции образуют предмет догмы права, в современном контексте – теории права [3, с. 41]. Д. Д. Гримм уточняет, что юридическая догма исследует ожидаемые и поощряемые этим обществом модели поведения его граждан. Кроме правовых норм, предметом изучения юридической догматики, по мнению Д. Д. Гримма, становятся юридические институты, то есть объединения признаваемых обществом и полезных для него норм, состоящих из признаков одобренного поведения и обстоятельств, при которых норма начнет действовать.

Очевидно, что Д. Д. Гримм переходит на более высокую ступень абстрагирования по сравнению с Г. Ф. Шершеневичем, а именно признает в качестве предмета цивилистики правовые институты, а не исключительно нормы.

Современный российский цивилист В. А. Белов, анализируя предмет науки гражданского права, утверждает, что предметом научного изучения цивилистики действительно является норма права, но не как общеобязательное веление, выражающее государственную волю, основанную на модели поощряемого в обществе поведения, а как имплицативное логическое суждение [4, с. 96].

По мнению В. А. Белова, норма права, чтобы привести в действие закон и стать предметом юридического изучения, должна быть отражена в объективном праве и урегулировать соответствующее общественное отношение, приняв форму имплицативного суждения, устанавливающего связь между

фактическим обстоятельством и юридическими последствиями [4, с. 99].

Данная концепция объясняет общепринятую логическую структуру правовой нормы «если..., то..., иначе...», поскольку одним из значений термина «норма права» является логическое суждение имплицативного типа, в котором основанием суждения (гипотезой) являются сведения о фактических обстоятельствах, например, юридически значимых действиях лиц, а диспозицией нормы выступают сведения о возникающих в связи с этим правоотношениях [4, с. 96].

На страницах цитируемой работы В. А. Белов утверждает, что предметом изучения науки гражданского права является именно правовая норма как логическое суждение, устанавливающее связь между юридически санкционированным велением, то есть правилом (законом) и фактом – поведением субъекта, отклоняющимся или соответствующим норме. Далее ученый делает вывод, что толкование гражданско-правовой нормы, обеспечивающее правильность ее применения и исполнения, является основной задачей юридической герменевтики, формулирующей учение о правилах выявления и уяснения смысла правовых норм. В связи с этим В. А. Белов называет герменевтику основной методологией науки гражданского права [4, с. 99].

Несомненно, вывод В. А. Белова представляется весьма логичным, но тем не менее мы не можем безоговорочно его поддержать по следующим причинам. Как известно, импликация является бинарной пропозициональной связкой, позволяющей из двух высказываний получить новое (имплицативное) высказывание [5, с. 42]. Свое истинное значение имплицативное высказывание приобретает только в том случае, если антецедент будет истинным, а консеквент будет объективно следовать из него [6, с. 35].

Истинность содержания имплицативного суждения в контексте формальной логики обеспечивается при условии истинности суждения и следствия [7, с. 21]. Мы согласимся, что в юридических нормах и суждениях, и следствие – истинны, так как они

установлены нормой объективного права, а соответствовать этой норме должно поведение субъектов. Это связано с тем, что антецедент, как и консеквент, устанавливаются нормой объективного права и составляют гипотезу и диспозицию нормы.

Полагаем, что не это обстоятельство должно интересовать науку гражданского права. Антецедент, чтобы иметь императивный характер, то есть быть нормой, должен быть сформулирован в качестве деонтической модальности, то есть веления, приказа или иного нормативного установления (например, договоры должны исполняться). Однако формальная логика не рассматривает императивность суждений. Очевидно, что суждение «договоры должны исполняться, потому что за это предусмотрена ответственность» или «это может нарушить субъективные права контрагента» с позиции формальной логики абсолютно не логично. Объективно познаваемая реальность не содержит в себе таких феноменов, как «договор», «обязательство», «сделка», «обязанность». Юридические законы не познаваемы эмпирическим путем, это идеологическое явление, о признании которого договариваются или с которым соглашаются (подчиняются) люди. С точки зрения формальной логики моральный закон Канта «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» не доказуем и может исполняться, только если он будет возведен в принцип жизни общества [8, с. 238].

Приведенные нормативные суждения могут быть проанализированы только с позиции логики норм. И структура «если..., то..., иначе...» не более, чем минимальное требование к логичности правовой нормы, не выдерживающее никакой критики с позиции формальной логики. Почему договор должен исполняться? Для кого он должен исполняться? Кем? Почему за неисполнение договора следует санкция? Эти послылки абсолютно не следуют из антецедента. Осмысленность нормативному суждению придает не его форма, а содержание, которое она в себя вмещает.

Дискуссия о том, что норма состоит не из гипотезы, диспозиции и санкции, а из

диспозиции и гипотезы, а санкция – это элемент нового суждения, не подлежащая объединению ни с моделью поведения субъекта, ни с его правами и обязанности, на наш взгляд, имеет весьма спорную значимость. Очевидно, что большинство норм Конституции Российской Федерации совсем не обладают формой имплицитивного суждения, а представляют собой нормативное суждение, провозглашающее ту или иную декларацию [9, с. 49]. Статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, утверждающая принцип свободы договора среди общих начал гражданского права, также не имеет традиционной структуры.

Интерес с точки зрения гражданского права представляет исключительно нормативность суждения. Как справедливо отмечал А. А. Ивин, логика в целом не имеет дела с императивами, это сфера деятельности этики. Императивные веления становятся истинными только для того, кто их высказал, следует им и требует следования от других [5, с. 7].

Санкционированность деонтической модальности может происходить из обычая, договора, закона, то есть общепризнанных или навязанных, но принимаемых правил, которым подчиняется одна сторона, а другая – имеет права требовать подчинения, или подчиняются обе стороны на основе заключенного соглашения. В связи с этим не сами суждения следует признать в качестве предмета науки гражданского права, а те обстоятельства, которые вызывают к жизни это суждение, придавая ему истинный характер, начиная от его формулирования в объективном праве и заканчивая его действием в обществе (правоприменением). Следует признать слабо аргументированными утверждения о нахождении в сфере чистой логики «конструкций идеального частного права», которые подсказывают государству, как регулировать фактические отношения [4, с. 105].

Полагаем, что предметом цивилистической науки следует признать не столько отражение нормы права в норме закона и соответствие фактического поведения субъек-

екта требованию сначала права, а затем и закона, сколько сам процесс формирования юридической нормы из общественных отношений, ее нормативное закрепление и воздействие на последующие отношения, придания им юридической формы. Сущность человеческого бытия состоит в деятельности, а критерий полезности деятельности, ее общественного одобрения выработан поколениями людей, сформулирован и закреплен в том числе и в правовой норме. По этой причине предметом науки гражданского права следует признать процесс создания нормативного регулирования человеческой деятельности, а под предметом гражданского права как отрасли права необходимо понимать порядок толкования и применения норм права к определенной отрасли общественных отношений.

В связи со сказанным, нельзя разделять норму права и норму закона, что мы обнаруживаем в указанной работе В. А. Белова. В данном случае перед нами очевидное проявление либеральной правовой теории, встречающейся среди прочего и в работе Ф. Ф. Хайека «Право, законодательство и свобода», сущностью которой является признание преимущества права над законом, в силу раннего происхождения права и противоречия естественного права объективному закону [10, с. 101].

В рамках концепции, предложенной Ф. Хайеком, закон понимается как навязанная воля правителя, преследующего интересы удержания власти в своих руках. В качестве права, в свою очередь, рассматриваются нормы, функционирующие внутри так называемого открытого общества, возникшие в результате взаимодействия равных субъектов в процессе обмена (торговли). Очевидно, что в таком понимании права допустимо и возможно существование закона наряду с правом, однако, как признавал и сам Ф. Хайек, открытое общество, действующее на принципах саморегулирования, неизменно вступает в конфликт с целями правителей, стремящихся превратить свои владения в надежно функционирующую организацию.

Вместе с тем нам представляется научно обоснованным иной подход к разрешению конфликта между правом и законом [10, с. 101]. Как известно, человеческая мораль формировалась в рамках общества и развивалась совместно с обществом, усложняя свои формы и трансформируясь в политическую этику. Главный принцип ее сформулировал Аристотель: «... для одного человека благом является то же самое, что для государства...» [11, с. 55]. По мере отхода от этих, на первый взгляд, простых истин происходит атомизация общества. Полисная гуманная этика трансформируется в стоицизм, то есть из устремления жить на благо общества и государства превращается в способность безропотно переносить жизненные невзгоды, в том числе вызванные неподобающим государственным устройством.

Таким образом, разделение права и закона представляется нам хотя и допустимым как юридическая концепция, но фактически вносит раскол в общество и приводит к возникновению внутри государства неких образований, не признающих или игнорирующих позитивное право.

В связи со сказанным мы не можем согласиться с признанием в качестве предмета науки гражданского права имплицативного суждения, объединяющего норму права (или же норму закона, разрыва которых мы также не допускаем) и фактическое поведение лица. Логика, а суждение – один из основных инструментов логики и главный объект ее исследования, вырабатывает методы структурирования мышления, придания

ему формы, позволяющей получать новые достоверные знания, оценивать полученные эмпирическим путем сведения. Как уже упоминалось, формальная логика не делает различия между достоверным или ложным знанием, если оно излагается в структуре (форме), правильной с точки зрения требований логики. Однако если высказывание содержит объективно достоверное знание, полученное в процессе отражения мышлением реальности, то субъект, применяющий логику для структурирования мышления, может утверждать о правдивости и самого содержания высказывания об этом знании, и верности следующих из него посылок.

Выше мы отмечали, что высказывания в праве с точки зрения логики носят характер деонтической модальности, то есть не только должны выражаться в требуемой для имплицативных суждений форме, но содержать оценку обоснованности самого суждения, соответствия оцениваемого события установленному правилу (норме), что в целом соответствует теории, высказанной В. А. Беловым. Вместе с тем без уяснения процесса формирования деонтических модальностей в том или ином обществе и придания им характера правовых норм невозможно понять механизм действия законов в обществе, а также возможен уход в приведенный выше дуализм, когда в социуме конкурируют право и закон. В данном случае мы поддерживаем точку зрения С. С. Алексеева о том, что законность воли господствующего класса, то есть права, обеспечена его справедливостью и моральностью [12, с. 22].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тыщенко В. П. К вопросу о характере исходных понятий недедуктивных теорий // Проблемы исследования структуры науки: материалы к симпозиуму. Новосибирский государственный университет. 1967. С. 94–105.
2. Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, 1898. 46 с.
3. Grimm D. D. Лекции по догме римского права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Издательство «Зерцало», 2003. 496 с.
4. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. 484 с.
5. Ивин А. А. Логика норм. М.: Изд-во МГУ, 1973. 121 с.
6. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод / Моррис Коэн; Эрнст Нагель; пер. с англ. П. С. Куслия. Челябинск: Социум, 2010. 655 с.

7. Ивлев Ю. В. Логика для юристов: Учебник для вузов. М.: Дело, 2000. 336 с.
8. Кант И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Философ. наследие. Акад. Наук СССР. Ин-т философии. Т. 4. Ч. I. М.: Мысль, 1965. 478 с.
9. Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения. М.: «Закон и право», 1996. 159 с.
10. Хайек Ф. А. ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
11. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в 4 т. Т. 4. / пер. с древнегреческого, общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.
12. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций в 2-х т. Основные вопросы общей теории социалистического права. Т. 1. Свердловск, 1972. 396 с.

REFERENCES

1. Tyshchenko V. P. On the nature of the initial concepts of non-deductive theories // Problems of research of the structure of science: materials for the symposium. Novosibirsk State University. 1967. P. 94–105. (In Russ.)
2. Shershenevich G. F. Tasks and methods of civil jurisprudence. Kazan, 898. 46 p. (In Russ.)
3. Grimm D. D. Lectures on the dogma of Roman law / edited by V. A. Tomsinova. M.: Publishing House “Mirror”, 2003. 496 p. (In Russ.)
4. Civil law: actual problems of theory and practice / under the general editorship of V. A. Belov. M.: Yurayt-Izdat, 2007. 484 p. (In Russ.)
5. Ivin A. A. Logic of norms. M.: Publishing House of Moscow State University, 1973. 121 p. (In Russ.)
6. Cohen M., Nagel E. Introduction to Logic and Scientific Method / Morris Cohen; Ernst Nagel; translated from English by P. S. Kuslia. Chelyabinsk: Socium, 2010. 655 p. (In Russ.)
7. Ivlev Yu. V. Logic for lawyers: Textbook for universities. M.: Delo, 2000. 336 p. (In Russ.)
8. Kant I. Essays in six volumes / under the general ed. by V. F. Asmus, A. V. Gulygi, T. I. Oizerman. Philosopher. Legacy, Acad. Sciences of the USSR. In-t of Philosophy. Vol. 4. Part I. M., Thought, 1965. 478 p. (In Russ.)
9. Luchin V. O. Constitutional norms and legal relations. M.: “Legislation and Law”, 1996. 159 p. (In Russ.)
10. Hayek F. A. f. Law, legislation and freedom: Modern understanding of liberal principles of justice and politics / Friedrich August von Hayek; translated from English by B. Pinsker and A. Kustarev, edited by A. Kuryaev. M.: IRISEN, 2006. 644 p. (In Russ.)
11. Aristotle. Nicomachean ethics. // Works in 4 volumes. Vol. 4. Translated from Ancient Greek, general ed. A. I. Dovatura. M.: Thought, 1983. 830 p. (In Russ.)
12. Alekseyev S. S. Problems of the theory of law. A course of lectures in 2 Volumes. Basic questions of the general theory of socialist law. Vol. 1. Sverdlovsk, 1972. 396 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Федосеев П. С., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Fedoseyev P. S., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 343.9

**О ТЕХНОЛОГИИ ПОИСКА ПО ОТКРЫТЫМ ИСТОЧНИКАМ «OSINT»
В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Владимир Батоевич Батоев

Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь МВД России»,
Москва, Россия, vbatoev@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы использования сбора и анализа оперативно значимой информации по открытым источникам в сети Интернет в целях решения задач борьбы с преступностью. Освещены передовые практики добывания информации, представляющей оперативный интерес. Автором обозначен ряд проблем правового и организационного характера в деятельности отечественных оперативно-розыскных органов, устранение которых предлагается рассматривать направлением совершенствования информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности. С учетом огромного потенциала повсеместного внедрения и использования технологий разведки по открытым источникам автором обосновывается необходимость придания им приоритетного значения при проведении научных исследований, подготовке специалистов данного направления, материально-техническом оснащении и переоснащении современными технологическими средствами деятельности оперативно-розыскных подразделений.

Ключевые слова: преступность, разведка, открытые источники, информация, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Батоев В. Б. О технологии поиска по открытым источникам «OSINT» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 66–71.

Original article

**ON THE OPEN SOURCE SEARCH TECHNOLOGY “OSINT”
IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES**

Vladimir B. Batoev

Scientific and Production Association “Special Equipment and Communications” of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, vbatoev@mail.ru

Abstract. The article considers the issues of using the collection and analysis of operationally relevant information on open sources on the Internet in order to solve the problems of combating crime. The best practices of obtaining information of operational interest are highlighted. The author identifies a number of legal and organizational problems in the activities of domestic operational investigative bodies, the elimination of which is proposed to be considered as a direction for improving information and analytical support for operational investigative activities. Taking into account the huge potential of the widespread introduction and use of open source intelligence technologies, the author substantiates the need to give them priority when conducting scientific research, training specialists in this field, equipping and re-equipping operational search units with modern technological means.

Keywords: crime, intelligence, open sources, information, operational investigative activities.

For citation: Batoev V. B. On the open source search technology “OSINT” in operational investigative activities // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 66–71.

© Батоев В. Б., 2023

В настоящее время в условиях тотальной цифровизации практически всех сфер общественных отношений вопросы информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) приобрели качественно иное значение, где процессы оперативного и разведывательного поиска оперативно значимой информации сместились в сторону использования современных достижений в области добывания, анализа и хранения цифровой информации. Перед оперативно-розыскными органами ОВД встала задача совершенствования имеющихся средств и методов осуществления информационного поиска в сетевом пространстве, размеры информации в котором позволяют заключить о влиянии ее количества на качество. Ежедневно генерируемые населением огромные по размерам массивы разнородной информации предоставляют субъектам оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) беспрецедентные возможности совершенствования информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений при решении задач борьбы с преступностью посредством поиска и анализа информации об объектах оперативной заинтересованности.

Анализ практики позволяет прийти к следующим выводам: по подсчетам компаний «IDC» и «Seagate» к 2025 году общемировой объем данных превысит 175 зеттабайт¹; ежедневно ресурсами сети Интернет пользуются около 5 млрд человек во всем мире, а на территории Российской Федерации – практически 90 % населения (около 130 млн человек), что вывело Россию на 6 место в рейтинге стран-лидеров². Данные цифры позволяют заключить, что в условиях цифровизации организации общественных процессов современный индивидуум фактически лишен возможности удовлетворять ряд своих потребностей традицион-

ным образом. В данном случае, наоборот, человеку в условиях неизбежного формирования цифрового общества и экономики в ближайшей перспективе будет предоставлен широкий спектр высокотехнологичного инструментария в рамках жизнедеятельности, когда основная масса услуг будет предоставляться в электронно-цифровой форме. Это предполагает создание цифрового профиля гражданина с его цифровыми следами в интернет-пространстве, изучение которых позволит сформировать паттерны его поведения и интернет-активности и идентифицировать как личность.

С точки зрения ОРД возможность идентификации человека по его цифровым следам в киберпространстве предполагает использование современных методов и средств поиска и анализа оперативно значимой информации в открытом и закрытом сегменте сети Интернет, которая в совокупности позволяет обеспечить решение задач борьбы с преступностью в целом.

К числу эффективных инструментов поиска и обнаружения информации в сети Интернет следует отнести программные решения по проведению разведывательно-поисковых мероприятий по открытым источникам, иными словами использование технологии «OSINT» (Open Source Intelligence) [1]. В отечественной практике субъектов ОРД по проведению поиска в открытых источниках оперативно значимой информации сформировался положительный опыт использования аналитических комплексов, что, разумеется, не нуждается в каком-либо обосновании.

Основным предназначением подобных аппаратно-программных комплексов (далее – АПК) является поиск в открытых источниках в сети Интернет информации, ее анализ, построение взаимосвязей между событиями, фактами, явлениями, иначе говоря:

¹ Эксперт: объем данных в мире к 2025 году вырастет более чем в пять раз // URL: <https://tass.ru/ekonomika/6209822> (дата обращения: 16.01.2023).

² Чернышенко: 90 % населения России являются пользователями Интернета // URL: <https://rg.ru/2022/09/28/chernyshenko-90-naseleniia-rossii-iavliaiutsia-polzovateliami-interneta.html> (дата обращения: 16.01.2023).

– обработка различных массивов информационных данных (как из сети Интернет, так и представленных на магнитных носителях) в сочетании с их объединением, формированием единой базы данных, истории событий в хронологическом порядке;

– анализ источников данных в сети Интернет по ключевым понятиям (события, организации, даты, персональные данные и др.);

– построение временных графов, взаимосвязей и взаимозависимостей;

– сигнализирование инициатору о появлении искомых событий, фактов, явлений по ключевым параметрам запроса.

Аппаратно-программные комплексы, использующие метод «OSINT», обеспечивают: формирование собственной базы архивных документов, никак не зависящей от состояния сохранности информации на первоисточнике; дальнейший поиск, оценку и систематизацию данных в архиве; проведение анализа поступивших сведений с учетом исторической ретроспективы; построение графов скрытых взаимосвязей, установить которые аналитику практически невозможно; дальнейшее сигнализирование инициатору о произошедших изменениях в цепочках данных, событий, явлений, фактов и появлении новых данных; определение приоритетности событий в рамках заданного определенного промежутка времени с предоставлением данных в визуализированном формате в виде графов, диаграмм, графиков, а также с возможностями их картирования в геоинформационных системах.

Подобные АПК используются также в рамках маркетинговой деятельности по вопросам проведения конкурентной разведки в бизнесе, организации деятельности служб безопасности коммерческих организаций и др. Однако изучение ее целей и сопоставление сквозь призму ОРД позволяет отметить, что их основная сфера использования сводится к осуществлению наблюдения за происходящими событиями по определенно заданным тематикам; получению информации из открытых источников сети Интернет; оказанию помощи аналитикам при проведении прогнозирования развития тех или

иных событий и явлений, формировании отчетов и гипотез; обеспечению реализации многоступенчатого анализа сведений, включающего в себя разбор черновиков, проведение вероятностного и статистического анализа данных, извлечение формализованных и структурированных данных, проведение семантического анализа с дальнейшим извлечением фактов из неструктурированных данных.

С точки зрения негласного характера ОРД подобные АПК позволяют в графическом виде выявлять неочевидные закономерности, обусловленные частотой взаимодействия объектов оперативной заинтересованности, их геоинформационной привязкой точек возникновения данных, что в совокупности позволяет субъектам использовать «скрытые» знания. В настоящее время использование рассматриваемой технологии можно рассматривать инновационным средством повышения уровня информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности в рамках проведения оперативно-розыскных, оперативно-технических и оперативно-аналитических мероприятий, вид которых определяется в соответствии с целями их проведения.

Особое значение для оперативно-розыскной практики имеют возможности АПК визуализировать обработанные данные, что позволяет отображать оперативно значимую информацию в картографическом виде, в формате графиков и гистограмм с возможностью фильтрации сведений в пространственно-временном выражении; графировать выявленные «скрытые» связи и зависимости между извлеченными данными.

При этом подобные АПК используют следующие виды разведки данных – пассивную и активную. В рамках пассивной разведки АПК осуществляет сбор первоначальной информации об объекте оперативной заинтересованности в целях подбора соответствующего способа активной разведки, в рамках которой осуществляется целенаправленный сбор оперативно значимой информации об объекте оперативной заинтересованности.

Помимо проведения разведки на открытых источниках посредством использования АПК существует широкий спектр общедоступных OSINT-инструментов, которые может беспрепятственно использовать любой субъект ОРД. К их числу следует отнести:

- инструменты поиска оперативно значимой информации в мессенджерах (например, в мессенджере «Telegram» – @HowToFind_bot (информация о различных базах данных и ссылках), @AvinfoBot (информация по номеру телефона в виде ссылок на социальные сети, о марке и номере автотранспортного средства, операторе связи, о поданных объявлениях обладателя этого номера на «Avito», «Drom», «Auto» и др.), @buzzim_alerts_bot (позволяет находить человека по нику и отслеживать упоминания о нем в новостных лентах), @mailsearchbot (информация о email-адресах и паролях к ним), @deanonym_bot (информация о номере сотового телефона пользователя мессенджера «Telegram») и др.);

- поисковые системы, позволяющие выявить сообщения, группы, пользователей, ботов и др. («Tgstat.ru», «Lyzem.com», «Buzz.im» и др.);

- вспомогательные компьютерные программы утилиты, не требующие для своего функционирования операционной системы (например, «Snoor Project» – утилита для поиска людей по ник-нейму и др.).

Безусловно, потенциал данного метода заключается в его общедоступности; простоте использования; наличии огромного и постоянно нарастающего объема цифровых данных как источника оперативно значимой информации; глобальном распространении сети Интернет, где человеку все сложнее оставаться не вовлеченным в процессы цифровизации общественных отношений и удовлетворять свои потребности традиционным образом. В связи с этим данный метод повышения уровня информационного обеспечения ОРД заслуживает не только пристального внимания, но и реализации в антикриминальной практике наряду с развитием дистанционных форм контроля и надзора за лицами, представляющими оперативный ин-

терес, роботизацией деятельности субъектов обеспечения правопорядка, использованием средств массовой коммуникации, применением технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных [2].

Использование подобных АПК как в деятельности оперативно-розыскных органов, служб безопасности коммерческих организаций, маркетинговых компаний, так и обычными гражданами не противоречит нормам действующего законодательства. Это объясняется отсутствием прямых законодательных запретов на подобные действия, так как размещаемая информация относится к категории открытой и общедоступной, что определяется условиями использования самих ресурсов, на которых подобная информация размещается.

В деятельности оперативно-розыскных органов имеются недостатки в вопросах использования «OSINT» при решении задач ОРД. В настоящее время использование данной методики необходимо внедрить в деятельность всех без исключения оперативных подразделений ОВД. При этом рассматриваемая технология нуждается в придании ей статуса приоритетного направления совершенствования информационной основы решения задач ОРД наряду с традиционными формами и методами, и получении повсеместного внедрения и использования на всех уровнях организации ОРД.

К числу основных проблем в данной сфере относятся вопросы деанонимизации личности пользователя сети Интернет [3; 4]. В оперативно-розыскной практике выработан положительный опыт деанонимизации личности пользователей сети Интернет [5; 6; 7], особенно в деятельности оперативных подразделений ОВД по контролю за оборотом наркотиков, по противодействию экстремизму. Процессы идентификации личности пользователей информационно-телекоммуникационными ресурсами вполне реализуемы посредством деанонимизации пользователей VPN-сервисами через иные сайты, либо путем сопоставления соединений, либо деанонимизации пользователей с использованием cookie-файлов, либо с использованием отпечатков браузера и др. [8] Так, Д. М. Фарахияев

выделяет методы деанонимизации пользователей сети «TOR» на примере пассивных атак timing-атака, метод «circuit fingerprinting», а также активных атак Raptor-атака, DoS-атака, spoofing-атака и др. [9].

Невзирая на малозначимость обозначенной проблемы, отметим, что субъекты ОРД в целом и сотрудники оперативных подразделений ОВД обязаны активно использовать технологию «OSINT» в виде программного софта, мобильных приложений, аппаратно-программных комплексов при решении оперативно-розыскных задач на всех организационных уровнях, не закликаясь на специализации компетенций по использованию данной технологии узким кругом оперативных подразделений ОВД. Применение данного метода позволит обеспечить переход информационного обеспечения ОРД на качественно иной уровень, где посредством поиска и обработки информации из открытых источников представится возможным существенно обогатить оперативно-розыскные данные информацией ориентирующего характера, которую можно будет использовать при решении оперативно-розыскных задач.

Следует отметить, что повсеместное внедрение в оперативно-розыскную практику метода разведки по открытым источникам «OSINT» потребует создания базовых технологических условий, принятия комплекса мер организационного, правового и материально-технического характера. Особое внимание следует обратить на необходимость обеспечения данного направления деятельности оперативных подразделений ОВД специализированными высококвалифицированными кадрами, что подразумевает проведение современной подготовки

и переподготовки специалистов в данной области. С юридической точки зрения полагаем, что необходима тщательная проработка на законодательном уровне вопросов использования данного метода в деятельности субъектов ОРД в целом с обозначением правовой формы, в которую данные действия будут обличены, иными словами, необходимо определить в рамках какого оперативно-розыскного мероприятия целесообразно трактовать с правовой точки зрения использование искомого метода добывания оперативно значимой информации в целом со всеми вытекающими юридическими последствиями их использования в качестве результатов ОРД в частности.

Помимо этого, считаем целесообразным на постоянной основе осуществлять мониторинг передового зарубежного опыта в рассматриваемом направлении и обращаем внимание научной общественности на необходимость проведения глубоких научных исследований в искомой сфере общественных отношений с обязательной выработкой научно обоснованных предложений и рекомендаций по вопросам подготовки и проведения разведки в открытых источниках сети Интернет.

Современные реалии и бурно протекающие технологические процессы предписывают оперативно-розыскным органам своевременно осознать и принимать во внимание огромный потенциал поиска информации по открытым источникам «OSINT», а также придать данному направлению статус преимущественного развития информационного обеспечения ОРД, в том числе в рамках неизбежной цифровизации всех сфер организации общественных процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Янгаева М. О., Павленко Н. О. OSINT. Получение криминалистически значимой информации из сети Интернет // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2. С. 131–135.
2. Грибанов Е. В. Перспективные направления развития кибертехнологий предупреждения преступлений // Общество и право. 2021. № 4. С. 21–27.
3. Батоев В. Б. Использование мессенджеров в преступной деятельности: проблемы деанонимизации пользователей и дешифрования информации // Оперативник (сыщик). 2017. № 2 (51). С. 15–20.
4. Лазаренко А. В. Технологии деанонимизации пользователей TOR // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2016. № 19. С. 257–262.

5. Афонькин Г. П., Смирнов Е. В., Чемерчев Д. В. Основы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. 2021. № 1 (4). С. 10–17.
6. Гаврилин Ю. В., Парадников А. Г. Совершенствование выявления, раскрытия и расследования хищений, совершенных и использованием информационных банковских технологий (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) // *Труды Академии управления МВД России*. 2020. № 2 (54). С. 123–130.
7. Земцова С. И. Программные продукты, используемые для деанонимизации фактов совершения наркопреступлений с использованием цифровой валюты // *Криминалистика – наука без границ: традиции и новации: материалы всероссийской научно-практической конференции / сост. А. В. Бачиева, Э. В. Лантух*. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 112–115.
8. Поздышев Р. С. Деанонимизация личности преступника в сети Интернет // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2022. № 2. С. 50–53.
9. Фарахийев Д. М. Способы и методы деанонимизации лиц, совершающих преступления в информационном пространстве // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 4. С. 249–254.

REFERENCES

1. Yangaeva M. O., Pavlenko N. O. OSINT. Obtaining criminalistically significant information from the Internet // *Altai Legal Bulletin*. 2022. No. 2. P. 131–135. (In Russ.)
2. Gribanov E. V. Perspective directions of development of cyber technologies of crime prevention // *Society and law*. 2021. No. 4. P. 21–27. (In Russ.)
3. Batoev V. B. The use of messengers in criminal activity: problems of deanonymization of users and decryption of information // *Operative (detective)*. 2017. No. 2 (51). P. 15–20. (In Russ.)
4. Lazarenko A. V. Technologies of deanonymization of TOR users // *New information technologies in automated systems*. 2016. No. 19. P. 257–262. (In Russ.)
5. Afonkin G. P., Smirnov E. V., Chemerchev D. V. Fundamentals of countering crimes committed using information and telecommunication technologies // *Police Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russian*. 2021. No. 1 (4). P. 10–17. (In Russ.)
6. Gavrilin Yu. V., Paradnikov A. G. Improving the detection, disclosure and investigation of embezzlement committed and using information banking technologies (based on the results of the All-Russian online seminar) // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 2 (54). P. 123–130. (In Russ.)
7. Zemtsova S. I. Software products used to deanonymize the facts of drug crimes using digital currency // *Criminalistics-science without borders: traditions and innovations: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference / compiled by A.V. Bachieva, E. V. Lantukh*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 112–115. (In Russ.)
8. Pozdyshev R. S. Deanonymization of the criminal's identity on the Internet // *Bulletin of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 2. P. 50–53. (In Russ.)
9. Farakhiev D. M. Ways and methods of deanonymization of persons committing crimes in the information space // *Legal Science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 4. P. 249–254. (In Russ.)

Информация об авторе:

Батоев В. Б., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Batoev V. B., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; одобрена после рецензирования 27.01.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 17.01.2023; approved after reviewing 27.01.2023; accepted for publication 23.06.2023.

**НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ****Никита Сергеевич Грудинин**Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, nekit-07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пути и направления противодействия наркоугрозе в Российской Федерации. Отмечается, что уголовно-правовая политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков является недостаточно строгой. Свидетельством этому является значительное число реальных наркопотребителей в стране, неспособность правоохранительных органов эффективно противостоять распространению синтетических наркотиков и различных психоактивных веществ. Подчеркивается, что ужесточение уголовно-правовой политики в данной сфере должно быть комплексным и предусматривать ужесточение ряда норм уголовного закона, усиление контроля за телевидением и Интернетом, активизацию воспитательной работы в учебных заведениях, повышение качества организационно-кадровой и оперативной работы в правоохранительных органах.

Ключевые слова: синтетические наркотики, психоактивные вещества, незаконный оборот, производство, сбыт, пожизненное лишение свободы.

Для цитирования: Грудинин Н. С. Некоторые направления уголовно-правовой политики России в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2. С. 72–78.

Original article

**SOME DIRECTIONS OF THE CRIMINAL LAW POLICY OF RUSSIA
IN THE FIELD OF COMBATING ILLICIT TRAFFICKING
IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES****Nikita S. Grudinin**

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, nekit-07@mail.ru

Abstract. The article deals with the ways and means of countering the drug threat in the Russian Federation. It is noted that criminal law policy in the field of combating drug trafficking lacks stringency. The evidence of that is the large number of actual drug users in Russia, the inability of law enforcement agencies to effectively counter the distribution of synthetic drugs and different psychoactive substances. It is emphasized that the tightening of the criminal law policy in this area should be comprehensive and requires the tightening of a number of norms of the criminal law, strengthening control over television and the Internet, intensification of educational work in relevant institutions, improving the quality of organizational, personnel and operational work in law enforcement agencies.

Keywords: synthetic drugs, psychoactive substances, illegal trafficking, production, sale, life imprisonment.

For citation: Grudinin N. S. Some directions of the criminal law policy of Russia in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. P. 72–78.

Уголовно-правовая политика государства – это политика борьбы с преступно-

стью, которая реализуется посредством социально-правовых, экономических, ор-

ганизационных, культурных решений и действий государства, направленных на противодействие преступной угрозе, рациональное назначение наказаний за преступные деяния, недопущение бедности и трудностей в социальном развитии общества и эффективную профилактику преступной угрозы. Представляется, что уголовно-правовая политика включает в себя следующие ключевые составляющие: политику борьбы с преступностью силами и средствами уголовного закона; политику наиболее эффективного и рационального исполнения уголовных наказаний в целях исправления осужденных; политику выстраивания уголовного процесса, который направлен на законное и справедливое осуждение лица, виновного в совершении преступления; политику предупреждения преступности и декриминализации преступной личности; политику государства по определению основных направлений борьбы с различными видами преступности силами правоохранительных органов.

Уголовно-правовая политика России предопределяет эффективность борьбы с различными видами преступности, представляющими угрозу для общества. В настоящее время очевидно, что наркопреступность представляет особую угрозу для общества и государства, поскольку государство не может терять своих граждан (в первую очередь, молодежь) на ровном месте. Так, по данным официальной статистики за последние 5 лет число официально зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, сократилось на 13,87 % и составило в 2021 году 179 732 преступления¹. Однако при этом результаты социологических исследований, статистика поиска каналов сбыта наркотиков в DarkNet показывают, что реальное число наркопотребителей в России составляет не менее 2–2,5 млн человек², превы-

шая число, зарегистрированное Минздравом Российской Федерации как минимум в 3–4 раза [1, с. 3]. По этой причине в последние годы государство целенаправленно ужесточает уголовную ответственность и усиливает комплекс организационно-правовых и материально-технических мер, которые призваны противодействовать распространению наркоугрозы. Несомненно, что уголовно-правовая политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ – это одна из важнейших составляющих уголовно-правовой политики современной России, от эффективности которой зависит как результативность правоохранительной деятельности в целом, так и успех в борьбе с другими видами преступности.

Современная уголовно-правовая политика, которую реализует Россия в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, является многоаспектной. С одной стороны, наша страна продолжает линию на ужесточение законодательства в отношении лиц, замешанных в незаконном обороте наркотиков. С этой целью, начиная со второго десятилетия нынешнего века, Россия последовательно ужесточает санкции статей за незаконный оборот наркотиков, а также вводит новые составы преступлений. С другой стороны, вектор современной уголовно-правовой политики России в области борьбы с распространением наркотиков не учитывает всех возможных вариантов проникновения наркотиков в жизнь общества.

Россия активизирует поиск направлений ужесточения уголовного законодательства, усиливает контроль за своей государственной границей и перемещением через нее грузов и товаров различного рода. Тем не менее, несмотря на все успехи последних лет, до настоящего момента вопрос о совершенствовании российского уголовного зако-

¹ Показатели преступности России. Динамика // URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 30.06.2022).

² Официальная статистика за 2021 год: употребление наркотиков в России // URL: <https://narkonet.info/oficialnaja-statistika-za-2021-god-upotreblenie-narkotikov-v-rossii/> (дата обращения: 30.06.2022).

нодательства в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ вызывает активные дискуссии в среде специалистов-теоретиков [2, с. 25–28], что свидетельствует о наличии определенных, в полной мере не решенных проблем. Остановимся на рассмотрении некоторых из них более подробно.

Как известно, наркомания и вовлечение в процесс потребления наркотиков являются следствием факта наличия значительного объема различных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов на нелегальном рынке. Учитывая данный факт, следует предположить, что сокращение числа наркотиков, находящихся в обороте на нелегальном рынке, с одной стороны, вызовет резкое повышение их цены, а с другой стороны, в куда более отдаленной перспективе количество наркопотребителей в России должно сократиться. Вследствие этого, как нам представляется, удастся сохранить тысячи жизней граждан страны, многие подростки не смогут попробовать наркотики в юном возрасте, а значит, они не станут наркоманами. В итоге в определенной степени должно сократиться как число преступлений, совершаемых по стране в целом, так и преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Как же можно добиться столь существенного сокращения объема наркотических средств и психотропных веществ, находящихся в нелегальном обороте? Ответ на этот вопрос, как представляется, достаточно прост. Нужно максимально преградить доступ наркотических средств и психотропных веществ, ввозимых из-за рубежа, на территорию России, а также жестко противостоять производству (синтезу) наркотических средств и психотропных веществ внутри нашей страны [3, с. 70]. Понимая, что пресечение путей незаконного ввоза наркотиков из-за рубежа потребует значительных сил и времени, нами предлагается возможность введения уголовной ответственности за незаконное производство наркотических средств и психотропных веществ в серийных объемах в виде пожизненного лишения свободы.

С целью реализации данного предложения, нам представляется необходимым вывести из диспозиции состава, предусмотренного ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), незаконное производство наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и криминализировать данные действия в отдельную статью УК РФ. Соответственно, уголовная ответственность за незаконное производство наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов должна состоять в лишении свободы на срок от 10 до 15 лет; за те же деяния, совершенные в значительном размере или группой лиц по предварительному сговору – на срок от 15 до 20 лет, а за те же деяния, совершенные в крупном размере, либо организованной группой, либо с использованием своего должностного положения – в виде пожизненного лишения свободы. Повторим уже сказанное нами ранее: только максимально строгое наказание для производителей наркотиков способно в разы снизить объемы наркотиков на российском нелегальном рынке.

Важнейшей проблемой для России, как и для многих зарубежных стран, сегодня является распространение синтетических наркотиков, известных под различными наименованиями, в т. ч. соли, спайсы, кислоты. Их состав постоянно меняется и, чтобы классифицировать каждое новое вещество как однозначно наркотическое, необходимо время и решение законодателя. Для того чтобы оперативно предотвратить распространение таких веществ, в 2015 году УК РФ был дополнен ст. 234.1, которая предусмотрела ответственность за оборот новых психоактивных веществ естественного или синтетического происхождения, которые представляют потенциальную опасность для граждан и запрещены к обороту в России [4, с. 26].

С одной стороны, данное решение представляется обоснованным, поскольку ответственность за незаконный оборот указанных веществ должна быть, чтобы предотвращать их распространение и предоставлять возможность сотрудникам правоохранительных органов привлекать виновных в их

сбыте и распространении лиц к уголовной ответственности. С другой стороны, уголовная ответственность, которая предусмотрена за данное деяние, нам представляется недостаточной. Также нельзя не сказать, что большинство новых психоактивных веществ есть не что иное, как синтетические наркотики, а потому наказание за их распространение должно быть куда строже. Более того по аналогии с законодательством ряда зарубежных стран новые психоактивные вещества должны быть поставлены в один ряд с новыми синтетическими наркотиками [5, с. 13].

С учетом сказанного, действие ст. 234.1 УК РФ целесообразно распространить на новые синтетические наркотические средства и повысить размеры санкций по всем частям данной статьи. Представляется, что название статьи 234.1 УК РФ должно звучать следующим образом: «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ и синтетических наркотических средств». Наказание по ч. 1 ст. 234.1 УК РФ должно, наряду с уже имеющимся, предусматривать лишение свободы на срок до 5 лет, по ч. 2 срок лишения свободы должен быть увеличен до 10 лет, а по ч. 3 – до 15 лет. Только максимально строгое наказание за оборот новых психоактивных веществ и синтетических наркотиков способно поставить надежный заслон на пути их активного распространения в России. Снижение объема синтетических наркотиков в стране, на наш взгляд, возможно уже в краткосрочной перспективе путем «прикрытия» имеющейся лакуны в ст. 234.1 УК РФ.

Следует подчеркнуть, что уголовно-правовое противодействие незаконному обороту наркотиков не может быть в полной мере эффективным без широкой социальной поддержки и пропаганды идеи неприятия наркотиков. В этой связи мы предлагаем посмотреть на те направления, которые могут исходить от каждого гражданина России и от всего общества в целом. В ряде мер, которые могут быть реализованы обществом и каждым из нас, хотелось бы отметить контроль за содержанием медиаконтента в сети

Интернет и различных СМИ. Не секрет, что в сети Интернет, да и во многих российских и иностранных СМИ содержится достаточно подробная информация о том, как можно получать различные наркотики. Имея свободный доступ к такой информации, часть населения страны находится под влиянием постоянного соблазна опробовать это на себе. Получается, что отсутствие надежного контроля за медиаконтентом в определенной степени содействует вовлечению все большего и большего числа граждан в процесс изготовления, распространения и употребления наркотиков.

Выходом из данной ситуации может стать активизация общественного мнения и общественного контроля за содержанием информационных материалов в сети Интернет и СМИ. По нашему глубокому убеждению, интернет-сайты и ресурсы, на которых распространяется (рекламируется) информация о наркотиках, должны рассматриваться как попадающие в «черный список»: увидев информацию, призывающую к производству и распространению наркотиков, гражданин должен получить возможность оставить «черную метку» такому сайту. После того, как в течение суток в отношении такого сайта набирается более 10 «черных меток», он должен автоматически блокироваться, а его деятельность может быть возобновлена только после самой тщательной проверки со стороны Роскомнадзора и МВД России. В отношении же телевизионных каналов, которые транслируют фильмы, содержащие в себе скрытую рекламу наркотиков, необходимо принимать наиболее жесткие меры сразу же: первое нарушение такого характера должно повлечь предупреждение и крупный денежный штраф, а второе – автоматическое аннулирование лицензии на вещание.

Полагаем, что только жесткие и решительные меры по борьбе с ресурсами, которые хранят и распространяют сведения о наркотиках как образе жизни, пропагандируют культуру их потребления, могут поставить заслон на пути распространения данной угрозы в России. Активное участие граждан в данном процессе, безусловно,

не требует значительных усилий от них и призвано стимулировать развитие активной жизненной позиции. Когда каждый из нас будет готов заявить о недопустимости пропаганды наркотиков и культуры их потребления, только тогда в совокупности с авторитетом УК РФ можно будет предотвратить расползание наркоугрозы в умах и сознании наших граждан.

Продолжая разговор о том, какими путями можно противостоять проникновению идеологии наркотизма в российское общество, нельзя еще раз не сказать том, что в настоящее время многие наркопотребители встречаются с наркотиками в первый раз в период обучения в школе, техникуме или университете. Получается, что наркоугроза усиливается в разы именно в молодежной среде, а создание преграды в образовательных учреждениях страны – это важнейшее условие противодействия наркотикам и их распространению. Очевидно, что школы, равно как и школьники, бывают разные: школы бывают городские и сельские, престижные и непрестижные. Равным образом разными бывают и школьники: городские и сельские, хорошо успевающие и не очень. Однако при этом никто в настоящее время не застрахован от проникновения наркотизма в их жизнь. Современные школьники, к сожалению, сильно подвержены влиянию Интернета. Практически любая информация, которая распространяется и цитируется в Интернете их ровесниками или популярными блогерами, воспринимается школьниками как истина, которой необходимо следовать в жизни. Получается, что школа должна идти в ногу со временем, интегрировать материалы из социальных сетей и блогов применительно к патриотическому воспитанию подрастающего поколения. С другой стороны, по нашему мнению, школа сама должна нести позитивные практики воспитания подрастающего поколения в Интернет: на интернет-сайтах необходимо активнее пропагандировать патриотическое воспитание, здоровый образ жизни, повышать интерес к истории нашей страны. Наконец, уже сейчас необходимо ввести в школьную программу

8–11 классов обязательный ежемесячный урок, рассказывающий о вреде наркомании, демонстрирующий видеофильмы о последствиях употребления наркотиков, а также путях и способах вовлечения в криминальный бизнес по обороту наркотиков. Скорее всего данные видеоуроки должны быть включены в программу курса «Основы безопасности жизнедеятельности».

Сложнее ситуация, как представляется, обстоит в техникумах и университетах. В данных образовательных учреждениях проходят обучение уже во многом сложившиеся личности со своими установками и ценностями. Если такой обучающийся уже был приобщен ранее к употреблению наркотиков, то несложно предположить, что он будет стремиться вовлечь в данный процесс свое ближайшее окружение. Повлиять на такие молодежные группы общения преподавательскому составу техникумов и высших учебных заведений намного сложнее, так как фактически он осуществляет уже только образование, а не воспитание обучающихся. Вероятно, что противостояние наркоугрозе в данных учебных заведениях должно осуществляться посредством установления контактов с обучающимися, которые имеют информацию о фактах употребления наркотиков своими сокурсниками и друзьями. Именно с этими лицами должна вестись активная работа, которая должна быть нацелена на установление источников и цепочек проникновения наркотиков в образовательные учреждения.

Следующим аспектом, который, безусловно, должен способствовать большей эффективности норм уголовного законодательства за незаконный оборот наркотиков в России, должен стать масштабный контроль за местами отдыха. Речь идет об увеселительных заведениях, ночных клубах, в которых традиционно собирается молодежь. Полагаем, что многим из нас хорошо известно, что в таких местах молодежь активно «расслабляется», злоупотребляя алкоголем, закисью азота, различными психоактивными веществами. Находясь под воздействием таких веществ, часть молодых людей совершают

правонарушения, оскорбляют граждан, садятся за руль, не контролируя в полной мере свои действия. Кроме того, именно в таких увеселительных заведениях некоторые подростки пробуют впервые психоактивные вещества, впоследствии становясь на путь употребления синтетических наркотиков, а часть из них вовлекаются в преступные цепочки по распространению таких веществ.

Следует сказать, что за данными увеселительными заведениями в настоящее время осуществляется лишь периодический и выборочный контроль, а после рейдов сотрудников МВД России, по результатам которых в этих заведениях обнаруживаются лица, находящиеся в состоянии наркотического опьянения, для их владельцев не наступает никакой ответственности, кроме штрафов. Думается, что такой либеральный подход не оправдан тяжестью наркоугрозы в современной России, а те заведения, в которых были замечены лица, находящиеся в состоянии наркотического опьянения, должны приостанавливать свою деятельность на 1 месяц. В случае повторного выявления указанных нарушений, деятельность таких заведений должна быть окончательно прекращена.

Продолжая разговор о путях противодействия наркоугрозе в нашей стране, следует упомянуть о том, что данная борьба осуществляется всеми членами российского общества, однако на переднем ее краю постоянно находятся сотрудники правоохранительных органов, и в первую очередь органов внутренних дел. По нашему убеждению, во многом качество работы по борьбе с распространением наркотиков определяется эффективностью борьбы сотрудников правоохранительных органов с данной угрозой. Поэтому от того, насколько подготовлены, мотивированы и заинтересованы сотрудники правоохранительных органов, настолько грамотно и эффективно они будут выполнять свои должностные обязанности. В этом аспекте, как представляется, сотрудники правоохранительных органов и спецслужб за последние годы сделали качественный шаг вперед, а качество оперативной работы в этом направлении постоянно

улучшается. Однако при этом нельзя не отметить и тенденцию последних лет, согласно которой часть сотрудников правоохранительных структур переходит на другую сторону, и они сами становятся частью наркобизнеса. Такие сотрудники, несомненно, наносят большой вред общему делу борьбы с наркоугрозой, снижают доверие граждан к правоохранительным органам.

Говоря об этой проблеме, следует отметить, что полностью избежать криминализации правоохранителей, которые постоянно имеют дело с наркотиками, вряд ли возможно. Вероятным решением данной проблемы должно стать формирование системы общественного контроля за деятельностью правоохранительных структур, противодействующих наркобизнесу. Любое обоснованное подозрение в том, что сотрудник связан с наркобизнесом, должно повлечь для него тотальную служебную проверку, а в случае подтверждения подозрений – автоматическое увольнение со службы и возбуждение уголовного дела.

Таким образом, следует особо отметить, что современная ситуация с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов в России остается непростой. Российская Федерация продолжает последовательно ужесточать уголовно-правовую политику борьбы с наркобизнесом. На данном пути сделано уже немало, однако реформирование УК РФ в этой сфере необходимо продолжить и далее. С этой целью представляется целесообразным вывести из диспозиции состава ст. 228.1 УК РФ незаконное производство наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и криминализировать данные действия в отдельный состав, предусмотрев за него наказание вплоть до пожизненного лишения свободы, а действие ст. 234.1 УК РФ целесообразно распространить на новые синтетические наркотические средства. Думается, что даже небольшая «лазейка» в законодательстве, не позволяющая привлечь к уголовной ответственности изготовителей и распространителей наркотических средств, несет в себе страшную угрозу гражданам России,

государству и обществу. Наша задача – обеспечить надежную законодательную и право-охранительную преграду наркоугрозе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коршунов В. А. Эпидемиологические закономерности распространения наркопотребления и наркозависимости и направления по оптимизации мер профилактики: дис. ... канд. мед. наук. М., 2017. 24 с.
2. Косарев С. Ю. Правовые основы антинаркотической безопасности общества: монография. М., 2019. 160 с.
3. Сопьянова А. В. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков, и пути их решения // Юридическая наука как основа формирования правовой культуры общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2019. С. 70–72.
4. Кобец П. Н., Прохорцев И. А. Становление и развитие предупреждения наркопреступности // Научный вестник Академии Полиции. 2019. № 1 (21). С. 24–30.
5. Щербakov А. Д. Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту наркотиков в России и США: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.

REFERENCES

1. Korshunov V. A. Epidemiological patterns of drug use and drug addiction and directions for optimizing preventive measures: dis. ... cand. of medicine. M., 2017. 24 p. (In Russ.)
2. Kosarev S. Yu. Legal foundations of anti-drug security of society: monograph. M., 2019. 160 p. (In Russ.)
3. Sopyanova A. V. Problems of criminal and legal struggle against crimes related to drug trafficking and ways to solve them // Legal science as a basis for the formation of legal culture of society: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg, 2019. P. 70–72. (In Russ.)
4. Kobets P. N., Prokhortsev I. A. Formation and development of drug crime prevention // Scientific Bulletin of the Academy of Police. 2019. No. 1 (21). P. 24–30. (In Russ.)
5. Shcherbakov A. D. Criminal legal counteraction to drug trafficking in Russia and the USA: comparative legal research: abstract. dis. ... cand. of law. M., 2016. 28 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Грудинин Н. С., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Grudin N. S., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022; одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 10.07.2022; approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 342.4

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Елена Владимировна Ежова¹, Ильнар Иреквич Акбаров²

^{1,2} Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
¹ yezhova.e.rb@mail.ru, ² ilnar.akbarov.2017@mail.ru

Аннотация. Толкование уголовно-процессуальных положений позволяет констатировать возможность получения защитником заключения специалиста с последующим его представлением в качестве доказательства для оценки и проверки следователем (дознавателем) и судом. Однако в настоящий момент в практической деятельности защитника имеются случаи отказа со стороны следственных органов и суда в приобщении к уголовному делу заключения специалистов, обосновывая это своим критическим отношением к их выводам и отрицая значимость их заключений в качестве доказательств по критерию допустимости. Цель данного исследования заключается в анализе проблем привлечения специалиста к участию в уголовном производстве в сфере экономических преступлений. Были использованы следующие методы познания: общие (синтез, анализ, дедукция, индукция, наблюдение и сравнение, экстраполяция, интерполяция); общенаучные (структурный и системный анализ); специальные (правового моделирования, формально-юридического, сравнительно-правового). В итоге исследование позволило выявить проблемы привлечения специалиста к участию в уголовном судопроизводстве. В результате неурегулирования в УПК РФ деятельности специалиста и наличия большого числа вопросов судебная и следственная практика идет по единственно возможному в данной ситуации пути – отказу в рассмотрении заключения специалиста в качестве полноценного доказательства, и последнее в большинстве случаев не используется при принятии решений по уголовным делам, в их расследовании и рассмотрении.

Ключевые слова: защитник, специалист, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, производство по уголовному делу, участник, сторона защиты.

Для цитирования: Ежова Е. В., Акбаров И. И. Некоторые вопросы участия специалиста в производстве по уголовным делам // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 79–87.

Original article

SOME ISSUES OF PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Elena V. Ezhova¹, Ilnar I. Akbarov²

^{1,2} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
¹ yezhova.e.rb@mail.ru, ² ilnar.akbarov.2017@mail.ru

Abstract. The interpretation of the criminal procedural provisions allows us to state the possibility of obtaining a specialist's opinion by the defender, followed by its presentation as evidence for evaluation and verification by the investigator (inquirer) and the court. However, at the moment, in the practice of the defender, there are cases of refusal on the part of the investigating authorities and the court to attach the conclusions of specialists to the criminal case, justifying this by their critical attitude to their conclusions and denying the significance of their conclusions as evidence by the criterion of admissibility. The purpose of this study is to analyze the problems of attracting a specialist to participate in criminal proceedings in the field of economic crimes. The following methods of cognition were used: general (synthesis, analysis, deduction, induction, observation and comparison, extrapolation, interpolation); general scientific (structural and system analysis);

© Ежова Е. В., Акбаров И. И., 2023

special (legal modeling, formal legal, comparative legal). As a result, the study revealed the problems of attracting a specialist to participate in criminal proceedings. As a result of the non-regulation of the specialist's activities in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the presence of a large number of issues, judicial and investigative practice follows the only possible path in this situation - refusal to consider the expert's conclusion as full-fledged evidence and the latter, in most cases, is not used when making decisions on criminal cases, in their investigation and consideration.

Keywords: defender, specialist, criminal proceedings, criminal proceedings, criminal procedure, participant, defense.

For citation: Ezhova E. V., Akbarov I. I. Some issues of participation of a specialist in criminal proceedings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No 2 (100). P. 79–87.

Введение

Одним из возможных участников в уголовном процессе является специалист, заключение либо показание которого могут стать весомым доказательством по делу. В данной работе рассмотрим некоторые проблемные вопросы и пути их решения, связанные с привлечением специалиста к участию в производстве по уголовным делам (на примере судебной практики по экономическим преступлениям).

1. Привлечение специалиста стороной защиты.

Восьмая глава Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) относит специалиста к иным лицам, участвующим в уголовном судопроизводстве (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Специалист выполняет вспомогательные задачи в уголовном процессе. Он выступает как независимое лицо, участвующее в решении задач уголовного процесса. Специалист оказывает помощь следственным органам и суду, в том числе и участникам со стороны защиты, используя свои специальные познания и указывая им на отдельные важные ситуации в уголовном судопроизводстве.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ участвующий в деле защитник наделен правом привлечения специалиста. Защитник в силу ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Системное толко-

вание указанных законоположений, а также ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ позволяют констатировать возможность получения им заключения специалиста с последующим его представлением в качестве доказательства для оценки и проверки следователем (дознавателем) и судом. Однако в настоящее время в практической деятельности защитника продолжают встречаться случаи отказа со стороны органов расследования и суда в приобщении к уголовному делу заключения специалистов с обоснованием этого своим критическим отношением к их выводам и отрицанием значимости их заключений в качестве доказательств по критерию допустимости.

Следует признать обоснованным мнение ряда авторов о том, что «во многих случаях заключение и показания специалиста являются доказательствами стороны защиты, в связи с чем суду следует оценивать это доказательство по критерию его допустимости не в судебном постановлении (приговоре), а в момент заявления ходатайства о приобщении этого доказательства» [1, с. 28]. Так, оценивая это доказательство исключительно в судебном приговоре, защитник и обвиняемый не могут оправдаться, защитить собственную позицию [2, с. 4].

В научной литературе актуализированы различные проблемы привлечения защитником специалиста в уголовном процессе, связанные, главным образом, с наличием в настоящий момент пробелов в законе. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации²

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2023).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 25 июня.

(далее – УК РФ) предусматривает в ст. 307 ответственность специалиста за дачу заведомо ложных показаний, тем не менее в данной норме не устанавливается наказание за заведомо ложное заключение специалиста, что не позволяет по праву отнести специалиста к доказательственной стороне [3, с. 62].

Кроме того, согласно положениям ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, отказ стороне защиты в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста для ответа на вопросы, составляющие сферу его профессиональной деятельности, невозможен. Исключение составляют случаи, предусматривающие отвод последнего от участия в деле.

Важно заметить, что по смыслу ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ с 2017 года защитник может оспорить отказ следователя в привлечении специалиста к участию в уголовном судопроизводстве. Однако исследователи отмечают, что уже на протяжении пяти лет введенная норма не привела к значительному снижению случаев на практике по отказам следователя и судов в удовлетворении ходатайств защитника [4, с. 18].

При отказе от приобщения заключения специалиста к материалам уголовного дела, непринятии его как допустимого доказательства или в случае его критической оценки в своих решениях следователи и суды, как отмечает Н. П. Ведищев, излагают следующие доводы:

- отсутствие в нормах уголовно-процессуального законодательства процедуры получения заключения специалиста;
- заключение специалиста является исключительно его суждением (частным мнением), а значит, не может рассматриваться в качестве доказательства;
- недопустимость заключения специалиста как доказательства обосновывается

тем, что специалист проводит исследование не по оригинальным документам, а по их копиям без проведения сравнительного анализа с материалами уголовного дела [5, с. 43].

В этом контексте имеет смысл привести разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, представленные им в двух основных своих постановлениях, касающихся привлечения защитником специалиста к участию последнего в производстве по уголовному делу, а также позиции Конституционного Суда Российской Федерации:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51¹. Так, согласно п. 16 данного постановления, исходя из ст. 58 и ч. 3 ст. 80 УПК РФ, специалист может участвовать в уголовном судопроизводстве с целью оказания содействия, в том числе стороне защиты и суду, в следующих процессуальных действиях: осмотр предметов и документов; использование технических средств; постановка вопросов эксперту; разъяснение вопросов, в которых он компетентен. И, как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, «никаких иных полномочий специалиста, в том числе по оценке экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований, этот Кодекс не предусматривает. Специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде (что отражается в протоколе судебного заседания), так и в виде заключения (которое приобщается к материалам дела)» (определение от 26 октября 2021 г. № 2177-О).

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28². Так, согласно п. 1 указанного постановления Пленума, если проведение экспертного исследования не требуется, то

¹ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации / URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26230/> (дата обращения: 04.03.2023).

² О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации / URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8226/> (дата обращения: 04.03.2023).

возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста в порядке, предусмотренном ч. 3 и ч. 4 ст. 80 УПК РФ. Также не препятствуют приобщению к материалам уголовного дела и использованию в процессе доказывания заключения специалиста, полученного в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ (п. 6 постановления Пленума).

Кроме того, ч. 3 ст. 80 УПК РФ «не препятствует стороне защиты с опорой на суждения, высказанные привлеченными ею специалистами для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, приводить суду доводы, опровергающие заключение судебной экспертизы, проведенной по постановлению следователя, обосновывать ходатайства о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы» (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 2177-О).

Исходя из того, что основой, объединяющей эксперта и специалиста, является наличие у них специальных познаний, в теории и на практике отсутствуют четкие основания для привлечения данных участников к производству по уголовному делу (за исключением случаев обязательного назначения экспертизы), что в свою очередь приводит к трудностям применения норм о заключении специалиста. Это усугубляется тем, что закон не содержит указаний на гарантии объективности, обоснованности и соблюдение прав сторон при составлении заключения специалиста (в отличие от гарантий при назначении и производстве экспертизы – ст. 198 УПК РФ), не определяет основания и порядок постановки вопросов перед специалистом.

В научной литературе существует точка зрения, что самостоятельное привлечение защитником специалиста для дачи заключения нарушает принцип состязательности и равноправия уголовного судопроизводства, поскольку деятельность специалиста происходит за пределами состязательного процесса, в связи с тем, что следователь лишен права сформулировать дополнительные

вопросы специалисту, ходатайствовать о его отводе [6, с. 71]. Одни ученые такое положение не относят к нарушению принципа состязательности и равноправия сторон, другие полагают, что полученные защитником сведения, включая и заключение специалиста, не могут ни при каких условиях приобрести значение доказательств, считая, что законодатель устанавливает двойной стандарт относительно допустимости доказательств – детально урегулированный к доказательствам, собираемым следственными органами и судом, и упрощенный – к собираемым защитником.

В то же время ряд авторов (например, А. А. Орлов [6, с. 70], Е. В. Кронов [7, с. 68]) высказываются о том, что самостоятельное правомерное получение защитником заключения специалиста способно усилить элемент состязательности. Высказывается также точка зрения о расширении рамок допустимости доказательств в случае их формирования лицами, не обладающими государственно-властными полномочиями, и прежде всего – стороной защиты.

В результате неурегулирования в УПК РФ деятельности специалиста и наличия большого числа вопросов судебная и следственная практика идет по единственно возможному в данной ситуации пути – отказу в рассмотрении заключения специалиста в качестве полноценного доказательства и последнее в большинстве случаев не используется при принятии решений по уголовным делам. Такое положение вещей осложняет не только получение показаний специалиста или его заключения, но и оценку этих видов доказательств.

Заключение специалиста, представленное защитником, как правило, отвергается по различным, чаще всего не соответствующим закону основаниям: «дает свое заключение в интересах той стороны, которая его привлекает»; «лицо не имеет лицензии на дачу заключения»; «получено не процессуальным путем»; «дано лишь его суждение по определенным вопросам»; «не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения» и т. д. По сути, на прак-

тике игнорируются нормативные предписания, закрепляющие право защитника собирать доказательства, в том числе посредством привлечения специалиста.

Несмотря на то, что нормы УПК РФ предусматривают возможность защитника привлекать специалиста к участию в уголовном процессе, законодатель не уточнил конкретную форму его привлечения. В то же время проводить допрос специалиста вправе только следователь, дознаватель или другое лицо, в ведении которого находится производство по уголовному делу.

2. Некоторые вопросы привлечения специалиста к участию в допросе (на примере судебной практики по экономическим преступлениям).

Как правило, допрос подозреваемого производится с участием защитника, закон определяет, в каких случаях это обязательно, однако, как свидетельствует анализ практики, следователи и дознаватели стремятся проводить допросы указанных лиц всегда с участием защитника, что обусловлено желанием обеспечить допустимость доказательства, поскольку в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ показания подозреваемого, данные в отсутствие защитника и впоследствии им неподтвержденные в суде, признаются недопустимым доказательством.

В ходе допроса подозреваемого надлежит выяснить все обстоятельства совершенного преступления, при этом следует учитывать, что данный участник уголовного процесса вправе не свидетельствовать против себя. Хотя с производством допроса подозреваемого по рассматриваемой нами категории преступлений торопиться не стоит, поскольку к нему необходимо тщательным образом готовиться, но все же откладывать производство данного следственного действия надолго не стоит. Необходимо учитывать, что не только лицо, производящее расследование, готовится к производству допроса подозреваемого, но и подозреваемый, в свою очередь, готовится к даче пока-

заний, обсуждая свою позицию с защитником [8, с. 755].

Так, например, по уголовному делу в отношении П. последний отрицал факт того, что он осуществляет предпринимательскую деятельность без регистрации, построив многоквартирный дом и реализовав в нем квартиры гражданам. По его версии, он не преследовал цель ведения предпринимательской деятельности, строил дом для себя, но в связи со сложным финансовым положением был вынужден продать доли в нем¹.

Нередко допрос подозреваемого по уголовным делам о незаконном предпринимательстве производится в конфликтной ситуации, когда подозреваемый всячески противодействует расследованию [9, с. 207]. При этом следует учитывать, что нередко подозреваемый в вопросах незаконного предпринимательства ориентируется гораздо лучше, чем лицо, производящее расследование, в связи с чем последнему следует обращаться за помощью специалиста, которая может заключаться как в непосредственном участии в допросе подозреваемого, так и в консультациях при подготовке к допросу. Целесообразным будет заранее подготовить доказательства вины данного лица в совершении преступления и предъявить их в ходе допроса, когда прогнозируется производство допроса подозреваемого в конфликтной ситуации (при отрицании им вины, даче ложных показаний).

3. Заключение и показания специалиста: проблема доказательственного значения.

Данный вид доказательств вызывает наибольшее количество вопросов. Несмотря на то, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве он появился достаточно давно, и в научном сообществе, и среди правоприменителей нет четкого понимания, в каких случаях достаточно заключения и показаний специалиста, а когда возникает необходимость производства судебной экспертизы. Как правило, по экономическим преступлениям специалисты

¹ Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 22 мая 2020 г. по делу № 1-1175/2020 // СудАкт: сайт / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WljNpJbthA19/> (дата обращения: 04.03.2023).

привлекаются для участия в следственных действиях, к примеру, для осмотра изъятой документации. За получением заключения специалиста производящие расследование лица обращаются достаточно редко, предпочитая назначать судебные экспертизы. В то же время получение показаний специалиста достаточно востребовано. Как правило, производя допрос специалиста, следователи и дознаватели получают сведения о требованиях к лицензированию предпринимательской деятельности, о том, какие нарушения были допущены по конкретному уголовному делу.

Нельзя обойти вниманием те проблемы, которые возникают при необходимости получения показаний специалиста по уголовным делам в целом, и по делам о незаконном предпринимательстве в частности. Полагаем, что следует выделить две основные проблемы.

Первая заключается в том, что в УПК РФ отсутствует отдельная норма, посредством которой были бы урегулированы вопросы, связанные с допросом специалиста, определялись бы основания, порядок производства данного следственного действия, его особенности. Подобный подход законодателя вызывает недоумение, поскольку допросу эксперта посвящены две отдельные нормы. Одна из них (ст. 205 УПК РФ) регламентирует специфику допроса эксперта в ходе предварительного расследования, а вторая (ст. 282 УПК РФ) регламентирует особенности производства допроса эксперта в суде. Как уже неоднократно было отмечено, эксперт и специалист имеют достаточно большое сходство, но при этом для них характерны и многочисленные различия. Поэтому опираться на положения, регламентирующие допрос эксперта, в то время, когда речь идет о следственном действии, нацеленном на получение показаний специалиста, абсолютно неверно.

Процессуальной регламентации допроса специалиста нет, в ч. 4 ст. 80 УПК РФ лишь содержится понятие показаний данного участника уголовного процесса.

Второй проблемой является отсутствие единого подхода к производству допроса

специалиста: некоторые следователи и дознаватели допрашивают его как свидетеля, другие – как эксперта, третьи – как специалиста, разрабатывая отдельный бланк. Вопросы фактического отождествления специалиста и свидетеля при производстве допроса – предмет достаточно большого количества научных трудов. К примеру, А. А. Тарасов считает, что в самом общем виде сведения и разъяснения, которые дает специалист в показаниях, – это показания сведущего свидетеля [10, с. 39].

Некоторое проблемы, связанные с получением такого доказательства, как показания специалиста, нами уже были рассмотрены, но существуют и иные. Следует обратить внимание и на тот факт, что при использовании знаний сведущих лиц необходима определенная осторожность и взвешенность. К примеру, по уголовным делам о хищениях и иных экономических преступлениях нередко следователи за разъяснением отдельных терминов, определенных аспектов финансовой документации, содержания операций обращаются к бухгалтерам, являющимся сотрудниками тех организаций, в которых совершено хищение, в то время как нельзя исключать возможность причастности таких лиц к совершенному преступлению, желание скрыть от следствия какие-либо факты, ввести следствие в заблуждение. В силу этого целесообразно обращаться за помощью к лицам, обладающим специальными знаниями, никоим образом не связанным с теми организациями, в которых совершено деяние, исключая таким образом возможную заинтересованность специалистов в исходе дела.

Проблема привлечения защитником специалиста к участию в уголовном судопроизводстве, в том числе и по экономическим преступлениям, обусловлена недостатками правовой регламентации. В нормах УПК РФ не указывается на обязательное вынесение определенного постановления о привлечении специалиста, в то же время по смыслу ст. 58 УПК РФ такой порядок должен быть установлен законодателем. Иными словами, в деятельности органов следствия и судов нет единого

пути решения этой проблемы, поэтому в некоторых субъектах Российской Федерации специалисты привлекаются к участию в уголовном процессе на основании соответствующего постановления следователя либо дознавателя, которое признает данное лицо в качестве специалиста с содержанием конкретных оснований такого привлечения и с отметкой о разъяснении этому специалисту о его правах и обязанностях [11, с. 71]. На наш взгляд, подобная практика может быть учтена законодателем. Помимо этого, думается, что закрепленное в ст. 58 УПК РФ определение специалиста не включает в себя возможность дачи специалистом заключения, хотя в силу п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания и заключение специалиста допускаются в качестве доказательства. В данном контексте мы поддерживаем предложение о необходимости внесения такого дополнения в ч. 1 ст. 58 УПК РФ [12, с. 89].

В случае, если эксперт дал заведомо ложное заключение и предал гласности сведения предварительного расследования, он несет уголовную ответственность в соответствии со ст. 307 и ст. 310 УК РФ.

Такое обстоятельство возвышает мнение эксперта в суде над мнением специалиста, потому что, если заключение специалиста оказывается ложным, для него ответственность законом не установлена. В этой связи некоторые авторы предлагают дополнить действующее законодательство, например, установив форму и структуру для заключения, данного специалистом; уточнив в законе, может ли заключение специалиста давать оценку заключению эксперта; процессуально закрепив процедуру привлечения специалиста защитником [13, с. 164].

Кроме того, существенно важным должно стать предоставление защитнику права на основании возмездного договора привлекать специалистов к изучению и сбору доказательств.

Выводы

Таким образом, выявлены следующие проблемы привлечения специалиста к участию в уголовном судопроизводстве:

1. Закон не содержит указаний на гарантии объективности, обоснованности и соблюдение прав сторон при составлении заключения специалиста (в отличие от гарантий при назначении и производстве экспертизы – ст. 198 УПК РФ), не определяет основания и порядок постановки вопросов перед специалистом. Из-за неурегулирования в УПК РФ деятельности специалиста и наличия большого числа вопросов судебная и следственная практика идет по единственно возможному в данной ситуации пути – отказу в рассмотрении заключения специалиста в качестве полноценного доказательства и последнее в большинстве случаев не используется при принятии решений по уголовным делам.

2. На практике игнорируются нормативные предписания, закрепляющие право защитника собирать доказательства, в том числе посредством привлечения специалиста. Самостоятельное правомерное получение защитником заключения специалиста способно усилить элемент состязательности. Считаем справедливой точку зрения о расширении рамок допустимости доказательств в случае их формирования лицами, не обладающими государственно-властными полномочиями, и прежде всего – стороной защиты.

3. Как правило, по категории экономических преступлений специалисты привлекаются для участия в следственных действиях, к примеру, для осмотра изъятой документации. За получением заключения специалиста производящие расследование лица обращаются достаточно редко, предпочитая назначать судебные экспертизы. Проблема привлечения защитником специалиста к участию в уголовном судопроизводстве, в том числе, и по экономическим преступлениям, обусловлена недостатками правовой регламентации. Закрепленное в ст. 58 УПК РФ определение специалиста не включает в себя возможность дачи специалистом заключения, хотя в силу п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания и заключение специалиста допускаются в качестве доказательства. В данном контексте мы поддерживаем предложение о необходимости внесения такого

дополнения в ч. 1 ст. 58 УПК РФ, а также в УПК РФ закрепить процедуру привлечения защитником специалиста к участию в уголовном процессе.

4. Кроме того, необходимо предоставить защитнику право на основании возмездного договора привлекать специалистов к изучению и сбору доказательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анешева А. Т. Ситуации получения заключения специалиста и показаний специалиста // *Общество и право*. 2022. № 4 (82). С. 26–30.
2. Буфетова М. Ш., Демешко И. В. Заключение специалиста как доказательство стороны защиты: актуальные проблемы теории и практики // *Адвокатская практика*. 2019. № 3. С. 3–6.
3. Давлетов А. А., Чарыков А. В. Верховный Суд РФ «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать специалиста в судебное следствие? // *Российский судья*. 2022. № 1. С. 60–64.
4. Россинский С. Б., Расулова Н. С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. Право. 2022. № 2 (34). С. 15–20.
5. Ведищев Н. П. Участие специалиста в рассмотрении уголовного дела. Что учесть защитнику // *Уголовный процесс*. 2021. № 5(197). С. 41–49.
6. Орлов А. А. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в уголовном процессе // *Вестник. Государство и право*. 2022. № 1(32). С. 69–73.
7. Кронов Е. В. Заключение специалиста в деятельности защитника // *Адвокат*. 2009. № 11. С. 64–73.
8. Карсанов Р. Э. Некоторые проблемы подготовки следователя к допросу подозреваемого и обвиняемого // *Научный аспект*. 2021. Т. 7. № 2. С. 755–758.
9. Рычкалова Л. А. Проблемы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого // *Общество и право*. 2014. № 4 (50). С. 205–211.
10. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе: монография. Москва, 2017. 125 с.
11. Григорьев В. П. Особенности привлечения специалиста к участию в следственных действиях // *Вестник Владимирского государственного университета*. 2015. № 6. С. 71–76.
12. Стукалин И. В. К вопросу об отдельных правах и обязанностях специалиста и эксперта // *Сборник материалов криминалистических чтений*. 2018. № 15. С. 88–89.
13. Перехожева Е. С. Отграничение компетенций эксперта от деятельности иных участников уголовного процесса по уровню решения экспертных задач // *Символ науки*. 2020. № 5. С. 162–165.

REFERENCES

1. Anesheva A. T. Situations of obtaining the opinion of a specialist and testimony of a specialist // *Society and Law*. 2022. No. 4 (82). P. 26–30. (In Russ.)
2. Bufetova M. Sh., Demeshko I. V. The conclusion of a specialist as evidence of the defense: urgent problems of theory and practice // *Law practice*. 2019. No. 3. P. 3–6. (In Russ.)
3. Davletov A. A., Charykov A. V. Does the Supreme Court of the Russian Federation “curtail” the right of a defense lawyer to involve a specialist in a judicial investigation? // *Russian judge*. 2022. No. 1. P. 60–64. (In Russ.)
4. Rossinsky S. B., Rasulova N. S. Expert opinion and expert opinion as a means of proof in criminal proceedings: what are the criteria for their differentiation? // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Law. 2022. No. 2 (34). pp. 15–20. (In Russ.)
5. Vedishchev N. P. Participation of a specialist in the consideration of a criminal case. What the defender should consider // *Criminal procedure*. 2021. No. 5(197). P. 41–49. (In Russ.)
6. Orlov A. A. Conclusions and testimony of an expert and a specialist as evidence in the criminal process // *Bulletin. State and law*. 2022. No. 1(32). P. 69–73. (In Russ.)
7. Kronov E. V. Conclusion of a specialist in the activities of a defender // *Lawyer*. 2009. No. 11. P. 64–73. (In Russ.)
8. Karsanov R. E. Some problems of preparing the investigator for the interrogation of the suspect and the accused // *Scientific aspect*. 2021. V. 7. No. 2. P. 755–758. (In Russ.)

9. Rychkalova L. A. Problems of tactics of interrogation of the suspect and the accused // Society and law. 2014. No. 4 (50). P. 205–211. (In Russ.)
10. Tarasov A. A. Expert and specialist in criminal proceedings: monograph. Moscow, 2017. 125 p. (In Russ.)
11. Grigoriev V.P. Features of attracting a specialist to participate in investigative actions // Bulletin of Vladimir State University. 2015. No. 6. P. 71–76. (In Russ.)
12. Stukalin I. V. On the issue of individual rights and obligations of a specialist and an expert // Collection of materials of forensic readings. 2018. No. 15. P. 88–89. (In Russ.)
13. Perekhozheva E. S. Delimitation of the expert's competences from the activities of other participants in the criminal procedure according to the level of solving expert tasks // Symbol of Science. 2020. No. 5. P. 162–165. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ежова Е. В., кандидат юридических наук, доцент;
Акбаров И. И., магистрант.

Information about the authors:

Ezhova E. V., Candidate of Law, Associate Professor;
Akbarov I. I., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО
НА ВОЗРАЖЕНИЕ ПРОТИВ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ИЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ****Юлия Владимировна Ендольцева**Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,
Москва, Россия, sivellinn@gmail.com

Аннотация. В статье дается анализ законопроектов, касающихся вопросов обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования, разработанных в связи с исполнением решений Конституционного Суда Российской Федерации. Высказаны некоторые замечания и соображения по поводу внесения предлагаемых изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, возражение против прекращения, обеспечение прав.

Для цитирования: Ендольцева Ю. В. Обеспечение права подозреваемого или обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 88–96.

Original article

**ENSURING THE RIGHT OF THE SUSPECT OR ACCUSED
TO OBJECT TO THE TERMINATION
OF THE CRIMINAL CASE OR PROSECUTION****Yulia V. Endoltseva**All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, sivellinn@gmail.com

Abstract. The article provides an analysis of draft laws relating to the right of a suspect or accused to object to the termination of the criminal case or criminal prosecution developed in connection with the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Some comments and observations have been made on the proposed amendments to the current criminal procedure legislation.

Keywords: termination of the criminal case, termination of criminal proceedings, objection to termination, safeguarding of rights.

For citation: Endoltseva Yu. V. // Ensuring the right of the suspect or accused to object to the termination of the criminal case or prosecution // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No 2 (100). P. 88–96.

В целях реализации назначения уголовного судопроизводства одной из обязанностей должностных лиц, принимающих решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, является надлежащее обеспечение прав и законных интересов участников уголовного производства. В связи с этим одним из важных вопросов,

волнующих обе стороны процесса, является право подозреваемого/обвиняемого на возражение против прекращения уголовного производства, если оно происходит по «нереабилитирующим» основаниям.

Казалось бы, названные участники должны приветствовать такое решение, но напрашивается вопрос: «Всегда ли подо-

зреваемый или обвиняемый заинтересован именно в прекращении дела?». Логично предположить, что если дело (либо преследование) прекращается по основаниям, влекущим право на реабилитацию, то это, несомненно, так. А что если прекращение производства намечается по так называемым «нереабилитирующим» основаниям?

Отвечая на поставленный вопрос, следует отметить, что прекращение уголовного дела, как и прекращение уголовного преследования, влечет за собой определенные негативные последствия для лица, в отношении которого принимается такое решение [1, с. 4]. Помимо очевидного – невозможности восстановления своего доброго имени, возмещения имущественных лишений, предусмотренных статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) как имущественный вред, причиненный незаконным уголовным преследованием, восстановления иных прав лица (трудовых, пенсионных, жилищных и т. д.) в порядке реабилитации, существуют и другие последствия принятия рассматриваемого решения, которые могут также являться негативными для человека.

С недавнего времени, к примеру, сюда относится взыскание процессуальных издержек с таких лиц (если уголовное дело или уголовное преследование прекраще-

но по основаниям, не дающим им права на реабилитацию). Данные изменения были внесены в часть 1 статьи 132 УПК РФ Федеральным законом от 30 апреля 2021 г. № 111-ФЗ¹ во исполнение постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П² и 28 апреля 2020 г. № 21-П³ и уже имеют определенную критику среди авторов [2, с. 63–64].

Для надлежащего обеспечения прав и интересов лиц, в отношении которых уголовное дело или уголовное преследование прекращается по «нереабилитирующим» основаниям, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 судам рекомендуется до получения согласия на прекращение уголовного дела разъяснять лицу «юридические последствия принятия судебного решения о прекращении уголовного дела, в том числе возможность конфискации принадлежащего ему имущества, признанного вещественным доказательством и предъявления к нему гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением»⁴.

Как писали доктор юридических наук А. Е. Федюнин и кандидат юридических наук Н. М. Перетяцько, «отдельного внимания требует и политика усиления правовых гарантий подозреваемого (обвиняемого). В настоящее время необходимой и достаточ-

¹ О внесении изменений в статью 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 111-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).

² По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).

³ По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Музыки: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2020 г. № 21-П // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).

⁴ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 16.03.2023).

ной гарантией называют его добровольное согласие» [2, с. 62].

Закрепленная в части 2 статьи 27 УПК РФ возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, не дающим права на реабилитацию, только в том случае, если подозреваемый и обвиняемый против этого не возражают, есть одна из основных гарантий реализации законного интереса подозреваемого и обвиняемого в исходе производства по уголовному делу и тех последствиях, которые могут наступить в связи с принятием того или иного процессуального решения. В связи с этим у подозреваемого и обвиняемого возникает право на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а у следователя и дознавателя, в свою очередь, обязанность получения согласия у обвиняемого на принятие такого решения. Причем часть 3 статьи 213 УПК РФ предписывает, что оно должно быть отражено в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Однако в этой норме, в отличие от части 2 статьи 27 УПК РФ, не указан подозреваемый. В связи с чем было бы корректным дополнить часть 3 статьи 213 УПК РФ соответствующим положением.

Обязанность получения согласия на прекращение уголовного дела или уголовного преследования связана, по нашему мнению, с реализацией как принципа презумпции невиновности, так и принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Как указывает доктор юридических наук, профессор А. В. Ендольцева, «несогласие с прекращением уголовного дела или уголовного преследования по «нерабилитирующим» основаниям свидетельствует о том, что данный человек желает реализовать конституционное право на судебную защиту своих прав и свобод посредством рассмо-

трения и разрешения уголовного дела судом и, при наличии к тому оснований, рассчитывает на оправдание» [3, с. 12].

На практике с обеспечением права подозреваемого и обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования возникает ряд проблем. Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел в 2022 году сразу две жалобы о несоответствии норм УК РФ и УПК РФ положениям Конституции Российской Федерации в части прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Одна из них – это жалоба гражданина Новкунского, суть которой заключалась в том, что следователь прекратил в отношении этого гражданина уголовное дело в связи с истечением срока давности по его согласию, однако постановление следователя было отменено руководителем следственного органа. Аналогичные постановления следователя о прекращении того же дела, вынесенные впоследствии, также были отменены тем же должностным лицом. Однако постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности было следователем вынесено вновь, но уже сам Новкунский обжаловал его в суде в порядке статьи 125 УПК РФ. Он был не согласен с прекращением дела по названному основанию, указав, что оговорил себя в совершении преступления в связи с желанием прекратить в отношении себя какие-либо действия со стороны сотрудников следственного комитета и полиции¹. В удовлетворении жалобы судом ему было отказано, как и отказано в удовлетворении жалоб во всех последующих инстанциях.

В итоге в своем постановлении от 19 мая 2022 г. № 20-П Конституционный Суд Российской Федерации принял решение о признании пункта 3 части первой статьи

¹ По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2022 г. № 20-П // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).

24 и части второй статьи 27 УПК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют следователю без согласия (при наличии возражения) подозреваемого, обвиняемого вынести постановление о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности после того, как вынесенное ранее с согласия подозреваемого, обвиняемого постановление о прекращении уголовного преследования по данному основанию было отменено, при том что сам подозреваемый, обвиняемый не инициировал отмену такого постановления либо инициировал, но новое постановление о прекращении уголовного преследования в связи с установлением в результате возобновления производства по делу новых имеющих юридическое значение обстоятельств фактически ухудшало бы его положение по сравнению с отмененными, и указал Федеральному законодателю внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения¹, вытекающие из его постановления.

В связи с этим в марте 2023 года Президентом Российской Федерации подписан законопроект № 232774-8², которым предлагается дополнить статью 27 УПК РФ частью второй с примечанием 1, где будет идти речь о том, что повторное прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности, примирением сторон, назначением судебного штрафа, деятельным раскаянием и возмещением ущерба, после отмены постановления о прекращении уголовного преследования по данным основаниям не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает.

То есть в данном случае на следователя или дознавателя налагается обязанность получения согласия у подозреваемого и обвиняемого даже при повторном вынесении постановления о прекращении уголовного дела, прекращении уголовного преследования по «нереабилитующим» основаниям.

Думается, выявленный «пробел» законодательства по рассмотренному вопросу можно назвать надуманным, поскольку, как бы это не было грубо сказано, необходимость его устранения возникла только в связи с порочной практикой должностных лиц правоохранительных органов, желающих облегчить себе жизнь своеобразным субъективным толкованием закона, что вполне может быть объяснимо загруженностью и желанием упрощения порядка судопроизводства, зачастую негативно влияющим на надлежащее обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Если обратиться к части 2 статьи 27 УПК РФ, то можно увидеть, что в ней не идет речь о первом или повторном прекращении уголовного преследования. Также как при первом, так и при повторном прекращении уголовного дела или уголовного преследования должностным лицам органов предварительного расследования необходимо руководствоваться главой 29 УПК РФ, где четко сформулировано правило, что в случае прекращения уголовного дела или уголовного преследования только с согласия обвиняемого, необходимо его согласие отображать в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. При этом логично предположить, что речь идет о каждом постановлении, независимо от его порядковой последовательности.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2022 г. № 20-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).

² Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232774-8> (дата обращения: 26.03.2023).

Однако если практика пошла по самому легкому и, на наш взгляд, противоречащему действующему закону пути, считаем, что предложенное Конституционным Судом Российской Федерации толкование и соответствующее изменение УПК РФ вполне может устранить так называемый законодательный «пробел». Однако неясно, насколько было нужным данное изменение, недостаточно ли было бы отразить это положение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Хотя следует учитывать, что согласно официальной статистике только прокурорами в 2021 году отменено 23 298 постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), в 2020 году – 22 652, в 2019 году – 26 156 и в 2018 году – 26 637 постановлений¹, что более 20 % направленных им для проверки постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). В связи с этим рассматриваемая проблема действительно имеет место быть, и законодательные предписания следователям и дознавателям вполне уместны.

Еще одну проблему в обеспечении права подозреваемого и обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования Конституционный Суд Российской Федерации выявил при рассмотрении жалобы гражданина Рудникова. По мнению заявителя, которое поддержали судьи Конституционного Суда Российской Федерации, закон позволяет правоохранительным органам после истечения срока давности осуществлять уголовное преследование, если обвиняемый возражал против прекращения уголовного дела по данному основанию, неопределенно долго,

продлевая без ограничений срок предварительного следствия.

Рассмотрев данную ситуацию, суд в своем постановлении от 18 июля 2022 г. № 33-П указал, что часть вторая статьи 27 УПК РФ и пункт «в» части первой статьи 78 УК РФ признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации «в той мере, в какой они – допуская в своей взаимосвязи, что продолжение уголовного преследования после истечения на досудебной стадии уголовного судопроизводства срока давности привлечения к уголовной ответственности, в том числе за тяжкое преступление, в случае, если подозреваемый или обвиняемый возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного преследования по данному нереабилитирующему основанию, – не гарантируют достижения в разумные сроки определенности правового положения такого лица применительно к подозрению или обвинению в совершении преступления»².

В связи с этим в январе 2023 года в Государственную Думу был внесен законопроект № 285563-8, в котором предложено дополнить статью 27 УПК РФ частью второй с примечанием 1 следующего содержания:

«2.1. Если производство по уголовному делу продолжено в обычном порядке в связи с наличием возражений подозреваемого или обвиняемого против прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности по основанию, указанному в пункте 3 части первой статьи 24 настоящего Кодекса, и уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию в порядке, установленном настоящим

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и о показателях преступности в России: официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 26.03.2023).

² По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2022 г. № 33-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 16.03.2023).

Кодексом, то уголовное преследование подлежит прекращению в связи с непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления по основанию, предусмотренному пунктом 1 части первой настоящей статьи, по истечении 2 месяцев производства предварительного расследования с момента истечения сроков давности уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, 3 месяцев – в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, 12 месяцев – в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления»¹.

В марте 2023 года должно состояться рассмотрение данного законопроекта Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении. Проведем анализ предлагаемых в данном законопроекте изменений. На первый взгляд, такие положения выглядят неплохо, поскольку целью является обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых. С одной стороны, данные положения можно воспринять как дополнительную гарантию реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Они могут стать стимулом для ускорения расследования преступлений после истечения сроков давности (если должностные лица расследование необоснованно затягивали), так как для следователей и дознавателей явным минусом будет прекращение уголовного дела по основанию, порождающему право на реабилитацию. Более того, как пишет Н. Н. Гаас, «ни для кого не секрет, что прекращение уголовного дела, будь то реабилитирующее или нереабилитирующее решение, является отрицательным показателем деятельности органов предварительного расследования» [4, с. 108].

С другой стороны, для самих подозреваемых и обвиняемых это новшество гаранти-

рует то, что возможность привлечения их к уголовной ответственности не будет преследовать их «вечно», и если в установленные законом сроки должностные лица не смогут собрать достаточных доказательств их причастности или виновности к совершению преступления, то уголовное дело будет прекращено, и они получают право на реабилитацию в установленном законом порядке. На этом, в принципе, и основан институт давности, который предполагает, что привлечение к уголовной ответственности должно осуществляться в установленные законом сроки.

Однако у нас возникает ряд вопросов. Почему сроки, которые указаны в законопроекте, должны быть именно такими? И почему моментом начала их исчисления является истечение срока давности?

Напомним, что в настоящее время УПК РФ не закрепляет каких-либо предельных сроков допустимого расследования такого уголовного дела. Однако закрепляет сами сроки предварительного расследования как в форме предварительного следствия, указанные в статье 162 УПК РФ, так и в форме дознания (статьи 223 и 226⁶ УПК РФ). И даже, если говорить о том, что окончательный срок предварительного следствия (в отличие от дознания) УПК РФ не установлен, никто не отменял положения статьи 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», которыми запрещается превышать разумные сроки осуществления уголовного процесса.

Более того, в части пятой статьи 162 УПК РФ ясно сказано, что продлить срок предварительного следствия с 3 до 12 месяцев может только руководитель следственного органа по субъекту Российской Федерации и иной приравненный к нему руководитель следственного органа, а свыше 12 месяцев – только в исключительных случаях Председатель Следственного комитета Российской Федерации и иное приравненное к нему должност-

¹ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/285563-8> (дата обращения: 26.03.2023).

ное лицо соответствующего государственного органа. Подобные правила установлены и для дознания: продлить срок для производства по уголовному делу может лишь прокурор, а установить срок свыше 6 месяцев до 12 месяцев возможно лишь в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи. В связи с этим не нужно забывать, что за сроками предварительного расследования установлен жесткий процессуальный контроль руководителями следственных органов и прокурорами, и за любое нецелесообразное продление сроков должностные лица привлекаются к дисциплинарной ответственности.

Теперь еще раз о сроках, указанных в анализируемом законопроекте. Уголовное преследование прекращается по истечении 2 месяцев по преступлениям небольшой тяжести, 3 месяцев – средней тяжести, 12 месяцев – тяжким или особо тяжким преступлениям. Уточним еще раз вопросы. Почему именно такие сроки? Как они соотносятся со сроками предварительного расследования?

Общий срок предварительного следствия для преступлений любых категорий обозначен до 2-х месяцев, продлить его можно до 3-х, а потом до 12-ти месяцев по особо сложным делам, а свыше 12-ти в исключительных случаях. В дознании итого меньше – до 30 суток, еще на 30 суток (это, кстати, может быть меньше чем 2 месяца), до 6-ти месяцев, до 12-ти месяцев (как уже было сказано, в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи). Нам неясно, зачем принимать «ограничители» для определенных уголовных дел, когда общие сроки и так установлены, и в определенных случаях они жестче, чем предлагаемые. Может быть, будет достаточно усилить процессуальный контроль и прокурорский надзор за надлежащим качеством расследования, а недобросовестных должностных лиц привлекать к ответственности более строго? Ведь если законом сроки уже были установлены, а должностные лица при отказе подозреваемого и обвиняемого от прекращения уголовного дела

бездействуют в сборе доказательств, имеющих значение для уголовного дела, откладывая такое дело «в сторонку», то тут возникают вопросы не к нормам закона, а к данным должностным лицам. В таких случаях необходимо привлекать их к ответственности.

В законопроекте моментом начала исчисления сроков предложено считать момент истечения сроков давности уголовного преследования. Что понимать под таким моментом? Чем он установлен? Каким процессуальным документом? Более того, момент получения согласия подозреваемого и обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования или его официального отказа от этого может не совпадать с моментом истечения срока давности. Или авторы законопроекта эти моменты отождествляют? А как сроки, предложенные в законопроекте, будут исчисляться, если первоначальное постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования будет отменено руководителем следственного органа, прокурором или судом? Здесь вопросов больше, чем ответов, и в пояснительной записке к законопроекту этих ответов не наблюдается.

Если буквально толковать действующий закон, то основные действия по прекращению уголовного дела или уголовного преследования по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в том числе в связи с исчислением срока давности, должны выглядеть так:

1. Установив основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования, следователь/дознаватель получает согласие на прекращение производства у подозреваемого или обвиняемого или его отказ.

2. Если получено согласие, то уголовное дело или уголовное преследование подлежит прекращению. Составляется соответствующее постановление, в котором отражается факт получения согласия.

3. Если получен отказ, то дело расследуется по тем правилам (в том числе касаясь сроков), по которым расследование проходило до истечения срока давности. В таком случае:

3.1. Следователь или дознаватель продолжают производить следственные и иные процессуальные действия для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

3.2. Если в установленные законом сроки достаточных доказательств для направления уголовного дела в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом или постановлением) собрано не было, то дело или уголовное преследование подлежит прекращению по «реабилитирующему» основанию (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Если совокупность собранных доказательств оценивается следователем/дознавателем как достаточная, то принимается решение о направлении уголовного дела в суд.

3.3. Судья на стадии подготовки к судебному заседанию, получив уголовное дело, по которому истек срок давности, испрашивает согласие обвиняемого на его прекращение. Если оно получено, уголовное дело прекращается, если нет, то судья назначает судебное заседание, рассматривает уголовное дело в общем порядке.

3.4. Суд по результатам оценки исследованных в судебном следствии доказательств может вынести любое итоговое решение. Если суд признает подсудимого виновным, то в соответствии с частью 8 статьи 302 УПК РФ суд выносит обвинительный приговор с освобождением его от наказания.

Как нам представляется, авторы законопроекта в целях исполнения вышеназванного решения Конституционного Суда Российской Федерации своими нововведениями хотят прийти к тому же результату. А если действующие положения закона и так предусматривают возможность достижения того же результата, тогда зачем нововведения вообще нужны? Может быть, не нужно перегружать закон новыми нормами, тем более, когда они предлагаются в достаточно «сыром» виде.

Проблемы в данном случае возникают не из-за недостаточного правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений или пробела в законодательстве, а по причине недобросовестных

действий или бездействия конкретных должностных лиц. А для того, чтобы привести практику к единообразию, устранить коллизии толкования правовых норм, достаточно обозначить эти вопросы в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, на рекомендации которых ориентируются все правоприменители, а также в ведомственных нормативных актах, позволяющих усилить контроль за деятельностью следователей и дознавателей со стороны соответствующих руководителей, а также в приказах Генпрокурора России.

Поскольку ответов на поставленные вопросы пока не имеется, можно прогнозировать определенные проблемы, связанные с реализацией анализируемых выше предложений.

Итак, проблема обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования в современный период стоит все еще остро. Конституционный Суд Российской Федерации, делая попытки по приведению действий должностных лиц к надлежащему обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса, обязывает законодателя менять нормативно-правовые акты в соответствии со своей официальной позицией на проблемные вопросы. И, к примеру, как писал Н. А. Богданович в своей научной статье «необходимость совершенствования законодательного отражения обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, неоднократно обсуждалась в научной литературе» [5, с. 55]. Однако, как мы видим, не всегда есть необходимость менять именно нормы права, иногда достаточно изменить отношение правоприменителя к их толкованию. А для этого в определенных случаях достаточно издания подзаконных актов или их дополнения, а также усиления ведомственного и прокурорского влияния на должностных лиц, которым государство и общество даровало право власти и обязанность ее добросовестного осуществления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградова О. Б. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
2. Федюнин А. Е., Перетьяко Н. М. Современные тенденции правовой политики в области реформирования института прекращения уголовного дела // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 59–67.
3. Ендольцева А. В. Обеспечение прав человека при прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 11–17.
4. Гаас Н. Н. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в стадии предварительного расследования: эффективность дискреционного подхода // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 107–112.
5. Богданович Н. А. О необходимости совершенствования законодательного отражения материально-правовых обстоятельств прекращения производства по уголовному делу // Право.by. 2020. № 5 (67). С. 55–59.

REFERENCES

1. Vinogradova O. B. Termination of a criminal case on non-rehabilitating grounds: abstract dis. ... cand. legal sciences. M., 2003. (In Russ.)
2. Fedyunin A. E, Peretyatko N. M. Modern trends in legal policy in the field of reform of the institution of criminal termination // Legal policy and legal life. 2022. No 1. P. 59–67. (In Russ.)
3. Endoltseva A. V. Ensuring human rights at termination of criminal case and (or) criminal prosecution // Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No 3. P. 11–17. (In Russ.)
4. Gaas N. N. Termination of the criminal case in connection with the conciliation of the parties in the preliminary investigation stage: effectiveness of the discretionary approach // Altai Legal Gazette. 2021. No 2 (34). P. 107–112. (In Russ.)
5. Bogdanovich N. A. On the need to improve the legislative reflection of the substantive circumstances of the termination of the criminal proceedings // Law.by. 2020. No 5 (67). P. 55–59. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ендольцева Ю. В., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Endoltseva Yu. V., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 29.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 29.03.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 343.1

ОБ ОСНОВАНИЯХ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ТРЕТЬИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Мария Денисовна Денисова

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
Орел, Россия, mari_denisova_2019@mail.ru

Аннотация. Автором в данной статье анализируются проблемные аспекты относительно оснований наложения ареста на имущество лиц, указанных в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, с учетом нормативной регламентации, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также имеющейся на территории нашего государства следственной и судебной практики. Рассматриваются точки зрения ученых-процессуалистов относительно заявленной проблематики. Высказываются предложения, направленные на совершенствование толкования норм уголовно – процессуального закона, регламентирующих применение рассматриваемой меры процессуального принуждения. В части, касающейся применения наложения ареста на имущество к лицам, указанным в ч. 3 ст. 115 УПК РФ, автором выделяется ряд условий, совокупность которых необходима для применения норм ст. 115 УПК РФ к категории иных лиц. Автор, опираясь на научную литературу, а также имеющуюся судебную практику, конкретизировал понятие «достаточные основания» применительно к категории иных лиц. Также в статье акцентировано внимание на целях применения наложения ареста на имущество применительно к иным лицам.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество; основания наложения ареста на имущество; иные лица, имущество которых может подлежать аресту; достаточные основания; конституционные права граждан; совокупность доказательств.

Для цитирования: Денисова М. Д. Об основаниях наложения ареста на имущество третьих лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 97–103.

Original article

ON THE GROUNDS FOR THE SEIZURE OF PROPERTY OF THIRD PARTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Maria D. Denisova

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia, mari_denisova_2019@mail.ru

Abstract. In this article the author analyzes problematic aspects concerning the grounds for the seizure of property of persons specified in Part 3 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in view of the normative regulation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as investigative and judicial practice, available in our state. The points of view of procedure law scientists (processualists) concerning the stated problematics are considered. Proposals aimed at improving the interpretation of norms of criminal and procedural law, regulating the application of the considered measure of procedural coercion, are made. In part concerning the application of the seizure of property to persons specified in Part 3 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the author singles out a number of conditions the totality of which is necessary for the application of the norms of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to the category of other persons. The author, relying on scientific literature, as well as available judicial practice, has specified the concept of “sufficient grounds” in

© Денисова М. Д., 2023

relation to the category of other persons. Also, the article focuses on the purposes of application of the seizure of property in relation to other persons.

Keywords: seizure of property; grounds for seizure of property; other persons whose property may be subject to seizure; sufficient grounds; constitutional rights of citizens, body of evidence.

For citation: Denisova M. D. On the grounds for the seizure of property of third parties in criminal proceedings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No 2 (100). P. 97–103.

В процесс расследования уголовных дел часто бывают вовлечены лица, не выступающие в качестве подозреваемых, обвиняемых, но конституционные права которых подвергаются существенным ограничениям, в том числе посредством наложения ареста на принадлежащее им имущество.

Применение наложения ареста на имущество к лицам, не являющимся подозреваемыми, обвиняемыми, либо лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (далее по тексту – иные лица), имеет свою правовую регламентацию в норме ч. 3 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ). Упомянутая норма законодателем неоднократно подвергалась коррективам, следовательно, имеет достаточную правовую регламентацию, и каких-либо пробелов не должно быть. Однако до настоящего времени остается неразрешенным вопрос относительно оснований применения наложения ареста на имущество к иным лицам, что в свою очередь порождает неоднозначность и противоречивость правоприменительной практики.

Так, обратившись к данной норме, мы видим, что законодатель при формулировке оснований применения рассматриваемой меры процессуального принуждения к интересующей нас категории граждан не конкретизирует их, а использует распространенное выражение: «если есть достаточные основания полагать...».

В этой связи напрашивается вопрос: «Что следует понимать под достаточными основаниями?». В данной ситуации понятие достаточности является оценочным, и следователь либо дознаватель, относя то или иное основание к достаточному, будет руководствоваться исключительно своими личными убеждениями.

К примеру, С. О. Махтюк придерживается точки зрения, что основание есть наличие достаточных для принятия решения данных, т.е. проанализированные данные, достаточность которых установлена по результатам этого анализа².

Интерпретируя ч. 3 ст. 115 УПК РФ, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П обращает внимание, что относительно имущества, подпадающего под арест, должны быть достаточные, подтвержденные доказательствами основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования преступной деятельности³.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что под достаточными основаниями в уголовном судопроизводстве применительно к институту наложения ареста на имущество третьих лиц следует понимать подтвержденную различного рода

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

² Махтюк С. О. К вопросу о достаточности доказательств, оснований и данных в уголовном процессе // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 25-П от 21 октября 2014 г. «по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

доказательствами «преступную природу» происхождения имущества.

Анализируя правоприменительную практику, мы приходим к выводу, что для обоснования необходимости избрания данной меры процессуального принуждения следователи и дознаватели собирают совокупность доказательств, отражающих обстоятельства преступной деятельности подозреваемого, обвиняемого, а также подтверждающих, что подозреваемым, обвиняемым именно это имущество, добытое преступным путем, было передано иному лицу.

Например, постановлением одного из судов г. Москвы был наложен арест на денежные средства, находящиеся на расчетном счете жены лица, привлекаемого к ответственности в рамках расследования уголовного дела, которому было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ. Правоприменитель, обратившийся в суд с ходатайством, обосновал целесообразность применения ареста на имущество супруги тем, что в процессе производства предварительного расследования было установлено: в период с 2015 по 2022 год оборот денежных средств на расчетных счетах супруги обвиняемого составил 37 514 286,62 руб. В ходе предварительного следствия были получены сведения, согласно которым супруга обвиняемого официально трудоустроена не была, легальных источников дохода не имела, в связи с этим следствие пришло к выводу, что денежные средства, находящиеся на расчетных счетах, были получены в результате преступной деятельности ее супруга¹. В данном случае следователем получены достаточные доказательства, свидетельствующие о преступном происхождении денежных средств на расчетных счетах супруги обвиняемого.

Однако правоприменительная практика не исключает ситуации, когда следователь, дознаватель, не удостоверившись в преступ-

ном происхождении имущества, не получив об этом достаточных доказательств, накладывает на него арест в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Так, в качестве подтверждения заявленного довода рассмотрим Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда, которым было изменено постановление Промышленного районного суда Ставропольского края, а именно исключен один из объектов, подвергнутый аресту. Следователем перед судом было возбуждено ходатайство о наложении ареста на имущество, принадлежащее супругу обвиняемой, посчитав, что оно приобретено на похищенные денежные средства. Суд заявленное ходатайство удовлетворил. Однако судом не принят во внимание тот факт, что один из объектов недвижимости, а именно четырехкомнатная квартира была приобретена за 2 года до совершения преступлений обвиняемой. Данное обстоятельство послужило суду апелляционной инстанции основанием для исключения квартиры из перечня имущества, подвергнутого аресту². Приведенный пример свидетельствует о поверхностном отношении следователя к сбору доказательств, подтверждающих преступность происхождения имущества, подвергаемого аресту.

В. В. Мурылева-Казак, исследовав проблему доказывания преступного происхождения имущества при рассмотрении вопроса об его аресте, выяснила, что 24 % решений о наложении ареста на имущество иных лиц были отменены вышестоящими судами вследствие ненадлежащей проверки фактов и доказательств, подтверждающих преступность происхождения имущества. В связи с этим автор выделяет ряд условий, совокупность которых необходима для наложения ареста на имущество лица по основаниям, предусмотренным ч. 3 ст. 115 УПК РФ [1].

По нашему мнению, констатировать преступный характер происхождения имуще-

¹ Постановление Никулинского районного суда г. Москвы по делу № 3_6-0306-2022 от 1 сентября 2022 г. // URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 20.01.2023).

² Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22К-1391/2015 К-1391/2015 от 15 сентября 2014 г. по делу № 22К-1391/2015 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.01.2023).

ства, находящегося у третьих лиц, возможно при установлении ряда обстоятельств, к которым следует относить:

1) в ходе предварительного следствия по уголовному делу должен быть установлен подозреваемый, обвиняемый, который в свою очередь передал имущество иному лицу;

2) преступность действий подозреваемого, обвиняемого, в результате которых им было получено представляющее следственный интерес имущество, должна подтверждаться совокупностью собранных доказательств по уголовному делу;

3) действия иного лица, в результате которых было получено имущество, должны быть законными (например, покупка, получение в дар и т. д.), иначе данное лицо само должно быть привлечено в качестве обвиняемого, подозреваемого, а имущество – подлежать аресту по правилам ч. 1 ст. 115 УПК РФ.

Обязательное установление преступного характера происхождения имущества лиц, подлежащего аресту в порядке ч. 3 ст. 115 УПК РФ, обусловлено целями, которые определены законом для данной меры процессуального принуждения, если она применяется не в отношении обвиняемого или подозреваемого, а иных лиц.

В отличие от общих целей наложения ареста на имущество, указанных в ч. 1 ст. 115 УПК РФ (обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 Уголовного кодек-

са Российской Федерации¹ (далее – УК РФ)), в отношении лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, цели данной меры в ч. 3 специально не установлены. Однако, толкуя данную норму в постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П, Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание, что наложение ареста на имущество указанных лиц допускается лишь с целью обеспечения предполагаемой конфискации имущества или сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по данному уголовному делу². Аналогичную трактовку целей данной меры представляет и Верховный Суд Российской Федерации³.

Говоря о такой цели наложения ареста на имущество иных лиц, как «обеспечение приговора в части возможной конфискации имущества», отметим, что ч. 3 ст. 104.1 УК РФ в качестве обязательного основания применения конфискации имущества выделяет доказанную осведомленность иного лица о преступном происхождении имущества. Также немаловажным является и тот факт, что наложение ареста на имущество для обеспечения конфискации допускается только тогда, когда совершенное деяние входит в перечень деяний, предусмотренных ст. 104.1 УК РФ. Однако судебная практика складывается иначе, например, Вторым кассационным судом общей юрисдикции принято решение об отмене решения нижестоящего суда о наложении ареста на имущество иных лиц. Басманский районный суд г. Мо-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 25 июня.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 25-П от 21 октября 2014 г. «по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйслена» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

³ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 марта 2019 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

сквы наложил арест на имущество, принадлежащее иному лицу с целью обеспечения исполнения приговора в части взыскания штрафа, а также возможной конфискации имущества, указанного в ч.1 ст. 104.1 УК РФ. Данное решение было отменено, поскольку сумма арестованного имущества оказалась несоразмерной сумме причиненного ущерба. Однако, отменяя решение нижестоящего суда, кассационный суд не оставил без внимания и тот факт, что одной из целей наложения ареста на имущество являлось обеспечение приговора в части возможной конфискации имущества. В своем определении суд акцентирует внимание на том, что ст. 159 УК РФ, по которой обвиняемому было предъявлено обвинение, не включена в перечень преступлений, по которым возможно применение конфискации¹.

Обязательное установление преступного характера происхождения имущества лиц, подлежащего аресту в порядке ч. 3 ст. 115 УПК РФ, обязательно и при реализации другой цели – обеспечения сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по данному уголовному делу (ведь одной из разновидностей вещественных доказательств выступают деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления – ст. 81 УПК РФ).

Отметим, что нормы действующего законодательства, а также разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации не указывают обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска и других имущественных взысканий в качестве цели наложения ареста на имущество иных лиц. Однако в настоящее время достаточно распространена судебная практика по наложению ареста на имущество иных лиц с целью обеспечения заявленного гражданского иска.

К примеру, Ленский районный суд г. Саранска Республики Мордовия наложил арест на имущество супруга обвиняемой, а именно на одну вторую доли квартиры, в которой проживают супруги, в целях обеспечения приговора в части гражданского иска. В обоснование своего решения суд ссылается на нормы ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации².

По нашему мнению, в приведенной ситуации арест не правомерен, поскольку часть квартиры принадлежит супругу, который к противоправным действиям обвиняемой отношения не имеет. Принятым решением существенным образом нарушаются его конституционные права. В рассматриваемой ситуации в целях обеспечения заявленного гражданского иска целесообразнее всего было бы принять меры, направленные на установление имущества, принадлежащего непосредственно обвиняемой (например, бытовая техника и т. д.).

Представляется, что наложение ареста на имущество иных лиц для обеспечения гражданского иска может объясняться тем фактом, что на практике распространены ситуации, когда обвиняемый, подозреваемый фактически являются собственником имущества, лишь формально передавая его другим лицам. Причем речь может идти не только о передаче права собственности, но и о пользовании имуществом на других основаниях. Не случайно ч. 3 ст. 115 УПК РФ допускает арест на имущество, «находящееся у других лиц», не конкретизируя основания такого «нахождения». Подтверждением нашего суждения служат материалы уголовного дела № 1-14/2022 по обвинению гражданина Ф. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ: в целях обеспечения возмещения причиненного материального ущерба аресту подвергнут автомобиль «Тойота», право собственности на который обвиняемый Ф. переоформил на

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2020 г. по делу № 77-179/2020// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

² Приговор Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 11 августа 2017 года по делу № 1-150/2017// URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.01.2023).

свою супругу; фактически пользовался автомобилем обвиняемый Ф.¹

Рассматривая проблему выбора оснований для наложения ареста имущества иных лиц, Н. П. Киселев пришел к выводу о том, что если имущество зарегистрировано на третье лицо, но фактически принадлежит и приобреталось за счет подозреваемого, обвиняемого, то подобного рода имущество должно рассматриваться в качестве имущества подозреваемого, обвиняемого, соответственно арест которого должен быть произведен в соответствии с общими правилами, предусмотренными ч. 1 ст. 115 УПК РФ с последующим обращением взыскания на такое имущество для обеспечения целей, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УПК РФ. Автор обосновывает свой вывод тем, что в ситуациях, когда имущество только формально принадлежит иному лицу, его права не затрагиваются, в связи с чем применение привилегированного порядка наложения ареста будет нецелесообразным, и руководствоваться в подобных ситуациях необходимо ч. 1 ст. 115 УПК РФ [2].

В вопросе о целесообразности наложения ареста на имущество иных лиц для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, мы исходим из следующего:

1) подвергать аресту имущество иных лиц в порядке, предусмотренном для рассматриваемой категории лиц, возможно, если в материалах уголовного дела имеются подтвержденные совокупностью доказательств сведения о передаче права собственности на имущество (дарение, продажа, переоформление); в иных случаях используется порядок, установленный ч. 1 ст. 115 УПК РФ;

2) в ходе производства по уголовному делу следователю, дознавателю необходимо

проверять дату передачи имущества иному лицу, поскольку не исключаются ситуации, когда интересующее следствие имущество было куплено иным лицом до совершения подозреваемым, обвиняемым противоправных действий;

3) иное лицо как собственника имущества необходимо проверять на предмет связи с подозреваемым, обвиняемым, поскольку на практике распространены случаи, когда подозреваемый, обвиняемый для того, чтобы не лишиться своего имущества, производит фиктивные сделки по оформлению права собственности на иных лиц. Это приводит к уменьшению объема имущества, из которого может быть возмещен вред потерпевшему. Именно поэтому анализ судебных решений показывает, что арест на имущество иных лиц часто избирается, исходя из доказанной фактической принадлежности имущества обвиняемому.

По нашему мнению, нет необходимости разделять цели наложения на имущество в зависимости от лиц, к которым данная мера процессуального принуждения применяется. Единными целями должны служить те, что указаны в ч. 1 ст. 115 УПК РФ. Этот вывод, как представляется, не противоречит правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации о том, что мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество применяется как в публично-правовых целях – для обеспечения возможной конфискации имущества, имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или штрафа в качестве меры уголовного наказания, а также для сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу, так и в целях защиты субъективных гражданских прав лиц, потерпевших от преступления².

¹ Материалы уголовного дела № 1-14/2022 Советского районного суда г. Орла Орловской области.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 25-П от 21 октября 2014 г. «по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

Однако следует отметить, что для правомерного применения норм ч. 3 ст. 115 УПК РФ в отношении третьих лиц требуется обязательно подтверждать совокупностью доказательств преступной природы происхождения имущества. Будучи непременным основанием наложения ареста на

имущество в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 115 УПК РФ, требование доказанности преступного происхождения имущества позволит оградить от чрезмерного и необоснованного ограничения права лиц, непосредственно не причастных к совершению преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мурылева-Казак В. В. Преступное происхождение имущества третьих лиц как основание его ареста в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2022. № 3.
2. Киселев Н. П. Проблема выбора основания наложения ареста на имущество, переданное подозреваемым (обвиняемым) в целях его сокрытия иному лицу // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 212–216.

REFERENCES

1. Muryleva-Kazak V. V. Criminal origin of property of third parties as a basis for its arrest in criminal proceedings // Advocate practice. 2022. No. 3. (In Russ.)
2. Kiselev N. P. The problem of choosing the basis for the seizure of property transferred by the suspect (accused) in order to conceal it to another person // Military Law. 2022. № 2 (72). P. 212–216. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 343.985.7

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ, СОВЕРШЕННЫХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Максим Рустэмович Камалов

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
Москва, Россия, kamalovmaximus@yandex.ru

Аннотация. Современная тенденция развития общественных отношений в Российской Федерации наглядно демонстрирует нам появление новых преобразований, затрагивающих абсолютно все сферы жизни общества, что закономерно влечет за собой коренные изменения и возникновения новых форм преступности. Такая потребность, как поиск новых методов противодействия преступности, на фоне экономических, политических и социальных потрясений, ставит перед правоохранительными органами конкретную задачу в формировании новых методик расследования преступлений.

В рамках совершенных противоправных деяний имущественные преступления занимают преобладающую долю в составе всех совершенных и совершаемых преступлений. Тайные хищения чужого имущества входят в перечень одних из самых часто встречаемых явлений. Кражи представляют собой высокую опасность для общества в связи с тем, что при посягательстве на право собственности физических или юридических лиц наносится огромный материальный ущерб.

В связи со стремительным развитием в стране торговых предприятий, правоохранительные органы сталкиваются с затруднениями при расследовании краж, совершенных на предприятиях розничной торговли. Связано это со спецификой самих преступлений, а также отсутствием упорядоченных знаний по их выявлению и раскрытию.

Ключевые слова: криминалистически значимая информация, методика расследования краж, торговая деятельность, розничная торговля, торговые предприятия, предприятия розничной торговли, торговые объекты.

Для цитирования: Камалов М. Р. Об актуальности установления криминалистически значимой информации при расследовании краж, совершенных на предприятиях розничной торговли // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2. С. 104–110.

Original article

ON THE RELEVANCE OF ESTABLISHING FORENSICALLY SIGNIFICANT INFORMATION IN THE INVESTIGATION OF THEFTS COMMITTED AT RETAIL ENTERPRISES

Maxim R. Kamalov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, kamalovmaximus@yandex.ru

Abstract. The current trend in the development of social relations in the Russian Federation clearly demonstrates to us the emergence of new transformations affecting absolutely all spheres of society, which naturally entails fundamental changes and the emergence of new forms of crime. Such a need as the search for new methods of combating crime, against the backdrop of economic, political and social upheavals, poses a specific task for law enforcement agencies in the formation of new methods for investigating crimes.

As part of the committed illegal acts, property crimes dominate all committed and ongoing crimes. Secret theft of another's property is one of the most common phenomena. Theft is a high danger to society due to the fact that infringement of the property rights of individuals or legal entities causes enormous material damage.

© Камалов М. Р., 2023

Due to the rapid development of commercial enterprises in the country, law enforcement agencies are faced with difficulties in investigating thefts committed at retail enterprises. This is due to the specifics of the crimes themselves, as well as the lack of orderly knowledge on their identification and disclosure.

Keywords: forensically significant information, methodology for investigating thefts, trading activities, retail trade, trade enterprises, retail trade enterprises, trade facilities.

For citation: Kamalov M. R. On the relevance of establishing forensically significant information in the investigation of thefts committed at retail enterprises // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. P. 104–110.

С точки зрения учебной дисциплины криминалистика просто обязана акцентировать внимание на закономерности механизма совершения преступления. Информация при расследовании преступлений неоспоримо является основополагающим фактором познания существующей действительности. С целью обоснования данного утверждения можно привести в пример тот факт, что информация является одним из ключевых элементов криминалистики.

В рамках теоритического подхода в криминалистике отсутствует согласованный подход о том, что же следует подразумевать под информацией. Исходя из того, что информация имеет широкий смысловой спектр определений, ученые-криминалисты испытывают сложности в том, как правильно раскрыть содержание данного термина с точки зрения права. Так, в общем смысле в юридической литературе в 1976 году под информацией начали понимать свойство материи, при том каждая из отраслей знания начала придавать этому определению ряд своих специфических характеристик. В данном случае автором статьи предлагается два подхода к раскрытию содержания информации: широкий и узкий. С точки зрения широкого подхода под информацией предполагается определять некое абстрактное определение, включающее в себя тот смысл, к которому присуще содержание. В узком понимании информация – это любые сведения в независимости от их содержания.

При определении криминалистически значимой информации Е. Н. Паршина в своем научном труде «Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании преступлений» утверждает, что к ней может относиться любая информация любой природы

[1]. Советский и российский криминалист Р. С. Белкин утверждает, что к криминалистически значимой информации относится та информация, которая имеет значение для решения криминалистических задач [2, с. 205]. А. Н. Григорьев в своей диссертации «Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений» утверждает, что «вся информация, используемая в ходе расследования преступлений, может быть определена как криминалистически значимая» [3].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что под содержанием криминалистически значимой информации следует понимать сведения, относящиеся к событию преступления.

При расследовании преступлений, совершенных с предприятий розничной торговли, сотрудники правоохранительных органов испытывают огромные трудности. Связано это с тем, что, помимо отсутствия систематизированных знаний, в торговых-розничных предприятиях присутствует следующее:

- 1) большой поток людей;
- 2) риск уничтожения следов преступления;
- 3) длительный период между совершением преступления и обнаружением отсутствия товарно-материальных ценностей.

Для полного раскрытия содержания понятия «предприятие розничной торговли» необходимо в первую очередь выяснить, что следует понимать под торговой деятельностью, розничной торговлей, а уже впоследствии определится, что следует подразумевать под предприятием розничной торговли.

Пунктом 1 раздела 2 методического пособия для предпринимателей, утвержденно-го Федеральной антимонопольной службой

Российской Федерации, установлено такое понятие, как «торговая деятельность», под которой понимается вид предпринимательской деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров¹. Торговая деятельность представляет собой формы реализации той продукции, которая будет доступна широким массам для народного потребления только при наличии денежного эквивалента.

Согласно пункту 3 статьи 2 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» под розничной торговлей понимается вид торговой деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров для использования их в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности². В рамках розничной торговли на территории России отношения между производителями товаров/продавцами и потребителями осуществляется на основании Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»³.

В процессе развития экономических отношений в современном мире розничная торговля в Российской Федерации занимает консолидирующее место и оказывает значительное влияние на экономический рост.

Прежде чем дать определение торгово-розничным предприятиям, необходимо выяснить, что же следует понимать под торговыми предприятиями.

На основании ГОСТ Р 51303-2013. Национальный стандарт Российской Феде-

рации. Торговля. Термины и определения, утвержденного приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 августа 2013 г. № 582-ст, под торговым предприятием (предприятиями торговли) понимается имущественный комплекс, расположенный в торговом объекте и вне торгового объекта, используемый торговыми организациями или индивидуальными предпринимателями для осуществления продажи товаров и/или оказания услуг торговли⁴. А уже к самим торговым предприятиям можно отнести и предприятия розничной торговли.

Таким образом, исходя из вышеприведенных утверждений, представляется возможным сформулировать авторское определение предприятий розничной торговли. Предприятия розничной торговли – это те предприятия торговли, посредством которых осуществляется розничная торговля путем реализации товаров, выполнение работ и оказание услуг. Торговые предприятия могут относиться к различным формам собственности, которые в совокупности представляют собой сеть предприятий розничной торговли. В законодательстве Российской Федерации представлено около 1 миллиона предприятий, в связи с чем просто необходима их полная систематизация.

К криминалистически значимым сведениям краж, совершенных на предприятиях розничной торговли, автором статьи приводятся в пример следующие элементы:

1) обстановка совершения преступлений;

¹ Антимонопольное регулирование в области торговой деятельности. Методическое пособие для предпринимателей (утв. ФАС РФ) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

² Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

³ О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 14.07.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

⁴ Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения: ГОСТ Р 51303-2013 (утв. Приказом Росстандарта от 28 августа 2013 г. № 582-ст) (ред. от 22.04.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2023).

- 2) предмет преступного посягательства;
- 3) способ совершения преступления;
- 4) личность преступника.

Основополагающим фактором расследования любого преступления с целью установления истины произошедшего является обстановка совершения преступления. Под обстановкой совершения преступления подразумевается установление обстоятельств, которые позволяют охарактеризовать взаимодействие участвующих лиц и определить те факторы, при которых было совершено преступление. Именно на данном этапе происходит первоначальный сбор вещественных доказательств, позволяющих принять первое и наиболее важное процессуальное решение, от которого будет зависеть необходимость проведения последующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Знание обстановки позволяет исключить совершение преступления определенным способом, в определенном месте и в определенное время, дает возможность сделать логический вывод об использованном преступником способе преступления, облегчает построение модели конкретного преступного посягательства, создает предпосылки для прогнозирования возможности появления новых способов совершения преступления [8, с. 30].

Любопытен тот факт, что некоторые ученые-криминалисты даже не считают обстановку совершения преступления элементом криминалистической характеристики [см.: 5, с. 25–38; 6, с. 358–359]. Р. С. Белкин в качестве элемента криминалистической характеристики выделяет некоторые обстоятельства совершения преступления, подразумевая под ними место, время и обстановку совершения преступления [7, с. 315–316]. Однако автору настоящей статьи близка точка зрения ученых (В. А. Образцова, Н. М. Сологуба, Н. П. блокова, Э. Д. Курановой, А. Н. Ларькова), которые считают необходимым включение обстановки совершения преступления как элемента в криминалистическую характеристику преступлений.

Подробному изучению обстановки совершения преступлений, совершенных на

предприятиях розничной торговли, как элемента криминалистической характеристики преступлений, уделялось мало внимания. До недавнего времени практически не было в наличии специальных работ или диссертационных исследований, посвященных данной проблематике. Однако в настоящее время ситуация начала меняться в лучшую сторону в связи с тем, что начали появляться научные труды, посвященные криминалистическим вопросам обстановки совершения преступления в целом [см.: 8; 9].

Что касается предмета преступного посягательства, то в общей теории криминалистики под ним понимается предмет материального мира, при совершении преступления на который лицами, осуществляющее противоправное деяния, было осуществлено воздействие. Криминалистическая значимость предмета преступного посягательства заключается в том, что воздействие преступника на предмет связано с возникновением различных изменений самого предмета [10, с. 99]. Доскональное изучение и обнаружение предмета преступного посягательства позволяет оказать неоценимую помощь лицам, расследующим преступление, в выявлении обстоятельств, имеющих ключевое значение для раскрытия противоправного деяния (возраст лиц, совершивших преступление, их наклонности, способности и т. д.).

Доктор юридических наук, профессор М. В. Кардашевская в статье «Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики» устанавливает, что предмет преступного посягательства – это «объекты гражданского права, в связи и по поводу которых совершено преступление» [11].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, под предметом преступного посягательства понимается объект посягательства, воздействуя на который преступник нарушает или пытается нарушить само общественное отношение.

В рамках розничной торговли под предметом преступного посягательства подразумевается не только сама продукция, которая представлена предприятиями, но также и

осуществление торговых/послепродажных услуг. Предприятия розничной торговли осуществляют реализацию товаров непосредственно потребителю, то есть окончательно завершают товарное обращение от изготовителя продукции.

Способ совершения краж имеет криминалистически важное значение в связи с тем, что эти сведения предоставляют возможность судить о данных преступника, таких как пол, возраст, навыки и т. д. Под определением слова «способ» доктор филологических наук, профессор С. И. Ожегов определил действие или систему действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь [12, с. 674].

В рамках теоретического аспекта существует множество сходных определений способа совершения преступления. К примеру, способ совершения преступления – «это определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом в процессе реализации преступных намерений» [13, с. 80]; «это прием, метод, которые использует лицо непосредственно при совершении преступления» [14, с. 142]; «совокупность приемов и методов, используемых виновным» [15, с. 199].

Исходя из вышесказанного, под способом совершения преступления понимается совокупность используемых при его совершении приемов и методов, последовательность совершаемых преступных действий, применения средств воздействия на предмет посягательства.

В торгово-розничных предприятиях возникает все больше способов совершения краж, в связи с чем правоохранительные органы испытывают трудности в выявлении, расследовании и раскрытии данного рода преступлений. Связано это в первую очередь с тем, что отсутствует четкая методика расследования данного рода преступлений.

Личность преступника является немаловажным элементом, требующим установления при расследовании преступлений. Советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук В. Н. Кудрявцев

отмечает, что под более точным определением личности преступника подразумевается «личность людей, совершающих преступления» [16, с. 20].

Доктор юридических наук, профессор Я. И. Глинский считает, что признаки пола, возраста, образования, социального положения, интеллектуальные, волевые, эмоциональные и физические качества связаны с повышенной или пониженной вероятностью того, что конкретное лицо совершит определенное преступление [17, с. 209]. Исходя из вышесказанного, личность преступника – совокупность социально-психологических свойств и качеств человека, являющихся причинами и условиями совершения преступлений.

При выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, совершенных на предприятиях розничной торговли, следователям, дознавателям или судам необходимо уточнить криминалистически значимую информацию касательно личности лица, совершившего противоправное деяние. Информация, в совокупности собранная в отношении подозреваемого лица/преступника, предоставляет возможность максимально объективно определиться с характером поведения преступника и механизмом совершения краж.

Кражу на предприятиях розничной торговли может совершить абсолютно любой человек независимо от возраста, национальной принадлежности, гендерных признаков, социального статуса. В зависимости от того, кто совершил преступление, применяется отдельная методика предупреждения и пресечения краж. В общей криминалистической теории принято подразделять магазинных воров на профессионалов и любителей. При этом не представляется возможным описать правильную классификацию магазинных воров, или так называемых шоплифтеров. Связано это с отсутствием специализированных знаний и четкой градации лиц, которые могут совершить кражи на предприятиях розничной торговли.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что исследование процесса получения криминалистически значимой

информации с привязкой к обстановке совершения краж, затронутое в данной статье, является актуальным направлением дальнейшего исследования сформулированных нами проблем. Формирование теоретических информационных основ окажет положительное влияние на практический механизм раскрытия, расследования и предупреждения краж, совершенных на торгово-розничных предприятиях.

ретических информационных основ окажет положительное влияние на практический механизм раскрытия, расследования и предупреждения краж, совершенных на торгово-розничных предприятиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Паршина Е. Н. Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3-х томах. 3-е изд., дополненное. М., 2001.
3. Григорьев А. Н. Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002.
4. Густов Г. А. Расследование должностных хищений в торговле. Часть 1. Криминалистическая характеристика преступлений. Л., 1991.
5. Пантелеев И. Ф. Криминалистика: учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М., 1993. С. 25–38.
6. Возгрин И. А. Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб., 1995. С. 358–359.
7. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. М., 1997. С. 315–316.
8. Василиади А. Г. Обстановка совершения преступления и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. 24 с.
9. Ишичев В. С. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 23 с.
10. Меретуков Г. М. Криминалистические проблемы борьбы с наркобизнесом организованных преступных групп. М., 1995.
11. Кардашевская М. В. Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. 237 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд. стереотип. М. 1983.
13. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2014.
14. Жалинский А. Э., Игнатов А. Н., Костарева Т. А., Котов В. П., Красиков Ю. А., Минязева Т. Ф., Побегайло Э. Ф., Рарог А. И. Уголовное право России: учебник для вузов. В 2-х томах. Том 1. 1997.
15. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. заслуж. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. В. П. Коняхина, д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. М.: «Контракт», 2014.
16. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 800 с.
17. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб: Алет-Пресс, 2014. 574 с.

REFERENCES

1. Parshina E. N. Problems of information support and information protection in the preliminary investigation: dis. abstract ... cand. of legal sciences. Izhevsk, 2004. (In Russ.)
2. Belkin R. S. Course of criminalistics: textbook for universities in 3 volumes. 3rd ed., supplemented. M., 2001. (In Russ.)
3. Grigoriev A. N. Theoretical aspects of information and its protection in the preliminary investigation of crimes: dis. abstract ... cand. of legal sciences. Kaliningrad, 2002. (In Russ.)
4. Gustov G. A. Investigation of official embezzlement in trade. Part 1. Forensic characteristics of crimes. L., 1991. (In Russ.)

5. Panteleev I. F. Criminalistics: textbook / ed. I. F. Panteleeva, N. A. Selivanova. M., 1993. P. 25–38. (In Russ.)
6. Vozgrin I. A. Criminalistics: textbook / ed. T. A. Sedova, A. A. Eksarhopulo. SPb., 1995. P. 358–359.
7. Belkin R. S. Course of criminalistics. T. 3. M., 1997. P. 315–316. (In Russ.)
8. Vasiliadi A. G. The situation of the commission of a crime and its criminal law significance: dis. Abstract ... cand. of legal sciences. M., 1988. 24 p.
9. Ishicheev V. S. The situation of the commission of a crime as an element of its forensic characteristics: author. dis. ... cand. of legal sciences. SPb., 1996. 23 p. (In Russ.)
10. Meretukov G. M. Forensic problems in the fight against the drug business of organized criminal groups. M., 1995. (In Russ.)
11. Kardashevskaya M. V. The subject of criminal assault as an element of forensic characteristics // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 7. 237 p. (In Russ.)
12. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / ed. N. Yu. Shvedova. 14th ed. stereotype. M. 1983.
13. Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook / ed. prof. L. V. Inogamova-Khegay. 2nd ed. M.: INFRA-M, 2014. (In Russ.)
14. Zhalinsky A. E., Ignatov A. N., Kostareva T. A., Kotov V. P., Krasikov Yu. A., Minyazeva T. F., Pobegailo E. F., Rarog A. I. Criminal Law of Russia: a textbook for universities. In 2 volumes. Volume 1. 1997. (In Russ.)
15. Russian criminal law. General part: textbook for universities / ed. deserved lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, prof. V. P. Konyakhin, Doctor of Law, prof. M. L. Prokhorova. M.: "Contract", 2014. (In Russ.)
16. Criminology: textbook / ed. V. N. Kudryavtsev and V. E. Eminova. 4th ed., revised. and supplemented. M.: Norma, 2009. 800 p. (In Russ.)
17. Gilinsky Ya. I. Criminology: theory, history, empirical base, social control. St. Petersburg: Alef-Press, 2014. 574 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 343.98

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСОВ В СУДЕ

Кирилл Владимирович Муравьев¹, Дмитрий Леонидович Проказин²
^{1,2} Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
Орел, Россия, ¹ murki@list.ru, ² dprokazin@yandex.ru

Аннотация. В юридической литературе в основном обращается внимание на тактические приемы допроса, которые могут применяться на предварительном расследовании. Вместе с тем допросы подсудимого, потерпевшего и свидетеля являются центральными элементами судебного следствия в стадии судебного разбирательства, а также при пересмотре уголовного дела. При этом в судебном производстве допросы имеют характерные особенности (полисубъектность, усложненная структура, публичный характер, возможность влияния внешних неблагоприятных факторов на способность и желание лица давать правдивые показания, осведомленность допрашиваемого о предмете допроса, отдаленность по времени от восприятия обстоятельств, по поводу которых даются показания), которые существенно отличают тактику их проведения. В этой связи авторы констатируют, что в суде имеет место сужение спектра тактико-криминалистических приемов по отношению к аналогичным приемам, которые могут быть использованы для получения достоверных показаний на предварительном расследовании.

Ключевые слова: суд, судья, судебное разбирательство, допрос, получение показаний, тактические особенности, тактические приемы.

Для цитирования: Муравьев К. В., Проказин Д. Л. Тактические особенности проведения допросов в суде // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 111–117.

Original article

TACTICAL PECULIARITIES OF INTERROGATION IN COURT

Kirill V. Muravyev¹, Dmitry L. Prokazin²

^{1,2} Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V.V. Lukyanov, Orel, Russia, ¹ murki@list.ru, ² dprokazin@yandex.ru

Abstract. In the legal literature attention is mainly drawn to the tactics of interrogation, which can be used in the preliminary investigation. At the same time, interrogations of the defendant, victim and witness are the central elements of the judicial investigation at the trial stage, as well as during the review of the criminal case. At the same time, interrogations in court proceedings have characteristic features (poly-subjectivity, a complicated structure, public nature, the possibility of external adverse factors affecting the ability and desire of a person to give truthful testimony, the interrogated person's awareness of the subject of interrogation, remoteness in time from the perception of the circumstances on which testimony is given), which significantly differ the tactics of their implementation. In this regard, the authors state that in court there is a narrowing of the range of tactical and forensic techniques in relation to similar techniques that can be used to obtain reliable testimony during the preliminary investigation.

Keywords: court, judge, trial, interrogation, taking evidence, tactical features, tactics.

For citation: Muravyev K. V., Prokazin D. L. Tactical peculiarities of interrogation in court // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No 2 (100). P. 111–117.

Допрос представляет собой одно из действий, в процессе которого происходит самых распространенных следственных получение и фиксация показаний с целью

© Муравьев К. В., Проказин Д. Л., 2023

установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В настоящее время имеется достаточное количество учебно-методических работ, а также научных исследований, в том числе монографических, о тактике допроса. В частности, интерес представляют содержательные публикации по допросу отдельных участников уголовного судопроизводства с учетом их специфики, обусловленной ролью допрашиваемого в процессе расследования, а также психологическими особенностями его личности [1, с. 1100–1121; 2, с. 47–52; 3, с. 78–83]. Отдельные статьи посвящены тактическим особенностям допроса по различным категориям преступлений [4, с. 153–163; 5, с. 166–168; 6, с. 28–32; 7, с. 58–61; 8, с. 208–215].

Как правило, указанные публикации раскрывают тактику допроса на этапе предварительного расследования. Вместе с тем данное следственное действие осуществляется не только в досудебном производстве. Получение показаний имеет место на этапе назначения и подготовки судебного разбирательства, когда оно осуществляется в форме предварительных слушаний. Допросы подсудимого, потерпевшего и свидетеля являются центральными элементами судебного следствия в стадии судебного разбирательства, а также при пересмотре уголовного дела. При этом в судебном производстве допросы имеют характерные особенности, существенно отличающие тактику их проведения.

Действия, связанные с получением вербальной информации, осуществляются также в рамках судебного-контрольных заседаний в досудебном производстве (ст. 108, 125, 165 УПК РФ), а также в уголовно-исполнительном судопроизводстве (ч. 3 и 7 ст. 399 УПК РФ). И в том, и в иных случаях предполагается личный контакт участвующих в познавательном действии лиц, которые, с одной стороны, дают объяснения, с другой – задают вопросы и получают на них ответы. Термин допрос в данном случае не используется. Однако тактика получения вербальной информации в судебных заседаниях на

досудебном производстве и в уголовно-исполнительном судопроизводстве в большей степени соответствует тактике судебных допросов. По этой причине публикации, учитывающие особенности допроса в судебном разбирательстве [9, с. 12–15], в том числе специальный субъектный состав суда [10, с. 96–100], вызывают особый интерес.

В рамках настоящей статьи обратим внимание на характерные особенности судебных допросов.

Одной из важных особенностей, отличающих судебный допрос от аналогичного средства доказывания на предварительном расследовании, является его полисубъектность.

Допрос в судебном заседании предполагает участие сразу несколько лиц. Первоначально вопросы задает сторона, в соответствии с ходатайством которой вызван допрашиваемый, после чего – противоположная сторона. И лишь затем инициатива в установлении обстоятельств происшедшего переходит к судье (чч. 1 и 3 ст. 275, ч. 3 ст. 278 УПК РФ). Фактически судебный допрос – это не столько средство познания, осуществляемое судом, сколько действие, которое реализуется в судебном процессе.

Однако следует учитывать, что именно судья, а точнее – председательствующий, организует допрос. К его компетенции относится установление личности потерпевших и свидетелей, выяснение их взаимоотношений между собой. Именно председательствующий разъясняет участникам права, обязанности и ответственность. Он руководит судебным заседанием, обеспечивает состязательность и равноправие сторон. При получении показаний он должен объективно выяснять фактические обстоятельства происшедшего, отклонять не имеющие отношение к делу, а также наводящие вопросы. Наконец, председательствующий обобщает результаты допроса и оценивает их в качестве доказательств.

Получаемая от допрашиваемого информация адресуется именно суду. Независимо от того, задает ли вопросы субъекту, вызванному для дачи показаний, сторона обвинения,

сторона защиты, или допрос осуществляет непосредственно председательствующий, главным адресатом получения сведений являются лица, осуществляющие правосудие (судья, коллегия судей, присяжные заседатели). Они воспринимают показания участника процесса, убеждаются в наличии соответствующих фактов и т.п.

По отношению к допросу на предварительном расследовании в судебном заседании допрос имеет усложненную структуру. Поскольку в рамках рассматриваемого познавательного действия вопросы могут задавать несколько допрашиваемых лиц, то целесообразно выделить различные элементы допроса (его этапы, стадии).

В ситуации, когда вопросы задаются представителями сторон, допрос носит опосредованный характер. В задачу суда на этой стадии входит заслушивание этих вопросов, фиксация на них ответов допрашиваемого. При этом изначально осуществляется прямой допрос той стороной, которая представляет суду показания лица (потерпевшего, свидетеля, подсудимого) в качестве доказательства. Далее противоположная сторона совершает перекрестный допрос. После чего право задавать вопросы переходит суду, допрос переходит в непосредственную стадию. При таком подходе у судебного органа, ведущего производство, формируется цельная картина показаний.

Иная стадийность допроса имеет место в ситуациях, когда в целях проверки доказательств, имеющих в деле, суд по собственной инициативе получает показания у участников процесса. Структура допроса первоначально предполагает непосредственную стадию (допрос осуществляет судья), затем наступает опосредованный этап, на котором вопросы задаются сторонами.

Обратим также внимание и на особый порядок проведения допроса в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Согласно ч. 3¹ ст. 317⁷ УПК РФ в рамках судебного заседания судья опрашивает такого подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с ним, после чего ему предлагается

дать показания по существу обвинения. Далее задавать вопросы получают право участвующие в рассмотрении дела защитник и государственный обвинитель. Подсудимый также сообщает суду, какое содействие им оказано, в чем именно оно выразилось, отвечает на вопросы участников судебного заседания.

Важной особенностью судебного допроса является его публичный характер. По общему правилу, установленному ч. 1 ст. 241 УПК РФ, разбирательство дел является открытым. Это предполагает, что открыто, то есть непосредственно перед аудиторией, даются в суде и показания. Возможны ситуации, когда допрос осуществляется «на виду» у родственников, знакомых допрашиваемого. В судебном заседании присутствует подсудимый, его защитник, иные лица, которые могут быть враждебно настроены в отношении дающих показания потерпевшего, свидетелей со стороны обвинения. При такой «стрессовой» обстановке в зале судебного заседания требуется установление психологического контакта с допрашиваемым, что на практике нередко вызывает некоторые затруднения, поэтому в ходе подготовки к допросу лицу, ведущему производство, необходимо учитывать указанные обстоятельства. Председательствующий должен создавать спокойную деловую обстановку, проявлять чуткость к состоянию допрашиваемого, поддерживать в зале суда благоприятную психологическую атмосферу. Важными рекомендациями являются: корректные, четкие, исключающие двусмысленность вопросы к допрашиваемому, внимательное выслушивание его ответов, требование тактичного отношения к нему от обвинителя и защитника.

В соответствии с ч. 1 ст. 277, ч. 5 ст. 278, ст. 278¹ УПК РФ при необходимости обеспечения безопасности свидетеля и потерпевшего, их близких родственников, родственников и близких лиц суд вправе провести допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Поскольку при таком порядке получения показаний оглашение подлинных данных о личности допрашиваемого не происходит, то тактически обосновано

вано при постановке вопросов защищаемому лицу исключить темы, ответы на которые могут позволить присутствующим в суде определить данные о личности свидетеля или потерпевшего. Важно предвидеть такие «уловки» со стороны защиты, при их выявлении – своевременно отклонять провоцирующие вопросы.

Условие непосредственности и устности судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ) предполагает, что сила показаний, их влияние на внутреннее убеждение судей, присяжных заседателей зависит как от содержания сообщаемых сведений, так и от психолингвистических составляющих. При заслушивании показаний суд непосредственно воспринимает темп и тембр речи допрашиваемого, отмечает допущенные им ошибки и оговорки. В ходе допроса орган, ведущий производство, оценивает внешность допрашиваемого, изучает одежду, жесты и мимику, манеры допрашиваемого, его поведение при вопросах и др. Кроме того, суду важно следить за реакцией присутствующих в зале заседания лиц, фиксировать их напряженность, беспокойство, отмечать реплики, которые выражают одобрение или несогласие с показаниями и др. Конечно, получаемые во время допроса результаты наблюдений не имеют доказательственного значения, однако они могут являться необходимым источником информации для выбора надлежащих тактических приемов.

При проведении судебных допросов возможно влияние внешних неблагоприятных факторов на способность и желание лица давать правдивые показания. В соответствии с п. 12 ч. 4 ст. 47, ст. 217 УПК РФ после окончания предварительного расследования подсудимый имеет право ознакомиться со всеми материалами уголовного дела. Кроме того, стороне защиты предоставляется список лиц, подлежащих вызову в суд (ч. 4 ст. 220, ч. 2 и 3 ст. 222 УПК РФ). В связи с этим нельзя исключить фактов непроцессуального воздействия на потерпевшего и свидетелей со стороны обвиняемого, а также его окружения, в период подготовки к судебному процессу. Допрашивающие лица должны

быть готовы к отказу или изменению ранее данных показаний участников процесса, сообщению на допросах о ранее неуказанных обстоятельствах дела, к возникновению иных непредвиденных ситуаций.

В этой связи целесообразно отметить признаки, которые свидетельствуют о недобросовестности показаний допрашиваемых лиц. Ими являются: несогласованность сообщаемых сведений между собой или противоречивость с другими доказательствами по делу; разная степень детализации показаний относительно известных фактов; чрезмерная лаконичность или, напротив, сумбурность изложения; заученность даваемых пояснений; демонстративная раскованность в поведении, подчеркнутая уверенность в речи или, напротив, эмоциональная напряженность, неуверенность.

К тактическим приемам, которые способны обнаружить недобросовестность показаний допрашиваемого, относятся: постановка уточняющих вопросов, заставляющих выйти за границы точного воспроизведения заученных показаний; предложение к допрашиваемому детализировать показания; просьба прокомментировать показания другого участника процесса или заключение присутствующего в заседании эксперта и др. Действенными являются методы убеждения, в том числе напоминание потерпевшим и свидетелям об ответственности за дачу ложных показаний. Субъект, ведущий допрос, может использовать и другие эффективные приемы психологического и логического воздействия на допрашиваемого в условиях конфликтной ситуации [11, с. 112–119].

Из числа предлагаемых криминалистами тактических приемов в судебном производстве весьма затруднительно использовать прием, именуемый «фактор внезапности при постановке вопросов». Существующая уголовно-процессуальная форма предполагает, что до суда допрашиваемый, как правило, неоднократно дает сначала пояснения, а затем и показания по изучаемым обстоятельствам. В этой связи особенностью получения показаний в суде будет являться осведомленность допрашиваемого о предмете

допроса. При этом под влиянием вопросов, которые задавались лицом, ведущим досудебное производство, при допустимом воздействии адвоката, допрашиваемый может быть подвергнут определенному внушению. Нельзя исключать и специальной подготовки стороной своего свидетеля, потерпевшего или подсудимого. В данном случае также целесообразно применять тактические приемы, способствующие получению от допрашиваемого лица достоверных показаний.

Согласно п.п. 1 и 3 ч. 1, ч. 2 ст. 276, ч.ч. 3 и 4 ст. 281 УПК РФ допускается оглашение показаний, данных участниками процесса в ходе производства предварительного расследования или ранее в суде, при наличии существенных противоречий между ними либо при отказе от дачи показаний. После чего председательствующему целесообразно предложить допрашиваемому прокомментировать обозначенные противоречия. Для недобросовестных участников выполнение данной просьбы может оказаться эмоционально сложной задачей.

Вместе с тем при оценке комментариев участников об имеющихся «несостыковках» в ходе наблюдения за их поведением может быть установлено и иное. Во-первых, показания допрашиваемого могут быть «непроизвольно скорректированы» предыдущей вовлеченностью в уголовное производство. Во-вторых, на полноту и правильность сведений, сообщаемых в суде, может повлиять отдаленность допроса по времени от восприятия обстоятельств, по поводу которых даются показания. Это является существенной особенностью рассматриваемого действия. Судебное заседание от состоявшегося преступного посягательства нередко отделяет значительный срок, поэтому важной задачей становится оказание помощи до-

прашиваемому в воспоминании имеющихся обстоятельств расследуемого преступления. Для решения этой проблемы целесообразно применять «смежность», «наглядность», «сходность», «контрастность» и другие приемы, рекомендуемые при допросе в бесконфликтной ситуации [11, с. 111–112].

В целом необходимо констатировать, что в суде имеет место сужение спектра тактико-криминалистических приемов по отношению к аналогичным приемам, которые могут быть использованы для получения достоверных показаний на предварительном расследовании. В частности, в суде не применима тактическая комбинация, определяемая как «оставление допрашиваемого в неведении относительно имеющихся доказательств» и «создание впечатления о большой осведомленности у допрашивающего», весьма сложно применить тактические приемы, которые основаны на факторе внезапности.

В завершение отметим, что знание особенностей производства следственных действий, осуществляемых в суде, важно не только для судьи и других участников судебного процесса. Поскольку использование материалов досудебного производства в качестве доказательств допускается только после их проверки в судебном разбирательстве, которое осуществляется в условиях состязательности, непосредственности и устности, то должностные лица органов предварительного расследования также должны понимать возможности тактики проведения судебных действий следственного характера. В этой связи особо интересными представляются исследования тех авторов, которые обращают внимание на взаимосвязь допросов, проведенных следователем на досудебной стадии уголовного процесса, с судебными допросами [12, с. 97–104].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бертовский Л. В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1100–1121.
2. Муравьев К. В., Соколов А. Б., Козловский П. В., Алексеева А. П. Тактико-криминалистическое обеспечение допроса несовершеннолетнего // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 47–52.

3. Неупокоева И. А., Гроголева О. Ю. Учет возрастных и индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего при проведении допроса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3 (74). С. 78–83.
4. Агафонов А. С. Организационно-тактические особенности производства допроса при расследовании преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 2 (91). С. 153–163.
5. Аксенова Л. Ю., Щербина Р. П. Особенности допроса потерпевших и свидетелей по делам о разбоях, совершаемых в кредитных и торговых организациях // Закон и право. 2020. № 5. С. 166–168.
6. Грибунов О. П., Малыхина Е. А. Отдельные вопросы тактики допроса при расследовании взяточничества // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (7). С. 28–32.
7. Мазунин Я. М., Герасименко Н. И. Тактика допроса подозреваемого (обвиняемого) по делам о неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 58–61.
8. Смахтин Е. В., Христинина Е. В. Тактические особенности производства допроса подозреваемого по делам о получении взятки в сфере высшего образования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). С. 208–215.
9. Беспечный О. В., Неймарк М. А. Следственные ситуации допроса подсудимого по делам о насильственных преступлениях // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 4. С. 12–15.
10. Пропастин С. В. Подготовка адвоката к получению показаний в контексте ограничений суда присяжных // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2021. № 1 (86). С. 96–100.
11. Долинин В. Н. Гибкие алгоритмы применения тактических приемов в процессе допроса в бесконфликтной и конфликтной ситуациях // Вклад Л. Я. Драпкина в криминалистическую науку: материалы Всероссийского научно-практического стола. Екатеринбург: ФГКОУ ВО «УрГЮУ», 2019. С. 110–121.
12. Сидоренко Е. В., Конин В. В. Допрос на досудебной стадии как подготовительный этап к допросу в судебном разбирательстве // Российской правосудие. 2019. № 6. С. 97–104.

REFERENCES

1. Bertovsky L. V. Features of the interrogation of persons of older age groups // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2020. Vol. 24. No. 4. P. 1100–1121. (In Russ.)
2. Muravyev K. V., Sokolov A. B., Kozlovsky P. V., Alekseeva A. P. Tactical and forensic support for the interrogation of a minor // Scientific Bulletin of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4(75). P. 47–52. (In Russ.)
3. Neupokoeva I. A., Grogoleva O. Yu. Accounting for age-related and individual characteristics of a minor's personality during interrogation // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2018. No. 3 (74). P. 78–83. (In Russ.)
4. Agafonov A. S. Organizational and tactical features of the production of interrogation in the investigation of crimes related to changing the marking designations of vehicles // Scientific Bulletin of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2022. No. 2 (91). P. 153–163. (In Russ.)
5. Aksenova L. Yu., Shcherbina R. P. Features of the interrogation of victims and witnesses in cases of robberies committed in credit and trade organizations // Law and Legislation. 2020. No. 5. P. 166–168. (In Russ.)
6. Gribunov O. P., Malykhina E. A. Separate questions of interrogation tactics in the investigation of bribery // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (7). P. 28–32. (In Russ.)
7. Mazunin Ya. M., Gerasimenko N. I. Tactics of interrogation of a suspect (accused) in cases of unlawful possession of a car or other vehicle without the purpose of theft // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2014. No. 2 (57). P. 58–61. (In Russ.)
8. Smakhtin E. V., Khristinina E. V. Tactical features of the production of interrogation of a suspect in cases of receiving a bribe in the field of higher education // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. 2015. No. 2 (8). P. 208–215. (In Russ.)

9. Bespechny O. V., Neimark M. A. Investigative situations of the interrogation of the defendant in cases of violent crimes // Russian-Asiatic Legal Journal. 2021. No. 4. P. 12–15. (In Russ.)

10. Propastin S. V. Preparing a lawyer to testify in the context of jury trial restrictions // Scientific Bulletin of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2021. No. 1 (86). P. 96–100. (In Russ.)

11. Dolinin V. N. Flexible algorithms for the use of tactics in the process of interrogation in non-conflict and conflict situations // Contribution of L. Ya. Drapkin in forensic science: materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table. Yekaterinburg: FGKOU VO “Ural State Law University”, 2019. P. 110–121. (In Russ.)

12. Sidorenko E. V., Konin V. V. Interrogation at the pre-trial stage as a preparatory stage for interrogation in court proceedings // Russian justice. 2019. No. 6. P. 97–104. (In Russ.)

Информация об авторах:

Муравьев К. В., доктор юридических наук, доцент;
Проказин Д. Л., кандидат юридических наук, доцент.

Information about authors:

Muraviev K. V., Doctor of Law, Associate Professor;
Prokazin D. L., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 30.03.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 343.212
ORCID [HTTPS://ORCID.ORG/0000-0003-1961-8583](https://orcid.org/0000-0003-1961-8583)

КЛАССИФИКАЦИЯ СУБИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Сергей Павлович Усенко

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Краснодар, Россия, 2682135@mail.ru

Аннотация. В работе представлены итоги множественной классификации субинститутов уголовного права, построенной на основе таких критериев, как местоположение в системе уголовного права; функциональное назначение в системе уголовно-правового регулирования; социальное назначение; время действия; преимущественный метод регулирования. Проведенная классификация способствует познанию общей закономерности формирования и функционирования субинститутов уголовного права.

Ключевые слова: методы уголовного права, классификация, институты уголовного права, субинституты уголовного права.

Для цитирования: Усенко С. П. Классификация субинститутов уголовного права // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 118–124.

Original article

CLASSIFICATION OF CRIMINAL LAW SUB-INSTITUTIONS

Sergey P. Usenko

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin,
Krasnodar, Russia, 2682135@mail.ru

Abstract. The paper presents the results of a multiple classification of Criminal Law sub-institutions based on such criteria as location in the Criminal Law system; functional purpose in the system of criminal law regulation; social purpose; duration; preferential method of regulation. The conducted classification contributes to the knowledge of the general regularity of the formation and functioning of sub-institutions of Criminal Law.

Keywords: methods of Criminal Law, classification, institutions of Criminal Law, sub-institutions of Criminal Law.

For citation: Usenko S. P. Classification of Criminal Law sub-institutions // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 118–124.

В соответствии с общепринятым пониманием классификация представляет собой распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов. Традиционно классификация признается одним из значимых методов проведения уголовно-правовых исследований, который используется для познания различных аспектов бытия уголовно-правовой материи. В нашем исследовании речь пойдет о классификации

такого недостаточно изученного наукой феномена, как субинституты уголовного права.

Самым первым и простым делением субинститутов уголовного права можно признать их градацию в зависимости от местоположения в структуре уголовного закона: субинституты Общей части и субинституты Особенной части уголовного права.

Такая классификация теоретически мыслима, разумеется, при условии, что на соответствующие группы могут быть разделены институты уголовного права. В науке, как из-

вестно, этот вопрос предполагает различные решения. Некоторые исследователи утверждают, что «единственно возможная система институтов уголовного права, если понимать под институтом системную совокупность норм, а под нормой – полноценное правило поведения, санкционированное или установленное государством, представляет собой систему предметных охранительных институтов, выделяемых на основании объекта уголовно-правовой охраны» [1, с. 85]. Иными словами, институты уголовного права мыслятся при таком подходе исключительно как институты его Особенной части. Однако подобный подход при своем последовательном развитии может привести к выводу о том, что уголовное право как исключительно охранительная отрасль не имеет собственного предмета правового регулирования, о чем говорил Б. Т. Разгильдиев [2, с. 4–5]. Отрицание же предмета регулирования, по сути, означает и отсутствие основания для выделения уголовного права в качестве самостоятельной правовой отрасли. В данном случае более убедительным и последовательным будет взгляд на «охранительный уголовно-правовой институт» не как на институт отрасли уголовного права, а как на охранительный субинститут той отрасли права, предмет которой охраняется соответствующими уголовно-правовыми нормами. К примеру, институт преступлений против собственности при таком подходе в большей степени может претендовать на статус субинститута права собственности, а институт преступлений против государственной службы – на статус субинститута служебного права.

Если же логику указанных авторов относительно охранительного характера институтов уголовного права совместить с представлениями о самостоятельности отрасли, то необходимо признать, что все положения, отраженные в Общей части уголовного права, входят так или иначе в структуру институтов части Особенной, образуя в них отдельные субинституты. Тогда в каждом институте Особенной части уголовного права можно будет обнаружить субинститут неоконченного преступления, субинститут

множественности, субинститут соучастия и т. д.

Полагаем очевидным, что такое представление об институтах и субинститутах уголовного права не соответствует современному пониманию предмета уголовного права, статуса отрасли в системе отечественного права и ее структуры. Исходная и столь же очевидная посылка к таким ошибочным рассуждениям кроется в признании именно нормы права в ее полноценной, логической форме начальным звеном структурирования отрасли. Здесь, однако, надо сделать одну оговорку терминологического свойства. Следует провести тонкую грань между субинститутами Общей (Особенной) части и субинститутом института Общей (Особенной) части.

Деление уголовного права на Общую и Особенную часть происходит исходя из роли и предназначения нормативных правовых предписаний, а также сферы их действия. Предписания Общей части выполняют системообразующую функцию по отношению ко всем нормам уголовного права, содержат в себе наиболее общие части их элементного состава и алгоритм для восстановления полного объема уголовно-правовой нормы [3, с. 154]. В то время как предписания Особенной части ориентированы на описание признаков конкретных преступлений и пределов их наказуемости.

Однако не все предписания, входящие в институт Общей части и способные претендовать на статус его субинститута, обладают признаком всеобщности, присущим предписаниям Общей части. Равным образом не все претендующие на статус субинститута Особенной части уголовного права предписания ограничены в сфере своего действия лишь пределами того или иного института. Например, положения закона, определяющие в границах соответствующих институтов Общей части уголовного права особенности назначения наказания мужчинам, совершившим террористические преступления (ч. 2 и ч. 2.1 ст. 58 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), понятие преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (прим. к ст. 73

УК РФ), основания освобождения от ответственности за налоговые преступления (ч. 1 ст. 76.1 УК РФ), едва ли могут претендовать на статус универсальных, всеобщих и в этом отношении по своему содержанию сложно сопрягаются со статусом предписаний Общей части. Соответственно, предписания, оформленные как часть института Особенной части, могут выходить в своем функциональном назначении за границы данного института (например, прим. к ст. 139 УК РФ, определяющее понятие жилища, или прим. к ст. 201 УК РФ, формулирующее понятие лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой организации, распространяют свою силу на весь кодекс).

Такое «проникновение» общих положений в Особенную часть и особенных положений в Общую – естественный процесс, отражающий рост функционального и предметного разнообразия отрасли уголовного права. Однако он позволяет утверждать, что субинститут института Общей части уголовного права далеко не всегда образован предписаниями, по природе своей претендующими на статус общих нормативных положений (то же самое – и в отношении субинститутов Особенной части). Местоположение субинститута в структуре отрасли уголовного права лишь формально указывает на его природу, поэтому всегда более точным и правильным будет говорить о субинституте института Общей или Особенной части, а не о субинституте Общей или Особенной части.

Такое уточнение имеет значение для понимания еще одной возможной классификации субинститутов уголовного права, а именно классификации по функциональному признаку. В данном случае речь идет о градации субинститутов на предметные и функциональные.

Функциональное предназначение уголовно-правового субинститута задано, с одной стороны, содержанием образующих его нормативных предписаний, а с другой – включающего его института. При этом стоит учитывать, что такое деление правовых предписаний и институтов весьма относительно. Большинство исследователей в на-

стоящее время склоняются к позиции, что норма уголовного права всегда адресована двум субъектам: государству и гражданину, действует комплексно, регулятивные и правоохранные аспекты нормы взаимосвязаны. В зависимости от избранной точки зрения одна и та же уголовно-правовая норма (субинститут, институт) может быть и регулятивной, и правоохранительной, и предметной, и функциональной. Классификация по функциональному признаку способствует лишь выявлению степени выраженности той или иной функции.

Субинститут как часть института уголовного права наследует это классифицирующее основание. При этом функциональные субинституты будут регулировать какую-либо специфику отдельной операции института, а предметные – теоретически должны собой представлять группу норм, выделенную в связи с общностью предмета правового регулирования.

Здесь важно понять, всегда ли функциональный субинститут является частью функционального института, а предметный – частью предметного. Представляется, что эта логика не является универсальной и единственно возможной. Так, например, в рамках предметного института хищений оформился самостоятельный субинститут мошенничества, который в основе своей имеет специфическую дифференциацию уголовной ответственности за различные виды мошеннических действий. В данном случае предписания об ответственности за мошенничество выступают функциональным субинститутом предметного института хищения. На наш взгляд, такое «перекрестие» – предметные субинституты в рамках функциональных институтов и функциональные субинституты в рамках предметных институтов – следует рассматривать в качестве общей закономерности.

Когда в рамках предметного института уголовного права возникают дополнительные предписания, расширяющие круг предметов, подлежащих уголовно-правовой охране, или расширяющие спектр запрещенных действий, посягающих на уже вовле-

ченные в сферу уголовно-правовой охраны предметы (например, в рамках института преступлений против общественной безопасности появляются нормы, запрещающие не только организацию банды, но также организацию преступного сообщества или незаконного вооруженного формирования), вряд ли будет верным говорить о формировании предметного субинститута ответственности за создание преступных групп в рамках предметного института преступлений против безопасности. Кроме того, формирование функциональных правил в рамках функционального института (например, предписания, устанавливающие ограничения на назначение несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы в рамках института назначения наказания несовершеннолетним) не приводит к появлению функционального субинститута. В подобного рода ситуациях происходит лишь расширение номенклатуры нормативных предписаний, составляющих тот или иной институт, его нормативный рост.

Такое понимание генезиса и видов уголовно-правовых субинститутов дает основание для уточнения еще одной возможной классификации на основе социального предназначения образующих их нормативных правовых предписаний. Как известно, уголовное право решает две основные задачи: охрана конституционно значимых ценностей и предупреждение преступлений (ст. 2 УК РФ), которые коррелируют с представлениями об охранительной и регулятивной функциях права. Вместе с тем в теории права верно отмечается, что право не только регулятор общественных отношений, но оно одновременно и политический инструмент, идеологическое средство, способ охраны общественных отношений, поэтому в содержание права, бесспорно, входят как собственно юридические (регулятивная и охранительная), так и социальные (экономическая, политическая, воспитательная) функции права [4, с. 116]. Их выполнение не может рассматриваться только как внешний результат выполнения собственно юридических функций. Оно также обеспечено определенными пра-

вовыми средствами, содержанием правовых предписаний. По этой причине вполне логичным будет заключить, что в целом ряде случаев формирование субинститутов уголовного права является следствием объективной потребности в реализации многообразных функций уголовного права. Соответственно, можно выделить субинституты, направленные на обеспечение выполнения экономической, воспитательной, политической и т. д. функций. Например, крайне актуальная в современных условиях экономическая функция права стимулирует появление таких предписаний, как освобождение от ответственности с возмещением вреда за экономические преступления, освобождение от ответственности при соблюдении условий декларирования доходов.

Подобного рода нормативные положения слабо сопрягаются со стандартными представлениями об отрасли уголовного права, а потому инкорпорируются в ее структуру весьма осторожно. Оптимальным юридико-техническим приемом в данном случае как раз и выступает формирование в структуре известного, устоявшегося уголовно-правового института предписаний нестандартного содержания, нацеленных на выполнение нетипичных отраслевых функций. То же самое можно сказать об уголовно-правовых предписаниях, посвященных защите интересов потерпевших от преступлений, ориентирующих лиц, совершивших преступление, на сотрудничество со следствием и т. п. Такой прием – включение нестандартных предписаний в стандартный правовой институт – позволяет обеспечить выполнение многообразных социальных функций отрасли уголовного права без кардинального изменения ее структуры. Субинститут уголовного права выступает здесь способом решения социальных функций в рамках уточнения, корректировки, дифференциации способов выполнения правовых (охранительной и регулятивной) функций отрасли уголовного права.

Предложенное понимание связи субинститутов с социальными функциями уголовного права позволяет не только классифицировать субинституты на основе того,

какую социальную функцию они выполняют в составе отрасли, но также предложить градацию субинститутов на основе их собственного функционального предназначения. Можно утверждать, что функционально субинституты уголовного права создают альтернативу регулирования той или иной группы уголовно-правовых отношений либо позволяют апробировать на определенном участке уголовно-правового регулирования некоторую модель или способ правового регулирования.

В связи с тем, что функции уголовного права при всей их относительной константности являются феноменом динамичным, непосредственно зависящим от социальных потребностей, вполне логично, что некоторые из них актуализируются в тот или иной момент времени, а в другой период могут «сойти на нет». Это обстоятельство дает основание для классификации уголовно-правовых субинститутов на постоянно действующие, временные и чрезвычайные.

Постоянно действующими следует признать субинституты, которые, однажды возникнув, сохраняют свою юридическую силу до момента их исключения из закона и распространяются на все типовые уголовно-правовые ситуации. Временные – те, что активируются в определенный промежуток и действуют в течение установленного законом срока. Чрезвычайными субинститутами следует признать предписания, действие которых активируется в особых условиях, при наличии определенных обстоятельств. В этом отношении интерес представляют положения уголовного закона, устанавливающие правила ответственности за преступления, совершенные в период военного времени.

Связь субинститутов с механизмом социальной регламентации уголовно-правовых отношений закономерным образом приводит к еще одной их градации. В основе ее – метод правового регулирования. В уголовном праве вполне обоснованным будет выделение императивных и диспозитивных субинститутов, а также субинститутов поощрительных и карательных.

В данном случае необходимо заметить, что связь вида субинститута и вида института, выделяемого на основе преимущественного метода правового регулирования, не является жесткой. В рамках императивного карательного института хищений располагается столь же императивный и карательный субинститут мошенничеств. Однако в рамках поощрительного и преимущественно диспозитивного института освобождения от ответственности вполне может расположиться субинститут императивный (например, освобождения по налоговым преступлениям), а в рамках карательного института допустимо помещение субинститута поощрительного (таковы все ситуации конструирования в рамках Особенной части уголовного права специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, которые, к тому же, могут носить как императивный, так и диспозитивный характер). Такое положение вещей нельзя воспринимать как нарушение методической однородности уголовно-правовых норм, а с учетом проникновения в уголовное право диспозитивных методов – как «размывание» публично-правовой природы отрасли уголовного права. Напротив, оно есть свидетельство неразрывных системных связей внутри правовой системы и отражение комплексного, всестороннего подхода государства к регулированию уголовно-правовых отношений.

Взаимопроникновение правовых методов и тесная связь предметов отраслевого регулирования ставит на повестку дня еще один вариант классификации субинститутов (пожалуй, один из наиболее сложных и дискуссионных). Речь идет о возможности выделить субинституты отраслевого и субинституты межотраслевого (комплексного) характера. Такая градация представлена в трудах И. В. Орехова, который отмечает, что «появление субинститутов скорее тяготеет к межотраслевой направленности. Возможно, это вызвано современными реалиями общественных отношений. Субинституты отраслевого характера не столь широко представлены в отечественной системе права» [5, с. 43].

С формально-логической точки зрения, поскольку субинститут – часть уголовно-правового института, признание наличия комплексных и межотраслевых субинститутов непосредственно связано с признанием наличия комплексных и межотраслевых институтов уголовного права. Если допустить наличие таких институтов, то логичным должно быть и наличие соответствующих субинститутов.

Между тем вопрос этот с сущностной точки зрения гораздо сложнее. Отметим вслед за С. В. Полениной необходимость различения комплексных внутриотраслевых и собственно межотраслевых институтов права. Если межотраслевой институт всегда является комплексным, поскольку включает в себя нормы различных отраслей права, то комплексный институт может существовать и внутри отдельно взятой отрасли, представляя собой как бы «вторичную перегруппировку» норм данной отрасли права, охватываемых разными отраслевыми институтами [6, с. 74]. При этом обнаруживаемые внутри комплексных институтов уголовно-правовые субинституты, во-первых, не перестают быть собственно уголовно-правовыми, а во-вторых, что особенно важно, сами по себе не становятся комплексными.

Что касается межотраслевых институтов, то они по определению не принадлежат какой-либо единой отрасли права. Определенная часть норм, образующих межотраслевой институт, принадлежит какой-либо одной определенной отрасли права [7, с. 81], а сам такой институт представляет собой, по словам С. С. Алексеева, результат «удвоения правовой материи», вторичное образование в структуре права [8, с. 130–132]. Межотраслевой институт – это институт именно права, а не отрасли права.

В этом отношении межотраслевой институт может быть образован как отдельными предписаниями различной отраслевой принадлежности, так и отдельными отраслевыми институтами и (или) субинститутами. Субинститут уголовного права может выступать элементом межотраслевого института. Например, норму о выдаче лиц,

совершивших преступление (ст. 13 УК РФ), будучи субинститутом уголовно-правового института действия уголовного закона по кругу лиц, вполне можно рассматривать в качестве компонента межотраслевого института экстрадиции. Однако и в данном случае факт включения уголовно-правового субинститута в состав межотраслевого института не меняет юридической природы субинституциональных предписаний: они остаются уголовно-правовыми, отраслевыми.

Таким образом, можно заключить, что наличие комплексных уголовно-правовых институтов и межотраслевых институтов, включающих уголовно-правовые предписания, не приводит к появлению комплексных или межотраслевых субинститутов уголовного права.

Предложенное понимание комплексных и межотраслевых институтов применительно к проблеме классификации субинститутов уголовного права дает тем не менее возможность представить особую градацию субинститутов. В частности, в зависимости от того, способен или не способен уголовно-правовой субинститут стать частью комплексного или межотраслевого института, можно выделить субинститут «двойного подчинения» и субинституты «ординарного подчинения».

Подводя итоги исследования вопросов, связанных с классификацией уголовно-правовых субинститутов, представляется возможным сформулировать некоторые выводы:

– классификация субинститутов уголовного права может строиться на основе использования нескольких критериев и позволяет выделить: 1) в зависимости от местоположения в системе уголовного права: субинституты институтов Общей части уголовного права, субинституты институтов Особенной части уголовного права; 2) по функциональному признаку: предметные, функциональные; 3) по социальному назначению: создающие альтернативу регулирования той или иной группы уголовно-правовых отношений, позволяющие апробировать на определенном участке уголовно-правового регулирования модель или способ правового регулирования;

4) по признаку времени действия: постоянно действующие, временные, чрезвычайные;
5) по преимущественному методу регулирования: императивные / диспозитивные, поощрительные / карательные;

– общая закономерность формирования субинститутов уголовного права отчетливо коррелирует с их классификационными параметрами; в качестве таковой следует признать формирование функциональных субинститутов в структуре предметных институтов (и наоборот), формирование поощрительных субинститутов в структуре

карательных институтов (и наоборот), формирование диспозитивных субинститутов в структуре императивных институтов (и наоборот), формирование субинститутов, содержательно тяготеющих к предписаниям Общей части, в структуре институтов Особенной части уголовного права (и наоборот). Такая закономерность отражает общую динамику развития отрасли уголовного права, системное многообразие его методов, усложнение предмета уголовно-правового воздействия, а также связь уголовного права с социальной и правовой средой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. 237 с.
2. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 232 с.
3. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб: Юридический центр «Пресс», 2002. 348 с.
4. Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград: Изд. НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1974. 151 с.
5. Орехов И. В. Проблемы классификации субинститутов права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 37–47.
6. Поленина С. В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия вузов. Правоведение. 1975. № 3. С. 71–79.
7. Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. 123 с.
8. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.

REFERENCES

1. Pudovochkin Yu. E. The doctrine of the fundamentals of criminal law. Lectures. Moscow: Yurlitinform, 2012. 237 p. (In Russ.)
2. Razgildiev B. T. Tasks of the criminal law of the Russian Federation and their implementation. Saratov: Saratov University Publishing House, 1993. 232 p. (In Russ.)
3. Konyakhin V. P. Theoretical foundations of the construction of the General part of the Russian criminal law. St. Petersburg: Law Center Press, 2002. 348 p. (In Russ.)
4. Radko T. N. Methodological issues of cognition of the functions of law. Volgograd: Publishing House of NIiRIO VSS of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1974. 151 p. (In Russ.)
5. Orekhov I. V. Problems of classification of sub-institutions of law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 1. P. 37–47. (In Russ.)
6. Polenina S. V. Complex legal institutions and the formation of new branches of law // News of universities. Jurisprudence. 1975. No. 3. P. 71–79. (In Russ.)
7. Osipov Yu. K. Jurisdiction of legal cases. Sverdlovsk, 1973. 123 p. (In Russ.)
8. Alekseev S. S. The structure of the Soviet law. M.: Legal literature, 1975. 264 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 08.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 343

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Алексей Алексеевич Эксархопуло¹, Айгуль Фаатовна Халиуллина²,
^{1,2} Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
¹ a.exarkhopulo@mail.ru, ² aigul229@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы предпосылки формирования специальных знаний, проведен исторический анализ различных подходов к понятию «специальные знания». Сложность расследования отдельных преступлений обуславливает необходимость привлечения сведущих лиц, помогающих следователю и суду решать вопросы, выходящие за рамки юридической специальности, которой они владеют. Приведены значимые критерии разграничения специальных и неспециальных знаний, а также критерии признания определенных групп лиц носителями специальных познаний.

Ключевые слова: специальные знания, лица, обладающие специальными знаниями, юридические знания, стратегия расследования.

Для цитирования: Эксархопуло А. А., Халиуллина А. Ф. К вопросу о сущности специальных знаний в российском уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 125–130.

Original article

ON THE ISSUE OF THE ESSENCE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alexey Alekseevich Exarkhopulo¹, Aigul Faatovna Khaliullina²,
^{1,2} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,
¹ a.exarkhopulo@mail.ru, ² aigul229@mail.ru

Abstract. The article analyzes the prerequisites for the formation of special knowledge, carries out a historical analysis of various approaches to the concept of “special knowledge”. The complexity of investigating individual crimes necessitates the involvement of knowledgeable individuals who help the investigator and the court to resolve issues that go beyond their legal specialty. Significant criteria for distinguishing between special and non-special knowledge, as well as criteria for recognizing certain groups of persons as carriers of special knowledge, are given.

Keywords: special knowledge, persons with special knowledge, legal knowledge, investigation strategy.

For citation: Exarkhopulo A. A., Khaliullina A. F. On the issue of the essence of special knowledge in the Russian criminal proceedings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. (100). P. 125–130.

При расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел нередко возникают вопросы, ответить на которые профессиональный юрист в силу ограниченности своих знаний не может. Какова причина смерти человека? Чей труп с признаками насилия был обнаружен? Какова действительная

стоимость похищенного имущества? Представляло или нет утраченное изделие историческую и художественную ценность? Кто подписал спорное завещание? Все эти вопросы способны поставить следователя или суд в трудное положение. Для получения на них ответов в уголовном судопроизводстве

© Эксархопуло А. А., Халиуллина А. Ф., 2023

и существует институт специальных знаний. Подобные ситуации возникают не только в юридической практике, но и в процессе осуществления любой иной деятельности, требующей соответствующих материальных и интеллектуальных ресурсов. Если в своем стремлении достичь поставленных целей человек будет рассчитывать исключительно на собственные силы, знания и опыт, то вполне вероятно, что его усилия окажутся малопродуктивными. Причиной тому является ограниченность наших знаний и накопленного опыта, формирующихся в отдельных профессиях, которые, отличаясь обособленностью, в реальных условиях оказываются не в состоянии удовлетворять всем запросам практики. В связи с этим зачастую только объединенными усилиями можно достичь поставленных целей.

«Человеческое знание, – подчеркивал выдающийся мыслитель XIX века Артур Шопенгауэр, – неизмеримо во все стороны, и из того, что достойно знания, никто в одиночку не может знать даже тысячной доли» [1, с. 711]. Сказанное в полной мере относится и к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, осуществление которой немислимо сегодня без обращения к сведущим лицам, помогающим следователю и суду решать вопросы, выходящие за рамки юридической специальности, которой они владеют. В своей правоохранительной практике следственным и судебным органам приходится обращаться к специалистам самых разнообразных профессий, представляющих многочисленные отрасли науки, техники, иных профессиональных сфер деятельности, и имеющих в своем арсенале знания, навыки, умения и опыт, которыми не обладают субъекты процессуального доказывания.

Основоположник криминалистики Ганс Гросс так писал о роли специальных знаний в расследовании преступлений: «Без сомне-

ния, важнейшим вспомогательным средством, имеющимся в распоряжении судебного следователя, являются лица сведущие, заключения которых часто оказывают решающее влияние на дело» [2, с. 188].

Впрочем, именно эта неоднозначность толкования специальных знаний на многие годы определила интерес ученых и практиков к данной проблеме, а ее решение признавалось важным как с точки зрения необходимости соблюдения законности при обращении за содействием к сведущим людям, так и с позиций определения пределов привлечения сведущих лиц к отправлению правосудия. При этом многие и ученые, и практики, занимавшиеся проблемой специальных познаний в уголовном судопроизводстве, в поисках ответа на вопросы о правомерности их использования предпочитали ограничиваться исключительно научным толкованием самого термина, причем, далеко не всегда обоснованным.

Обобщая высказанные учеными в разное время суждения о специальных знаниях и их сущности, мы можем констатировать, что на протяжении истории развития данного института эти вопросы решались по четырем основным направлениям, которые можно свести к следующим разновидностям:

1. Законодательная разработка перечня источников специальных знаний, привлекаемых в уголовное судопроизводство. Такие попытки стали предпринимать начиная с 1832 года, то есть с издания Свода Законов Российской Империи¹, и продолжались они на законодательном уровне вплоть до принятия в 2001 году Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»², а именно в качестве источников специальных знаний привлекались наука, техника, искусство и ремесло (ст. 2). Этот перечень был подтвержден и в п. 1 Постановления Пле-

¹ Свод законов Российской Империи. Издание в 16-ти томах // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 20.04.2023).

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Доступ из информационно-правового обеспечения «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 20.04.2023).

нума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹. На них и сегодня ученые ссылаются как на источники специальных знаний [3, с. 14], несмотря на неудачную формулировку, не допускающую, в отличие от Устава уголовного судопроизводства 1864 года² (далее – УУС, Устав), расширительного толкования.

Между тем, ни ограничение круга источников конкретными областями знаний, ни введение в закон положений, предполагающих возможность расширительного их толкования, не давали ответа на вопрос о правомерности использования отдельных из них для решения возникающих проблем. Не найдя приемлемого законодательного решения вопроса о сущности специальных познаний в уголовном процессе, законодатель, принимая в 2000 году новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), просто отказался устанавливать в нем перечень источников специальных знаний и навыков. Возможно, это было самое разумное решение.

2. Закрепление в законе списка обладателей специальных знаний, по которому можно было бы отчасти судить о сущности тех из них, которые могли быть использованы в уголовном судопроизводстве. В наше время усилия ученых в этом направлении прилагались в основном для того, чтобы сформулировать общие условия (критерии) признания определенных групп лиц носителями специальных знаний. Наибольшее распространение среди них получили такие признаки (критерии) обладания специальными знаниями, как:

а) необходимость их получения за рамками общеобразовательной подготовки или житейского опыта (А. В. Кудрявцев) [4, с. 7];

б) обладание такими знаниями ограниченным кругом лиц, «имеющих профессиональную подготовку и навыки, кроме правовых и криминалистических знаний, применяемых при производстве следственных действий» (Ю. К. Орлов) [5, с. 8];

в) получение специальных знаний в результате обучения (В. Д. Арсеньев, В. Г. Заблоцкий) [6, с. 4] и т. д.

Несложно заметить, что ни обладатели специальных навыков, умений, ни «сведущие люди», приобретшие «особенную опытность», под данную категорию не подходили. Видимо, именно эта недоработка позволила П. П. Ищенко высказать свое категорическое суждение о том, что «... в определении специальных знаний и навыков, используемых в уголовном судопроизводстве, не должно быть требований, связанных с образованием...» [7, с. 6].

3. Ограничение круга потребителей специальных знаний, имеющих право обращаться за содействием к сведущим лицам. Первым законодательным актом, назвавшим поименно субъектов «потребления» специальных знаний и навыков стал УУС 1864 года. Ими оказались мировые судьи (ст. 112 УУС), судебные следователи (ст. 325 УУС) и члены окружного суда (ст. 692 УУС). Неудивительно, что именно с этого момента стали появляться авторитетные суждения о том, что правовые знания для этих лиц не являются специальными. Так, комментируя нормы Устава, касающиеся привлечения «сведущих людей» в уголовный процесс, профессор М. Н. Гернет в 1914 году писал: «... заключение экспертов, как сведущих по той или иной специальности людей, является компетентным в отношении исключительно технических вопросов, оно ни в коем случае не может касаться вопросов юридических» [8,

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 20.04.2023).

² Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года / Доступ из информационно-правового обеспечения «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 20.04.2023).

с. 47]. И хотя сам Устав к решению вопроса о праве как области специальных познаний относился иначе, мысль о недопустимости ставить перед экспертами правовые вопросы в течение всех последующих лет поддерживалась большинством отечественных ученых, что и было закреплено в двух постановлениях Пленума Верховного Суда СССР (1971 года) и Российской Федерации (2010 года).

Такое отношение к юридическим знаниям, используемым в уголовном судопроизводстве, было вполне объяснимо и тогда – в годы проведения Судебных реформ середины XIX века, и в наше время – в начале XXI столетия. Ибо из установленного законодателем перечня «потребителей» специальных знаний, а в числе таковых до недавнего времени назывались только субъекты процессуального доказывания, следовало, что носителям таких знаний могут быть представители любых профессий, кроме юристов. И именно потому, что и следователи, и прокуроры, и судьи обязаны были сами владеть юридическими познаниями.

4. Поиск объективных критериев разграничения специальных и неспециальных знаний и навыков. Это направление установления круга тех видов познания, обращение к которым для решения возникающих специальных вопросов уголовно-процессуальный закон признает правомерным, стало преобладающим в исследованиях большинства ученых. И таких критериев ими было выработано немало. Одним из первых различать специальные и иные знания предложил А. А. Эйсман, назвав в качестве критерия разграничения признак их известности и доступности. Соответственно, автор считал специальными только знания «не общеизвестные и не общедоступные, которыми располагают ограниченный круг специалистов» [см. 9, с. 91]. Идею известного ученого поддержали многие криминалисты, используя близкие по смыслу формулировки. Например, Е. Р. Россинская еще в 1999 году писала: «Специальными именуется познания, не общераспространенные, не общеизвестные, которыми обладают лишь специалисты-профессионалы в той или иной области человеческих знаний» [10, с. 7].

Учеными предлагались и другие, на наш взгляд, менее значимые критерии разграничения специальных и неспециальных познаний. Анализируя в целом эти предложения, позволяющие отличать специальные познания от всех остальных, включая умения и профессиональный опыт, мы приходим к выводу, что ни одно из них в принципе не способно сформировать целостного представления о сущности тех знаний, которые в уголовном судопроизводстве принято называть специальными, как невозможно привести и исчерпывающий перечень носителей таких познаний, ибо таковых окажется не только не меньше, а скорее всего существенно больше количества в принципе существующих в мире отраслей знания, профессий, профессиональных занятий, особых навыков, умений и т. д. Здесь не помогут никакие критерии не помогут: ни уровень образования, как не способный отразить все разнообразие приобретаемых специальных знаний, профессиональных навыков и умений, ни степень доступности тех или иных знаний, которые, чтобы стать для их потребителя «специальными», надлежит осваивать каждым сведущим лицом индивидуально. И не факт, что они окажутся недоступными для освоения или потребления массами населения. Например, знание закона доступно любому человеку с детства. Л. Е. Владимиров более ста лет назад писал: «... законы – вовсе не наука, а правила поведения, правила, в общих чертах известные каждому гражданину, потому что они познаются с детства путем воспитания и участия в общественной жизни...» [11, с. 301].

Не прибавит ясности в решении рассматриваемого вопроса и оценка уровня известности тех или иных специальных сведений из науки, техники и т. д., как невозможная ни по каким объективным критериям, ни какие-либо иные признаки, претендующие на статус определяющих сущность специальных познаний. На это, кстати, еще в 1968 году обратил внимание З. М. Соколовский, назвав неудачной попытку противопоставить специальные знания общежитейским и общеизвестным, ибо в зависимости от

обстоятельств дела и иных условий одни и те же знания могут быть отнесены в одном случае к специальным, в другом – к общеизвестным [12, с. 117].

Примерно к такому же выводу пришли в итоге и многие ученые, в том числе те, кто в свое время выдвигал и поддерживал предложения о разграничении специальных и обыденных знаний по признаку их «не общеизвестности», «не общедоступности» или «не общераспространенности». Так, Е. Р. Россинская уже после принятия в 2000 году нового УПК РФ обоснованно заметила: «Соотношение специальных и общеизвестных знаний по своей природе изменчиво, зависит от уровня развития социума и интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека. Расширение и углубление знаний о каком-то явлении, процессе, предмете приводит к тому, что знания становятся более дифференцированными, системными, доступными все более широкому кругу лиц...». По мнению автора, дефиниция «общеизвестные знания» «носит... субъективный, оценочный характер, также как и термин «общеобразовательная подготовка» [13,

с. 11]. Эту изменившуюся, а вернее сказать уточненную позицию известного ученого поддержали и другие авторы [14, с. 5].

Еще более категорично высказалась Т. В. Аверьянова: «... полагаем, что термин «не общеизвестные» не вполне корректен и данный критерий как признак специальных знаний действительно не имеет права на существование» [15, с. 181]. Трудно не согласиться с мнением известного ученого, признанного специалиста в области общей теории судебной экспертизы.

Таким образом, критериев для объективного разграничения специального и неспециального не существует и существовать не может. А значит, не существует и возможности исчерпывающе очертить круг специальных знаний, перечислив их в каком бы то ни было списке. Видимо, придется искать иные подходы к решению проблемы уяснения сущности специальных познаний, привлечение которых для собирания, исследования, оценки и использования доказательств по уголовным делам допускает закон. По нашему мнению, с прежними подходами данная проблема, не решается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шопенгауэр А. Афоризмы и истины. М.: «Эксмо-Пресс», 1999.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб, 1908.
3. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. 2-е изд-е перераб и доп. М.: Проспект, 2017.
4. Кудрявцев А. В. Понятие «специальные знания». Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие / под ред. Ф. Г. Аминова. Уфа: УЮИ МВД России, 2010.
5. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учебное пособие. М.: Юристь, 1995.
6. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. А. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986.
7. Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. М.: Юридическая литература, 1990.
8. Статкус В. Ф. О правовой экспертизе и юристах «второго сорта» // Российская юстиция. 2006. № 1.
9. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М., 1967.
10. Россинская Е. Р. Профессия – эксперт (Введение в юридическую специальность). М.: Юристь, 1999.
11. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000.
12. Соколовский З. М. Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний для установления причинной связи явлений: дис. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1968.

13. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Норма, 2008.
14. Зинин А. М. Участие специалиста-криминалиста в процессуальных действиях: учебник. М.: Проспект, 2011.
15. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006.

REFERENCES

1. Schopenhauer A. Aphorisms and Truths. M.: Eksmo-Press, 1999. (In Russ.)
2. Gross G. Guide for forensic investigators as a system of criminalistics. St. Petersburg, 1908. (In Russ.)
3. Tarasov A. A. Expert and specialist in the criminal proceedings of Russia: monograph. 2nd ed. revised and suppl. M.: Prospekt, 2017. (In Russ.)
4. Kudryavtsev A. V. The concept of “special knowledge”. Forensic support for the disclosure and investigation of crimes: textbook / ed. F. G. Amineva. Ufa: ULI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. (In Russ.)
5. Orlov Yu. K. Expert’s opinion and its assessment (in criminal cases): textbook. M.: Jurist, 1995. (In Russ.)
6. Arseniev V. D., Zablotskiy V. A. The use of special knowledge in establishing the actual circumstances of a criminal case. Krasnoyarsk, 1986. (In Russ.)
7. Ishchenko P. P. Specialist in investigative actions. Criminal procedure and forensic aspects. M.: Legal literature, 1990. (In Russ.)
8. Statkus V. F. About legal expertise and “second-class” lawyers // Russian justice. 2006. No. 1. (In Russ.)
9. Eisman A. A. Expert opinion. Structure and scientific justification. M., 1967. (In Russ.)
10. Rossinskaya E. R. Profession – expert (Introduction to the legal specialty). M.: Jurist, 1999. (In Russ.)
11. Vladimirov L. E. The doctrine of criminal evidence. Tula: Autograph, 2000. (In Russ.)
12. Sokolovsky Z. M. The problem of using special knowledge in criminal proceedings to establish a causal relationship of phenomena: dis. ... doc. legal Sciences. Kharkov, 1968. (In Russ.)
13. Rossinskaya E. R. Judicial examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. 2nd edition, revised and enlarged. M.: Norma, 2008. (In Russ.)
14. Zinin A. M. Participation of a forensic specialist in procedural actions: a textbook. Moscow: Prospekt, 2011. (In Russ.)
15. Averyanova T. V. Forensic examination. General theory course. M.: Norma, 2006. (In Russ.)

Информация об авторах:

Эксархопуло А.А., доктор юридических наук, профессор;
Халиуллина А.Ф., кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Exarkhopulo A. A., Doctor of Law, Professor;
Khaliullina A. F., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 23.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 808.5

МЕДИАЦИЯ КАК ФОРМА ЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Зиля Вагизовна Баишева¹, Олеся Алексеевна Безземельная²

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, zbaisheva@yandex.ru

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, olesik_2009@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается альтернативный внесудебный способ разрешения конфликтной ситуации (медиация), активно применяемый в последние десятилетия в профессиональной юридической деятельности. Описываются коммуникативные умения и навыки, необходимые медиатору на разных этапах медиации. Делается вывод об особой значимости владения юристом-медиатором целым рядом коммуникативных, в частности речевых, умений и навыков для проведения успешной медиации в рамках профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: медиация, медиатор, процедура медиации, профессиональная юридическая коммуникация, речевая коммуникация.

Для цитирования: Баишева З. В., Безземельная О. А. Медиация как форма юридической коммуникации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 131–136.

Original article

MEDIATION AS A FORM OF LEGAL COMMUNICATION

Zilya V. Baisheva¹, Olesya A. Bezzemelnaya²

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, zbaisheva@yandex.ru

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, olesik_2009@mail.ru

Abstract. The article considers an alternative out-of-court way of resolving a conflict situation (mediation), which has been actively used in recent decades in professional legal activity. The article describes the communication skills and abilities necessary for a mediator at different stages of mediation. The conclusion is made about the special importance of the lawyer-mediator's possession of a number of communicative, in particular speech skills and abilities for successful mediation in the framework of professional communication.

Keywords: mediation, mediator, mediation procedure, professional legal communication, speech communication.

For citation: Baisheva Z. V., Bezzemelnaya O. A. Mediation as a form of legal communication // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 131–136.

Медиация – «относительно новое явление в жизни российского общества» [1, с. 9]. Она стала применяться в России лишь в последние три десятилетия. Видимо, по этой причине в отечественной науке пробле-

ма определения медиации все еще остается дискуссионной. В Федеральном законе процедура медиации определяется как «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия

сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения»¹. В учебной литературе для будущих юристов в аспекте профессиональной юридической коммуникации медиация определяется как «переговоры с участием нейтрального посредника (медиатора)» [2, с. 312]. Медиатор – «независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора»².

Исследованием процедуры медиации занимаются социологи, политологи, психологи, юристы и др. Вопросы применения медиации в юридической сфере активно исследуются теоретиками и практиками юриспруденции [3; 4; 5; 6; 7; 8 и др.]. Широко известны исследования «всемирно признанного эксперта в области альтернативного разрешения споров, международного медиатора» Ц. А. Шамликашвили [1, с. 5], в которых медиация характеризуется как уникальный способ урегулирования споров с привлечением профессиональной помощи медиатора [9; 10; 11 и др.].

Как форма юридической коммуникации медиация рассматривается в учебной литературе [12; 13 и др.]. Однако в этих работах нет детального описания техник медиации. В целом в учебной и научной литературе практически отсутствуют исследования медиации в аспекте речевого взаимодействия ее участников. Между тем для того чтобы медиация была эффективной, медиатор должен владеть многими коммуникативными навыками, в том числе навыками речевой коммуникации.

Рассмотрим поэтапно, какие навыки крайне необходимы для успешного выполнения медиатором его функций в процессе медиации.

Первый этап – введение в медиацию. Главное на этой стадии – подготовка сторон

к переговорам. Это очень важный этап, так как эффективность всей дальнейшей процедуры во многом определяется именно началом, тем, насколько понятным будет для сторон весь последующий процесс. Здесь медиатору необходимы умения устанавливать контакт с собеседниками, создавать атмосферу доброжелательности, вызывать доверие к себе. Крайне важно для медиатора – умение говорить, т. е. четко, понятно, кратко формулировать свои мысли, вести диалог – задавать вопросы, отвечать на вопросы сторон, оставаясь при этом эмоционально нейтральным, упорно вести стороны к следующему этапу медиации.

На следующем этапе – презентация сторон – особое значение имеет умение медиатора слушать. Это должно быть активное (рефлексивное) слушание с применением специальных приемов, способствующих обработке получаемой информации, таких как выяснение, перефразирование и резюмирование. Прием выяснения заключается в обращении к говорящему за уточнениями. При этом уместны выражения: «Что вы имеете в виду?»; «Пожалуйста, уточните» и др. Прием перефразирования заключается в собственном формулировании медиатором слов говорящего с целью смягчить слишком эмоциональные либо негативные высказывания стороны конфликта, субъективное сделать более объективным. При этом целесообразно применять выражения: «Вы считаете, что...»; «Как я вас понял...» и др. Прием резюмирования представляет собой пересказ услышанного с выделением основных моментов ситуации и фактов. Пересказ медиатора необходим, чтобы говоривший услышал себя со стороны, понял, как воспринимаются его слова другим участником процедуры и насколько адекватно восприятие и интерпретация переданного сообще-

¹ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 01.04.2023).

² Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 01.04.2023).

ния. В заключении пересказа медиатор, как правило, задает вопросы: «Я вас правильно понял?»; «Я ничего не упустил?». На этом этапе также важно умение медиатора выделять в получаемой информации главные моменты и тезисно фиксировать их.

На этапе дискуссии сторонам конфликта предоставляется возможность высказать свои замечания, свои чувства по отношению друг к другу, возможно, дополнительную информацию по существу спора. Главная цель дискуссии – сформулировать вопросы, по которым сторонам предстоит прийти к согласию. На этом этапе в деятельности медиатора проявляется его умение четко формулировать мысли, выделять в получаемой информации главное, логически последовательно располагать материал. Очень важно при этом оставаться беспристрастным, корректным, влиять своим поведением на поведение сторон конфликта.

Кокус, или индивидуальная беседа с каждой стороной конфликта, проводится с целью подготовить участников медиации к дальнейшим плодотворным переговорам. Здесь вновь особую значимость приобретает умение медиатора слушать. В ходе активного слушания целесообразно применять такие приемы, как выяснение, перефразирование, отражение чувств, резюмирование. Немаловажным также является умение работать с информацией: быстро анализировать поступающий материал, выявлять по ходу слушания настоящие интересы сторон, возможные точки соприкосновения их позиций, формулировать вопросы и предложения, исходя из реальных интересов сторон. В ходе формулирования выдвигаемых сторонами предложений медиатор тестирует их на реалистичность. Здесь важно умение задавать вопросы: следует так формулировать вопросы, чтобы они заставляли задуматься над ситуацией, как бы заглянуть в будущее, на несколько шагов вперед, увидеть, что может произойти при дальнейшем развитии конкретной ситуации. При этом обязательно звучит вопрос: «Как вы думаете, что будет, если...?».

Следующий этап – выработка предложений для улаживания спора. Здесь проявля-

ется прежде всего умение медиатора вести дискуссию. Посредник выступает руководителем обсуждения: детально разбирается каждый вопрос, стороны совместно формулируют предложения, при этом медиатор активно участвует в их редактировании. Эффективность этого этапа зависит также от умения медиатора задавать вопросы: посредник должен удостовериться в том, что сформулированные предложения реалистичны и стороны вкладывают в эти формулировки одинаковый смысл.

На этапе составления соглашения медиатор проверяет и перепроверяет формулировки выдвинутых предложений, добивается того, чтобы стороны вместе с ним тщательно еще раз продумали пункты соглашения, вчитались в каждое слово. Посредник должен убедиться в том, что обе стороны конфликта понимают все положения соглашения и полностью принимают их. Вновь проявляются умения медиатора задавать вопросы, ясно, четко, однозначно формулировать мысли, редактировать письменный текст, оставаться эмоционально нейтральным.

На последнем этапе – выход из медиации – медиатор задает вопросы с целью узнать, насколько стороны удовлетворены результатом и самой процедурой переговоров, побудить стороны оценить свое эмоциональное состояние после процесса медиации. Здесь также проявляется умение медиатора устанавливать и сохранять контакт с собеседниками.

Особо отметим умение, которое проявляется на каждом этапе медиации, – это умение задавать вопросы. Для медиатора крайне важно умение задавать точные и уместные в данной ситуации вопросы. Выбор типов вопросов, задаваемых на том или ином этапе, зависит от задач, которые могут быть решены постановкой соответствующего вопроса. Так, на первом этапе уместны вопросы, которые способствуют установлению доброжелательной доверительной атмосферы, т. е. вопросы, которые помогут участникам конфликта успокоиться, освоиться в данной ситуации. С этой целью медиатор не просто информирует стороны о процедуре медиации

ции, о принципах и правилах ее проведения, о регламенте работы и т. п., а спрашивает у сторон, приходилось ли им раньше принимать участие в медиации и т. п.

На этапах презентации сторон, дискуссии, кокуса целесообразны прямые уточняющие, проясняющие вопросы: «Что вы имели в виду?»; «Как вы можете по-другому сформулировать свою точку зрения?». Для получения дополнительной информации следует применять открытые вопросы. Они не определяют содержание ответа, не ограничивают отвечающего в выборе информации. Закрытые же вопросы используются, если необходимо быстро получить однозначный ответ по известному уже моменту. В данном случае закрытые вопросы позволяют уточнить какие-то детали, расставить точки над «i».

На этапе дискуссии или кокуса весьма полезны, на наш взгляд, вопросы, помогающие встать на позицию оппонента: «Как вы думаете, что бы сказал по этому поводу ваш оппонент?».

Воронкообразные вопросы в ходе кокуса помогают выяснить суть проблемы, какой ее представляет себе участник конфликта, и убрать негативные эмоции. Начиная с общего, обычно открытого вопроса, медиатор постепенно переходит к более узким, уточняющим вопросам, которые формулируются как закрытые.

С целью уточнения информации, а также для того, чтобы удостовериться в правильном понимании сказанного, медиатор задает участнику конфликта вопросы о тех фактах, деталях, о которых собеседник уже сообщал, либо повторяет вопрос, на который уже был дан ответ, в новой формулировке.

В последние годы медиация становится все более востребованным способом разрешения споров. Думается, этот факт следует учитывать и в процессе подготовки будущих юристов. Как справедливо отмечают исследователи, далеко не каждый может стать успешным медиатором. Для этого нужны определенные способности, личностные качества: «мастерство медиатора требует особого склада ума, умения импровизировать,

способности контролировать свои эмоции» [1, с. 57]. Эти свойства личности крайне важны для медиатора, но их недостаточно: нужна «серьезная теоретическая и практическая подготовка» [1, с. 57]. Названные выше коммуникативные, в том числе речевые, умения и навыки следует развивать у студентов в ходе всего учебного процесса в юридическом вузе. Необходимо специальное обучение студентов медиации как форме профессиональной юридической коммуникации. При этом особое внимание должно уделяться овладению студентами практическими умениями и навыками проведения медиации. Для этого целесообразно организовывать ролевые игры в учебных аудиториях, просмотр и обсуждение реальных процедур медиации и т. п.

Таким образом, несмотря на растущую популярность процедуры медиации и большой интерес к ней теоретиков и практиков разных научных направлений и сфер деятельности, техники медиации все еще изучены недостаточно. Необходимо выявление и описание речевых умений и навыков, значимых для проведения эффективной медиации. На основе рассмотрения обязательных этапов медиации мы пришли к некоторым выводам.

Во-первых, для успешного проведения процедуры медиации медиатор должен владеть целым рядом коммуникативных, в том числе речевых, умений и навыков. Среди наиболее важных – умение устанавливать контакт с собеседниками и поддерживать его на протяжении всей коммуникации, создавать атмосферу доброжелательности, вызывать доверие к себе; умение четко, ясно, лаконично формулировать свои мысли, вести диалог; умение слушать; умение работать с получаемой информацией (выделять и кратко записывать главное, логически последовательно располагать полученные данные, редактировать письменный текст); умение задавать вопросы, вести дискуссию и т. п.

Во-вторых, умение задавать вопросы оказывается одним из наиболее значимых умений медиатора, так как проявляется на

каждом этапе медиации. При этом типы вопросов выбираются в зависимости от задач, решаемых посредником на данной стадии процедуры. Это могут быть прямые уточняющие, проясняющие вопросы; открытые, закрытые; вопросы, помогающие встать на позицию оппонента; воронкообразные, уточняющие и др.

В-третьих, процедура медиации – сложнейший процесс, успешность которого обуславливается как определенными свойствами личности, так и степенью владения медиатором рядом коммуникативных умений и навыков. При этом речевые умения и навыки посредника, на наш взгляд, являются ключевыми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шамликашвили Ц. А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. 77 с.
2. Воскобитова Л. А., Захаров В. В., Ливи М. Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения. М.: Дело, 2001. 416 с.
3. Елисеева Т. С. Процессуальные аспекты медиации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 180 с.
4. Зайченко А. С. Адвокат и медиация // Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах: сборник научных статей Международной научно-практической конференции 19–20 апреля 2018 г. Ростов-на-Дону, 2018. С. 6–9.
5. Латынин О. А. К вопросу о процедуре медиации при рассмотрении дел арбитражным судом // Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах: сборник научных статей международной научно-практической конференции 19–20 апреля 2018 г. Ростов-на-Дону, 2018. С. 77–83.
6. Лусегенова З. С. Формальные и неформальные способы разрешения споров // Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах: сборник научных статей Международной научно-практической конференции 19–20 апреля 2018 г. Ростов-на-Дону, 2018. С. 21–25.
7. Матюшкова А. И. Медиация и семейное право // Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах: сборник научных статей Международной научно-практической конференции 19–20 апреля 2018 г. Ростов-на-Дону, 2018. С. 29–35.
8. Минкина Н. И. Медиация как альтернативный способ урегулирования конфликтов: монография. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2017. 158 с.
9. Об авторе // Шамликашвили Ц. А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. С. 5–8.
10. Шамликашвили Ц. А. Медиация как метод внесудебного разрешения споров. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2006. 86 с.
11. Шамликашвили Ц. А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров. М., Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2010. 160 с.
12. Доброхотова Е. Н. Профессиональные навыки юриста: учебник для вузов / Е. Н. Доброхотова [и др.]; под общей редакцией Е. Н. Доброхотовой. М.: Издательство Юрайт, 2022. 326 с.
13. Немытина М. В. Профессиональные навыки юриста: учебник и практикум для вузов / М. В. Немытина [и др.]. М.: Издательство Юрайт, 2020. 211 с.

REFERENCES

1. Shamlikashvili Ts. A. Mediation – a modern method of out-of-court dispute resolution. Moscow: Publishing House of Interregional Center for Managerial and Political Consulting LLC, 2017. 77 p. (In Russ.)
2. Voskobitova L. A., Zakharov V. V., Livi M. Professional skills of a lawyer: Practical training experience. Moscow: Delo, 2001. 416 p. (In Russ.)
3. Eliseeva T. S. Procedural aspects of mediation: diss. ... cand. of law sciences. M., 2017. 180 p. (In Russ.)

4. Zaichenko A. S. A lawyer and mediation // Topical issues of mediation application in various fields: collection of scientific articles of the International scientific and practical conference on April 19–20, 2018. Rostov-on-Don, 2018. P. 6–9. (In Russ.)

5. Latynin O. A. On the issue of mediation procedure when considering cases by the arbitration court // Topical issues of mediation application in various fields: collection of scientific articles of the International scientific and practical conference on April 19–20, 2018. Rostov-on-Don, 2018. P. 77–83. (In Russ.)

6. Lusegenova Z. S. Formal and informal ways of dispute resolution // Topical issues of mediation in various fields: collection of scientific articles of the International scientific and practical conference on April 19–20, 2018. Rostov-on-Don, 2018. P. 21–25. (In Russ.)

7. Matyushkova A. I. Mediation and family law // Topical issues of mediation application in various fields: collection of scientific articles of the International scientific and practical conference on April 19–20, 2018. Rostov-on-Don, 2018. P. 29–35. (In Russ.)

8. Minkina N. I. Mediation as an alternative way of conflict resolution: monograph. M. – Berlin: Direct-Media, 2017. 158 p. (In Russ.)

9. About the author // Shamlikashvili Ts. A. Mediation – a modern method of out-of-court dispute resolution. Moscow: OOO Interregional Center for Managerial and Political Consulting Publishing House, 2017. P. 5–8. (In Russ.)

10. Shamlikashvili Ts. A. Mediation as a method of out-of-court dispute resolution. M.: OOO Interregional Center for Managerial and Political Consulting Publishing House, 2006. 86 p. (In Russ.)

11. Shamlikashvili Ts. A. Mediation as an alternative dispute settlement procedure. M., OOO Interregional Center for Managerial and Political Consulting Publishing House, 2010. 160 p. (In Russ.)

12. Dobrokhotova E. N. Professional skills of a lawyer: textbook for universities / E. N. Dobrokhotova [et al.]; under the general editorship of E. N. Dobrokhotova. M.: Yurayt Publishing House, 2022. 326 p. (In Russ.)

13. Nemytina M. V. Professional skills of a lawyer: textbook and workbook for universities / M. V. Nemytina [et al.]. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 211 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Баишева З. В., доктор филологических наук, доцент;
Безземельная О. А., без ученой степени.

Information about the authors:

Baisheva Z. V. Doctor of Philology, Associate Professor;
Bezzemel'naya O. A., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 378.016:811.111

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА

Байбурина Римма Зигануровна

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, RimmaBajburina@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-8202-4780

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования иноязычной лексической компетенции в контексте реализации компетентностного подхода в соответствии с требованиями к языковой подготовке будущего специалиста и обсуждаются этапы ее становления в процессе изучения языка специальности. После проведенного анализа научной методической литературы автором формулируется определение профессионально ориентированной лексической компетенции в сфере юриспруденции. В работе описываются наиболее эффективные лексические упражнения с точки зрения обучающихся 1–2 курсов Уфимского юридического института МВД России с опорой на проведенное исследование. На примере отдельной лексической темы излагается алгоритм формирования коммуникативных навыков, необходимых для осуществления профессиональной деятельности в иноязычной среде в рамках межкультурного общения. Рекомендуются комплекс учебных заданий, направленных на усвоение и закрепление терминологического минимума. Освещаются перспективные направления для дальнейшего изучения эффективности различного рода упражнений.

Ключевые слова: компетентностный подход, профессионально ориентированная лексическая компетенция, юриспруденция, упражнение, языковая подготовка.

Для цитирования: Байбурина Р. З. Методика формирования профессионально ориентированной лексической компетенции у обучающихся юридического вуза // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2. С. 137–143.

Original article

THE METHODOLOGY OF FORMING OF THE LAW STUDENTS' PROFESSIONALLY FOCUSED LEXICAL COMPETENCE

Rimma Z. Bajburina

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, RimmaBajburina@yandex.ru, ORCID 0000-0002-8202-4780

Abstract. The article deals with the formation of foreign language lexical competence in the context of the implementation of the competence approach in accordance with the requirements for the language training of a future specialist and discusses the stages of its formation in the process of learning of the language of the specialty. After the analysis of the scientific methodological literature the author formulates the definition of professionally focused lexical competence in the field of jurisprudence. Basing on the done research, the paper describes the most effective lexical exercises from the point of view of the 1–2 years cadets of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. An algorithm for the formation of communicative skills necessary for the implementation of professional activity in a foreign language field within the framework of intercultural communication is presented on the example of a separate lexical topic. A set of tasks is recommended for learning of a terminological minimum. Promising directions for further study of the effectiveness of various kinds of exercises are highlighted.

Keywords: competence-based approach, professionally-focused lexical competence, jurisprudence, an exercise, language training.

© Байбурина Р. З., 2023

For citation: Bajburina R. Z. The methodology for the formation of professionally focused lexical competence among students of a law institute // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2 (100). С. 137–143.

Во многих научных работах, рассматривающих компетентностный подход к обучению иностранным языкам, подчеркивается важность формирования коммуникативной компетенции для развития вторичной языковой личности, готовой к межкультурной коммуникации в условиях быстро развивающегося мира и расширения деловых контактов. Новая парадигма Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования предписывает любому будущему специалисту овладеть способностью осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на иностранном языке и воспринимать межкультурное разнообразие общества. Реализация компетентностного подхода в юридическом вузе решает задачу обучения языку специальности путем формирования иноязычных навыков и умений в сфере профессиональной деятельности (юриспруденции). В своей статье О. В. Кудряшова отмечает, что компетенция как раз отличается от просто умений тем, что подразумевает психологическую готовность «к взаимодействию в процессе решения различных проблем и наличие определенных морально-этических установок и качеств личности» [1]. Таким образом, мы говорим о владении иностранным языком на таком уровне, который необходим для решения профессиональных задач.

Традиционно коммуникативная компетенция рассматривается как некая совокупность лингвистического, социокультурного, социолингвистического, стратегического, социального, компенсаторного, дискурсивного, межкультурного компонентов. В данной работе мы остановимся на вопросе становления профессионально ориентированной лексической компетенции. Степень владения терминологическим вокабуляром влияет на способность понимать аутентичные источники по специальности для получения достоверных данных, на умение добывать и использовать информацию в

профессионально ориентированной коммуникации.

Лексический аспект языка представляет собой основу обучения. Под лексической единицей мы подразумеваем слово, устойчивое словосочетание или идиому [2]. Соответствующий набор лексических единиц формируется с учетом языка специальности. В нашем случае мы говорим о языке юриспруденции. Актуальность исследования методики обучения лексике вызвана потребностью совершенствования процесса формирования лексических навыков. Под лексическим навыком нами понимается «автоматизированное действие по выбору лексической единицы адекватно замыслу и в соответствии с нормами сочетания с другими единицами в продуктивной речи, а также автоматизированное восприятие и ассоциирование со значением в рецептивной речи» [3]. С. Г. Тер-Минасова раскрывает понятие лексической компетенции через «способность человека определять контекстуальное значение слова, сравнивать объем его значения в двух языках, понимать структуру значения слова, основанную на лексических знаниях, навыках, умениях, а также личном языковом и речевом опыте» [4].

Анализ научной методической литературы показал, что в структуре лексической компетенции чаще всего выделяют мотивационный, когнитивный и операционный элементы. Так, мотивационное звено отвечает за осознание важности изучения терминологического вокабуляра для будущего применения в профессиональной деятельности. Когнитивное звено отвечает за знания и опыт познавательной активности, необходимые для осуществления коммуникативной деятельности. Операционное звено подразумевает способность правильно реализовывать такие традиционные виды иноязычной деятельности, как аудирование, чтение, письмо и говорение [5].

Алгоритм формирования лексической компетенции представляет собой поэтапную работу с лексической единицей: устное представление в предложении или контексте ситуации; упражнения на активное и пассивное распознавание; процесс выявления смысла (упражнения на перевод, языковую догадку, невербальное восприятие); отработка фонетической формы; упражнения на закрепление и активизацию использования [6].

Перефразируя определение, которое дала в своем диссертационном исследовании О. И. Жданько применительно к инженерной сфере, мы толкуем профессионально ориентированную лексическую компетенцию в юридической области как «способность применять лексические единицы при осуществлении профессионально ориентированного общения при решении задач в юридической сфере». Она подчеркивает, что данная компетенция представляется главной в структуре профессионально ориентированной коммуникативной компетенции будущего выпускника любой специальности [7].

Таким образом, мы начинаем работу с введения лексического минимума по изучаемой теме и завершаем активным использованием для решения различных речевых задач. Обучающиеся понимают значение лексических единиц, знают, как они пишутся и произносятся, употребляют верные грамматические формы, умеют подбирать соответствующие синонимы и антонимы.

Обучение иностранному языку строится на взаимодействии с различными видами упражнений. Под «упражнением» понимается «структурная единица методической организации учебного материала, используемого в учебном процессе». Упражнения – это «целенаправленные, взаимосвязанные действия, предлагаемые для выполнения в порядке нарастания языковых и операционных трудностей, с учетом последовательности становления речевых навыков и умений и характера реально существующих актов речи» [3]. Теории лексических упражнений посвящены труды многих исследователей [8;

9; 10; 11]. Традиционно упражнения классифицируются по их назначению, по характеру материала, по способу выполнения. Также упражнения можно разделить на группы в зависимости от того, на развитие какого вида речевой деятельности или аспекта языка они направлены. И. Ф. Мусаелян приводит такие три основные группы упражнений, как «языковые (подготовительные); условно-речевые (условно-коммуникативные); речевые (коммуникативные)» [12]. Применение этих видов упражнений позволяет поэтапно сформировать необходимые коммуникативные навыки.

Совместно с коллегами из Башкирского педагогического университета им. М. Акмуллы нами было проведено исследование с целью выяснить, какие упражнения для работы с лексикой наиболее эффективны с точки зрения обучающихся. Опрос проводился в форме онлайн-тестирования. В нем приняли участие обучающиеся 1–3 курсов Института филологического образования и межкультурных коммуникаций, изучающие язык как будущую специальность, и курсанты 1–2 курсов Уфимского юридического института МВД России, изучающие дисциплину «Иностранный язык» в составе Базового цикла обязательной части учебного плана. Общее количество составило 100 опрошенных в равных долях от каждого учебного заведения [13]. Вопросы о необходимом количестве информантов для получения достоверных результатов при проведении экспериментального исследования мы рассматривали в нашей предыдущей работе [14].

Анализ результатов показал, что самыми эффективными были названы упражнения на прямой и обратный перевод слова с английского языка на русский, трансформацию, подстановку; задания на подбор соответствия по дефиниции, по картинке, по синониму или антониму; составление диалогов-ситуаций, своих собственных предложений с новой лексикой; пересказ в виде «снежного кома»; ролевые (обучающие) игры. Необходимо отметить, что студенты языковых специальностей оценили такие

виды работы над лексикой, как диктант и индивидуальный опрос как «частично эффективные», а курсанты – как «высоко эффективные». Нам представляется, что такое расхождение вызвано тем, что будущие филологи должны обладать обширным пассивным и активным словарным запасом во многих областях знаний, поскольку в будущем они должны сами преподавать язык. И такие «простые» задания на уровне слова кажутся им слишком легкими для их уровня подготовки. Для них большую привлекательность имеет работа на уровне текста. Специфика обучения в неязыковом вузе состоит в том, что прежде, чем активно использовать новый терминологический вокабуляр в иноязычной коммуникативной деятельности, необходимо запомнить новые лексические единицы, натренировать их использование с азов, самых простых упражнений. Также разное отношение к видам заданий, несомненно, связано с уровнем языковой подготовки абитуриентов, поступающих на языковую или неязыковую специальность.

Далее приведем примеры лексических упражнений, которые мы используем на практических занятиях по теме «Международное сотрудничество полицейских. Интерпол, Европол» по дисциплине «Иностранный язык» для обучающихся второго курса.

Система упражнений выстраивается таким образом, чтобы сначала осуществлялась тренировка вокабуляра, потом чтение основного текста, овладение лексическим минимумом по изучаемой теме, далее задания на развитие и совершенствование приобретенных языковых навыков.

Vocabulary link представлен новой терминологической лексикой по теме, например: *police organization* – полицейская организация, *to facilitate* – содействовать, *police cooperation* – полицейское сотрудничество, *to establish* – устанавливать, учреждать, *combat international crime* – бороться с международной преступностью.

Слова отрабатываются в процессе фонетической зарядки, в ходе чтения, фронтального и индивидуального опроса, письменного диктанта.

Основной единицей изучения выступает базовый текст. Например:

What is Interpol

«...*Interpol (the International Criminal Police Organization) is the largest international police organization in the world. It was set up in 1923 at the meeting of police officers from 20 countries in Vienna to facilitate cross-border criminal police cooperation and today has 182 member countries spread over five continents. It supports and assists all organizations, authorities and services whose mission is to prevent or combat international crime...*» [15].

Далее осуществляется работа с информацией, содержащейся в тексте:

1. Подбор эквивалентов перевода слов и выражений на английском языке, например: финансовые преступления и преступления в сфере высоких технологий; обеспечить быструю и надежную систему связи; оказывать помощь в зарубежных расследованиях; список разыскиваемых преступников; доступ к международной базе данных, или обратный перевод на русский: *the constant growth of international exchanges; fight international crime; cross-border criminal police cooperation; authorities and services.*

2. Заполнение пропусков в предложениях: *Interpol maintains a large ... keeping unsolved ... and both convicted and ... criminals.*

3. Подбор синонимов:

1) <i>mission</i>	a) <i>cease</i>
2) <i>beginning</i>	b) <i>outbreak</i>
3) <i>stop</i>	c) <i>aim</i>

4. Подбор антонимов:

1) <i>decreasing</i>	a) <i>official</i>
2) <i>unofficial</i>	b) <i>outbreak</i>
3) <i>cease</i>	c) <i>growing</i>

5. Подбор дефиниций к словам:

1) <i>smuggling</i>	a) <i>the activity of illegally buying and selling goods, such as drugs or weapons</i>
2) <i>trafficking</i>	b) <i>dishonest or immoral behaviour, usually by people in positions of power</i>
3) <i>corruption</i>	c) <i>taking something into or out of a place in an illegal or secret way;</i>

6. Вопросно-ответная работа по тексту.

7. Пересказ текста в виде «снежного кома», когда обучающиеся по очереди пересказывают текст, добавляя свое предложение и повторяя то, что уже было сказано до этого.

8. Пересказ текста с использованием опорных картинок.

Для закрепления лексических навыков и развития навыков аудирования мы предлагаем посмотреть ролик “INTERPOL 100 Years of International Police Cooperation” с видеохостинга Youtube, который находится в свободном доступе по ссылке <https://www.youtube.com/watch?v=3nbWliAStPs>. Текст видео включает лексику по теме. Продолжительность фильма составляет всего пять минут, он легок для восприятия, динамичен. Особое внимание обучающимся мы обращаем на такие транснациональные преступления, упоминающиеся в видеоролике, как *drugs trafficking, smuggling, cybercrime, exploitation, terrorism, intimidation, forgery, theft of vehicles or of works of art, crimes against children, trafficking in human beings, counterfeit goods, illicit medicines, environmental crime*. Чтение и перевод основного текста, послетекстовые упражнения выполняют роль преддемонстрационного этапа. На постдемонстрационном этапе обучающиеся отвечают на вопросы по содержанию.

Для развития навыков диалогической речи курсанты в парах составляют мини-диалоги на тему «Работа Интерпола»:

– *What's Interpol?*

– *Interpol is an International Criminal Police Organization which helps police in member countries to work together to make the world a safer place.*

– *When was it founded?*
– *Interpol was founded in 1923 in Vienna.*
– *What are its functions?*
– *Its duties are to share and access data on crimes and criminals, and offer a range of technical and operational support.*

На завершающем этапе изучения лексической темы хорошо себя зарекомендовало творческое задание приготовить презентацию и доклад по изучаемой теме. Курсанты охотно его выполняют, потому что даже обучающиеся со слабой языковой подготовкой способны найти дополнительную информацию, составить красочную мультимедийную презентацию и представить ее в учебной аудитории, что несомненно повышает их мотивацию к изучению иностранного языка и раскрывает креативный потенциал.

Таким образом, формирование профессионально ориентированной лексической компетенции в сфере юриспруденции преодолевает стадии ознакомления с новым лексическим материалом, его тренировки и закрепления, а затем последующего использования в речи профессиональной лексики.

Сфера наших дальнейших изысканий лежит в рассмотрении оценки эффективности различных видов языковых упражнений в процессе формирования коммуникативной компетенции с точки зрения преподавателей иностранных языков. Достоинно внимания проведение анализа результатов входного и выходного тестирования после изучения как отдельных тем, так и дисциплины в целом. Перспективным представляется исследование использования разного рода заданий в электронной образовательной среде в рамках дистанционного обучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудряшова О. В. Компоненты коммуникативной компетенции при обучении письменной речи // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2007. № 15 (87).
2. Сакаева Л. Р., Баранова А. Р. Методика обучения иностранным языкам (учебное пособие для студентов Института математики и механики им. Н. И. Лобачевского по направлению «педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)»). Казань, КФУ, 2016. 189 с.
3. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. Москва: Слово, 2000. 624 с.
5. Ятаева Е. В. Учебный глоссарий как средство развития учебной иноязычно- лексической компетенции в профессиональном языковом образовании: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2007. 297 с.
6. Татарничева С. Н. Методика обучения иностранным языкам: теория и практика: электронное учебное пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2021.
7. Жданько О. И. Методика формирования профессионально ориентированной лексической компетенции обучающихся в техническом вузе: дис. ... канд. пед. Наук. Нижний Новгород, 2016. 181 с.
8. Бим И. Л. Подход к проблеме упражнений с позиции иерархии целей и задач // Иностранные языки в школе. 1985. № 5. С. 30–37.
9. Пассов Е. И. Сорок лет спустя, или Сто и одна методическая идея. Москва: Глосса-Пресс, 2006. 240 с.
10. Измайлов М. А. Проблема системы упражнений в методике обучения иностранным языкам // Методика преподавания иностранных языков: общий курс / отв. ред. А. Н. Шамов. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2008. С. 66–76.
11. Солоницына А. С. Облачные технологии как средство развития иноязычной лексической компетенции будущих учителей иностранного языка // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2021. Вып. 5. С. 160–176.
12. Мусаелян И. Ф. О некоторых проблемах классификации системы упражнений в методике преподавания иностранных языков // Современное педагогическое образование. 2020. № 5.
13. Байбурина Р. З., Волкова Н. В., Каримова Л. Н. Формирование лексической компетенции у студентов языковых и неязыковых специальностей // Педагогический журнал Башкортостана. 2022. № 4 (98). С. 53–64.
14. Байбурина Р. З. Методика экспериментального исследования английской глагольной лексики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 130–135.
15. Петрова Е. А. и др. Law and order. Crime and punishment (English for law enforcers). Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2019. 352 с.

REFERENCES

1. Kudryashova O. V. Components of communicative competence in teaching written speech // Bulletin of SUSU. Series: Linguistics. 2007. № 15 (87). (In Russ.)
2. Sakaeva L. R., Baranova A. R. Methods of teaching foreign languages (textbook for students of the Lobachevsky Institute of Mathematics and Mechanics in the direction of “pedagogical education (with two training profiles)”). Kazan, KFU, 2016. 189 p. (In Russ.)
3. Azimov E. G., Shchukin A. N. A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching foreign languages). Moscow: IKAR Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)
4. Ter-Minasova S. G. Language and intercultural communication. Moscow, 2000. 624 p. (In Russ.)
5. Yataeva E. V. Terms glossary as a means of developing lexical competence in language learning: Candidate’s thesis. 13.00.08. Yekaterinburg, 2007. 297 p. (In Russ.)
6. Tatarnitseva S. N. Methods of teaching foreign languages: theory and practice electronic textbook. Togliatti: TSU Publ., 2021. (In Russ.)
7. Zhdanko O. I. Methodology of formation of professionally focused lexical competence of students at a technical university: Candidate’s thesis. Nizhniy Novgorod, 2016. 181 p. (In Russ.)
8. Bim I. L. Approach to the problem of creating exercises from the perspective of the hierarchy of objectives. // Foreign languages at school. 1985. № 5. P. 30–37. (In Russ.)
9. Passov E. I. Forty years after or a hundred and one methodological ideas. Moscow: Glossa-Press Publ., 2006. 240 p. (In Russ.)
10. Izmailov M. A. The problem of the system of exercises in the methodology of teaching foreign languages. In: Methods of teaching foreign languages: general course: [teaching guide] / Edited by A. N. Shamov. Moscow: AST: Vostok-Zapad Publ., 2008. P. 66–76. (In Russ.)
11. Solonitsyna A. S. Cloud technologies as a means of developing foreign language lexical competence of future foreign language teachers. // Bulletin of the SUSHPU. 2021. № 5. P. 160-176. (In Russ.)

12. Musaelyan I. F. On some problems of classification of the system of exercises in the methodology of teaching foreign languages // Modern pedagogical education. 2020. № 5. (In Russ.)

13. Bajburina R. Z., Volkova N. V., Karimova L. N. Forms of developing lexical competence in students of linguistic and non-linguistic specialties // Pedagogical Journal of Bashkortostan. 2022. № 4 (98). P. 53–64. (In Russ.)

14. Bajburina R. Z. Methods of experimental research of English verbal vocabulary // Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. № 3 (97). P. 130–135. (In Russ.)

15. Petrova E. A. and others. Law and order. Crime and punishment (English for law enforcers). Ufa: Ufa Law Institute of the MIA of Russia, 2019. 352 p.

Информация об авторе:

Байбурина Р. З., кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

Bajburina R. Z. Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 22.02.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ

Гульнара Рифовна Искандарова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, ischtuganowa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается когнитивно-психологическая структура понимания текста, приводятся особые правила, реализация которых должна улучшить читаемость и обработку юридических документов, снизить эмоциональное неприятие простыми гражданами. Наиболее важным из положений считается ссылка на известные источники информации для понимания неизвестного. На государственном уровне (на примере Германии) предлагаются возможности лингвистической оптимизации текстов законопроектов. Описывается работа лингвистов-экспертов редакционного отдела «Юридический язык» при Федеральном министерстве юстиции и защите прав потребителей, направленная на редактирование немецкого официального языка, снятие трудностей при чтении и восприятии законодательных документов. В ходе языковой обработки юридических текстов сложные высказывания преобразуются в доступные для понимания предложения, производятся различного рода трансформации с учетом текущих языковых тенденций.

Ключевые слова: текст, процесс понимания, ментальная модель, когнитивно-психологические предпосылки, юридический язык, лингвистическое редактирование.

Для цитирования: Искандарова Г. Р. Юридический текст: границы понимания и языковая оптимизация // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 144–150.

Original article

LEGAL TEXT: BOUNDARIES OF UNDERSTANDING AND LANGUAGE OPTIMIZATION

Gulnara R. Iskandarova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
ischtuganowa@mail.ru

Abstract. The article deals with the cognitive-psychological structure of understanding the text, provides special rules, the implementation of which should improve the readability and processing of legal documents, reduce emotional rejection by ordinary citizens. The most important of the provisions is the reference to known sources of information for understanding the unknown. At the state level (on the example of Germany), the possibilities of linguistic optimization of the texts of draft laws are offered. The article describes the work of linguistics experts of the editorial department “Legal Language” at the Federal Ministry of Justice and Consumer Protection, aimed at editing the German official language, removing difficulties in reading and perceiving legislative documents. During the language processing of legal texts, complex utterances are transformed into understandable sentences, various kinds of transformations are made taking into account current language trends.

Keywords: text, process of understanding, mental model, cognitive-psychological conditions, legal language, linguistic editing

For citation: Iskandarova G. R. Legal text: boundaries of understanding and language optimization // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 144–150.

Правосудие и язык неразрывно связаны друг с другом. Язык судебной системы – это

юридический язык, то есть язык законов и государственного управления. Прежде все-

го, он служит для регулирования поведения граждан и его правовых последствий. Любое правовое государство основано на добровольном поведении гражданина. Гражданин должен следовать закону, он несет ответственность за выполнение своих обязанностей и использование своих прав. По этой причине все соображения о языке и юстиции должны начинаться с того, кто должен соблюдать акты правосудия и управления, будь то законы, постановления или приказы, т. е. с гражданина. Послушание предполагает понимание, потому что «то, что невозможно понять, не имеет шансов на то, чтобы быть понятым и соблюденным»¹.

Что касается правосудия и языка, важно, чтобы гражданин как можно лучше понимал язык лица, применяющего закон, например, судьи, прокурора, административного должностного лица. Поскольку лингвистические действия судебных органов и администрации в основном совершаются в письменной форме, в данной статье рассматривается оптимизация письменного языка. Для оптимизации текстов, например, решений, постановлений, одних правил формулирования недостаточно. Если мы хотим писать понятные тексты, мы должны понимать, как наш язык-инструмент влияет на человека, которому мы хотим что-то передать: на гражданина. Это требует междисциплинарного подхода. Ответы дает лингвистика и, прежде всего, психология. Право – это только предмет, который предполагается передать. Ввиду этого сначала следует показать, что обозначает понимание текста с лингвистической точки зрения. Затем рассматриваются правила понимания с точки зрения психологии с основными процессами в нашем мозгу и применяются к формулированию юридических текстов. Наконец, с лингвистической, психологической и юридической точки зрения, следует изучить, в какой степени юридический язык как профессиональный язык вызывает трудности в понимании.

Понимать текст – значит знать, чего хочет автор. Основываясь на эмпирических

исследованиях того, что испытуемые извлекают из текстов, исходят из того, что понимание текста является ментальной моделью содержания текста. Любой, кто понимает текст, строит семантическое описание текстового содержания на основе входящей лингвистической информации (текста) и существующих знаний, которые ею активизируются. Это описание является ментальной моделью реальности. Она сопоставима с представлением о реальности, которое возникает при непосредственном восприятии фактов, описанных в тексте.

Развитие ментальной модели включает в себя:

1. Распознавание структуры предложения и возможное разрешение синтаксических двусмысленностей.

2. Понимание содержания (уровень высказываний), понимание основных единиц значения. Осознанное кем-либо содержание может быть переведено, например, на другой язык, но не может быть оценено как истинное или ложное. Если, например, кто-то пытается перевести предложение с какого-либо языка на немецкий язык, из которого понимает только отдельные выражения, он достигает только уровня пропозиции, то есть понимания содержания только этих выражений, но без понимания значения предложения.

3. Референциальное понимание; отношение содержания к реальности происходит, например, когда человек признает, что текст относится к конкретному реальному объекту.

4. Логическое понимание; связь признанных фактов с существующими знаниями. Факты приписываются определенным концепциям и интегрируются в концептуальную сеть в мозгу [1, с. 76].

Строительными блоками ментальной модели являются высказывания, отдельные элементы содержания предложения, отфильтрованные читателем в форме предикативно-аргументных структур. Пропозиции являются мельчайшими единицами смысла

¹ Herzog, Roman. Süddeutsche Zeitung vom. 09.07.1999.

и обработки текста. Даже этот первый этап обработки отделен от формулировки и представляет значения. Каждый может понять это по тому, насколько легко воспроизвести предложение в соответствии с его содержанием (свободно формулируются только пропозиции, то есть понятные компоненты содержания предложения) и насколько сложно воспроизвести предложение дословно. Понимание содержания требует распознавания синтаксической структуры предложения и разрешения любых разночтений.

Предложения как базовые строительные блоки затем становятся ментальной моделью в том смысле, что мы связываем их с реальностью (референциальное понимание) и интегрируем их с ранее активированными априорными знаниями (логическое понимание). Коммуникация между автором текста и реципиентом (гражданином) успешна в том случае, когда ментальная модель реципиента согласуется с концепцией реальности, которую автор хотел создать данным текстом. Следовательно, текст является руководством к построению ментальной модели реальности, которую он описывает.

Процесс понимания, как известно, протекает в человеческом мозгу. Способ работы мозга, который выходит за рамки этой статьи, приводит нас к специальным правилам обучения, применимым к любой передаче информации. Следует упомянуть самые важные из них, объяснить их когнитивно-психологическими и биологическими предпосылками и связать их с понятным для граждан юридическим и административным языком.

1. Объекты необходимо располагать в начале высказывания.

Если что-то нужно сказать об известном объекте, то объект нужно поставить перед утверждением об объекте. Причина этого кроется в том, как наш мозг хранит информацию, а именно путем «связывания» нервных клеток через синапсы или изменения существующей проводки. Это делается в три этапа. Прежде всего, поступающая информация запускает электрическую активность в той области мозга, в которой хранят-

ся подходящие термины. Эта электрическая активность – сверхбыстрая память. Ее емкость записи составляет всего около 18 секунд, после чего она перезаписывается новой информацией до бесконечности. На втором этапе выбранная часть информации из сверхкраткосрочной памяти сохраняется в виде белковых схем (молекул РНК) [2, с. 77]. Некоторые из этих схем распадаются, другие на третьем этапе хранения приводят к образованию белка в мозгу, который навсегда изменяет существующие связи и, таким образом, передает информацию в долговременную память.

Информация не хранится в одной нервной клетке. Долговременная память состоит из сети связанных нервных клеток, одновременная активность которых делает содержимое памяти осознанным. Если вы визуализируете эту структуру мозга, объект, о котором должно быть сделано утверждение, определяет место хранения этого утверждения в мозгу. Если вы размещаете высказывание за высказыванием, не имея представления об объекте, то утверждения уже теряются в сверхкраткой памяти из-за отсутствия точки соприкосновения. Таким образом, связующее знание необходимо активировать на ранней стадии, выделив объект, о котором что-то должно быть сказано [3, с. 54]. Это можно сделать с помощью разделов с обобщающими заголовками, параграфов, перечислений, разложения на составные слова, например, *Gesamtumsatzrabatkartellvertrag* ‘картельное соглашение о скидках с общих продаж’.

2. Высказывания не должны быть слишком длинные и содержательные.

Самое позднее через 18 секунд содержимое сверхкраткой памяти «перезаписывается» новой информацией. В результате чего предложение нужно читать снова, потому что начало предложения уже было забыто. Существительные напрягают память больше, чем другие слова. Поэтому слишком длинные предложения и цепочки существительных трудно понять. Это также связано с тем, что грамматические отношения становятся тем более неоднозначными, чем длин-

нее становится предложение. Примерами служат бесчисленные споры о том, на какие предыдущие половинчатые предложения ссылается стандартное придаточное предложение. Сложнее связать двусмысленность с существующей информацией, поэтому она не сохраняется в краткосрочной и долгосрочной памяти. Несмотря на эти недостатки, которые неизбежно связаны с длинными предложениями, у юристов часто возникает иррациональный страх разделить единство высказывания на несколько предложений.

3. Всегда объясняйте то, что читателю неизвестно, с помощью того, что ему известно.

Мозг – это сеть. Отдельные термины не хранятся в отдельных клетках мозга. Однако биологической основой термина является одновременная активность определенных групп нейронов. Итак, у каждого концепта имеется физическое место в мозгу. Новые вещи необходимо локализовать, подчинив их терминам, с которыми они должны быть связаны, чтобы оба могли активировать друг друга. Это назначение происходит через синаптическую связь с группой нейронов, несущих термин.

Помимо отсутствия точек соприкосновения, существует проблема ментальной блокады. Этот механизм стресса, который изначально имел смысл в эволюции, возникает, когда что-то совершенно неизвестно с точки зрения содержания и / или структуры. Неизбежная реакция – это бегство, защита или разочарование. То, что действительно понятно для гражданина, отвергается, потому что остается для него чуждым, поскольку не делается ссылок на знакомые вещи. Чтобы избежать этого, необходимо предоставить дополнительные средства для понимания неизвестного.

4. Не следует отчуждать то, что известно читателю, посредством того, что читателю неизвестно.

То, что известно, немедленно активирует клетки мозга. Эмоциональное узнавание знакомых вещей создает ощущение безопасности и контроля над ситуацией. Это нужно предоставить читателю, не добавляя

ненужные неизвестные. В случае с фактами, которые известны гражданину, краткая формулировка, содержащая ключевые слова, повышает понятность гораздо больше, чем ненужная дополнительная информация, которая может вызвать только недопонимание. Например, ошибкой является повторение именных фраз, неиспользование местоимений там, где их использование было бы однозначным. Здесь читатель должен выполнить ненужный шаг обработки информации: «Означает ли новая именная фраза то же, что и в предыдущем предложении?». В этих случаях лучше четко связать то, что уже известно из предыдущего предложения с помощью обычного местоимения, избегая менее ясных демонстративных местоимений. Одно и то же всегда следует называть одинаково, даже если встречаются некрасивые повторы, поскольку официальный текст – это не эссе.

5. Объекты и утверждения нужно делать видимыми.

Мозг получает больше информации через зрительное восприятие, чем через чтение текста. Это связано с тем, что текст можно записывать только последовательно и его нужно обрабатывать более интенсивно [4, с. 226]. Рамки, диаграммы и графики повышают понятность там, где они охватывают смысловые единицы, а не расчленяют их.

Вышеописанная когнитивная психологическая глубинная структура процесса понимания текста лежит в основе лингвистической оптимизации юридических текстов на этапе законотворчества в ФРГ. В апреле 2009 года при Федеральном министерстве юстиции и защите прав потребителей создан редакционный отдел юридического языка.

Когда редакционный отдел «Юридический язык» получает законопроект для редактирования, то сначала применяется так называемый принцип «четырёх глаз»: минимум два лингвиста обрабатывают проект, чтобы эффективно изучить и объективно оценить индивидуальное языковое восприятие. Лингвистические альтернативы часто можно найти совместно, а не в одиночку за столом, и тот факт, что отрывок текста яв-

ляется двусмысленным или непонятным, иногда становится очевидным только тогда, когда разные люди понимают его по-своему.

В процессе редактирования сотрудники редакции проверяют правописание, пунктуацию и грамматику стандартного текста. Текст структурируется для удобства чтения, а термины проверяются на предмет их общей разборчивости. Номинальный стиль, типичный для официального немецкого языка, заменяется, как и длинные цепочки определений в родительном падеже или придаточных предложений. Чтобы сделать язык закона более понятным, проводятся стилистические изменения – упрощение структуры текста, сокращение предложений [5, с. 116].

Каким образом может выглядеть результат подобного лингвистического редактирования, рассмотрим на следующих примерах:

Исходная формулировка:

Für Kosten, die den Unternehmen X und den Unternehmen Y durch Dienstleistungen oder Dienste nach diesem Gesetze entstehen, für die die Unternehmen nach ihren für die Allgemeinheit geltenden Tarifen Anspruch auf Entgelte gegen Dritte haben, oder die durch Maßnahmen entstehen, die der Vorbereitung der Sicherstellung der Dienstleistungen oder Dienste dienen, wird keine Entschädigung gewährt.

Для покрытия расходов, понесенных предприятием X и предприятием Y в связи с оказанием услуг, предоставляемых в соответствии с настоящим законом, за которые компании имеют право на оплату в отношении третьих лиц в соответствии с их тарифами, применимыми ко всему сообществу, или расходов, возникающих в результате мероприятий, связанных с подготовкой к предоставлению услуг или при оказании услуг, компенсация не выплачивается.

Отредактированная формулировка:

Die Unternehmen X und Y haben keinen Anspruch auf Entschädigung für Kosten, die ihnen durch Dienstleistungen oder Dienste nach diesem Gesetze entstehen, soweit sie hierfür Entgeltansprüche gegen Dritte haben. Dasselbe gilt für Kosten, die für die Vorbereitung der Sicherstellung anfallen.

Компании X и Y не имеют права на компенсацию расходов, понесенных в связи с услугами в соответствии с настоящим законом, если в связи с этим у них есть право на оплату в отношении третьих лиц. То же самое относится и к расходам, связанным с подготовкой к предоставлению услуги.

В результате языковой оптимизации произведены некоторые преобразования. Подлежащее вынесено в начало предложения, пассивная конструкция заменена на активную, а лишние слова и фразы удалены. Одно длинное предложение трансформировано в два более коротких и доступных для понимания предложения.

Трудным для чтения и восприятия считается следующее высказывание в исходной редакции:

Die Bewilligung wird erteilt, wenn gewährleistet ist, dass die Überwachung und die <...> Prüfung im Rahmen der Truppenverwendung nicht mit einem zum wirtschaftlichen Bedürfnis außer Verhältnis stehenden Verwaltungsaufwand verbunden sind.

Разрешение выдается, когда гарантируется, что мониторинг и <...> проверка в рамках использования войск не связаны с несообразными административными расходами, предназначенными для экономических потребностей.

В ходе лингвистической корректировки вместо отрицания была выбрана положительная формулировка, т. е. выполнена лексико-семантическая трансформация при одновременном снятии отрицания [6, с. 97]:

Die Bewilligung wird erteilt, wenn gewährleistet ist, dass der Verwaltungsaufwand für die Überwachung und für die <...> Prüfung im Rahmen der Truppenverwendung mit einem angemessenen Verhältnis zu dem wirtschaftlichen Bedürfnis steht.

Разрешение выдается, когда гарантируется, что административные расходы на мониторинг и <...> аудит в контексте использования войск находятся в пропорциональной зависимости от экономических потребностей.

Редакционный отдел «Юридический язык» также обращает внимание на выбор

слов в законодательных текстах. Немецкий язык отличается тем, что допускает почти бесконечное чередование именных основ для создания новых, более длинных существительных за счет словосложения. Этой возможностью в достаточной степени пользуется официальный язык. Для удобства чтения сотрудники отдела юридического языка и редакционной коллегии следят за тем, чтобы многочленные композиты по возможности не допускались в стандартных текстах. Например, если обработать все возможные интерпретации морфологических компонентов сложного существительного *Verordnungsfolgenabschätzung* 'оценка последствий предписания', то общее значение такого композита легче понять, если вместо него применить лексическое развертывание *Abschätzung der Folgen dieser Verordnung* 'оценка последствий данного предписания'.

Не только четкий выбор слов облегчает понимание текста, но и соответствующее духу времени использование лексических единиц. Так, в новых законопроектах устаревшие термины, такие как *vier vom Hundert* 'четыре из ста', *aus neuester Zeit* 'с недавних пор', *Ableben* 'смерть', *Ablichtung* 'копия', последовательно заменяются на общепринятые в юридическом языке (*vier Prozent* 'четыре процента', *aktuell* 'текущий', *Tod* 'смерть', *Kopie* 'копия' соответственно). Модные слова, такие как *ganzheitlich* 'целостный' или *multifunktional* 'многофункциональный', обычно следует избегать, чтобы обеспечить понятность стандартных текстов и поддерживать их длительно в актуальном состоянии. Иностранные слова также не должны использоваться в стандартном тексте.

Исключением из этого правила являются случаи, для которых нет подходящего немецкого слова. В первую очередь, это касается области информационных технологий (*Browser* 'веб-браузер', *Software* 'программное обеспечение', *Live-Übertragung* 'прямая трансляция' и т. д.). Однако здесь и в других случаях необходимо учитывать текущие языковые тенденции и языковые традиции, включая юридические термины.

Между общедоступным языком и языком права существуют различные взаимосвязи, которые необходимо учитывать при составлении и редактировании юридических текстов [7, с. 149]. Кроме того, при разработке понятных стандартных текстов важны не только языковое взаимодействие, но и прежде всего тесное сотрудничество, взаимное обучение и обмен опытом юристов и языковых экспертов. Немецкая модель демонстрирует, что данная концепция может привести к успеху.

Прямой и практичный междисциплинарный обмен между правом и языком находит свое выражение на совместных заседаниях редакционной коллегии отдела мониторинга, ответственного министерства и редакционного отдела «Юридический язык».

В ходе беседы можно обсудить предложения по языковым и структурным изменениям и уточнить некоторые вопросы. С юридической точки зрения такой обмен мнениями свидетельствует о том, что лингвистические неясности часто указывают на несоответствия в содержании. Вопросы языковой группы, представляющей «взгляд со стороны», с таким же успехом могут стать вопросами широкой общественности. Предложения языковой группы по внесению изменений могут быть немедленно приняты соответствующим специализированным советом либо будут отклонены, либо эксперты будут совместно искать альтернативные решения. На сегодняшний день это позволило добиться значительных улучшений языка законопроектов.

Итак, на уровне понимания содержания юридического текста законодатель должен уделять особое внимание тому факту, что понимание содержания является избирательным для непрофессионалов, знакомое с большей вероятностью будет понято, чем неизвестное, которое легко не заметить. Знание юридической терминологии само по себе не способствует пониманию. По всей видимости, решающее значение имеют специальные юридические знания, которыми не особенно хорошо владеют обычные

граждане, и полисемный характер многих юридических терминов, в силу чего они с

трудом узнаваемы в текстах и, соответственно, замедляют понимание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dietrich, Rainer/Kühn, Katja Transparent oder verständlich oder wie was verstanden wird – Eine empirische Untersuchung zum Verstehen eines juristischen Textes // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 118 (2000). P. 67–95.
2. Vester, Frederic Denken, Lernen, Vergessen. Was geht in unserem Kopf vor, wie lernt das Gehirn, und wann läßt es uns im Stich? 29. Auflage. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 2001. 249 p.
3. Lasser, Ingeborg Verständliche Gesetze – eine Utopie? Bemerkungen aus linguistischer Sicht zur sprachlichen Gestaltung von BGB und ZGB der DDR // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 118 (2000). P. 34–66.
4. Diederich, Georg Sprachliche Normen für die Verwaltung? – Ja! // Der öffentliche Sprachgebrauch. Bd. 2. Die Sprache des Rechts und der Verwaltung. Stuttgart, 1981. P. 222–237.
5. Атабекова А. А., Удина Н. Н. Проблемы реформирования правового дискурса: преодоление трудностей понимания юридического текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 606. С. 113–119.
6. Архипов А. Ф. Самоучитель перевода с немецкого языка на русский. М.: Высшая школа, 1991. 255 с.
7. Искандарова Г. Р. О взаимодействии юридического английского языка и общелитературного стандарта // Вестник Уфимского юридического института. 2020. № 1 (87). С. 148–154.

REFERENCES

1. Dietrich, Rainer/Kühn, Katja Transparent or understandable, or how what is understood – An empirical study for understanding a legal text // Journal of Literary Studies and Linguistics. 118 (2000). P. 67-95. (In Germ.)
2. Vester, Frederic Think, learn, forget. What is going on in our head, how does the brain learn, and when does it let us down? 29th Edition. Munich: German Paperback Publishing, 2001. 249 p. (In Germ.)
3. Lasser, Ingeborg Understandable laws – a utopia? Remarks from a linguistic point of view on the linguistic design of the Civil Code of the GDR // Journal of Literary Studies and Linguistics. 118 (2000). P. 34–66. (In Germ.)
4. Diederich, Georg Linguistic norms for administration? – Yes! // The public use of language. Vol. 2. The language of law and administration. Stuttgart, 1981. P. 222–237. (In Germ.)
5. Atabekova A. A., Udina N. N. Problems of reforming legal discourse: overcoming difficulties in understanding the legal text // Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2010. No 606. P. 113–119 (In Russ.)
6. Arkhipov A. F. Self-help guide for translation from German into Russian. M.: Higher School, 1991. 255 p. (In Russ.)
7. Iskandarova G. R. On the interaction of English language of law and general literary standard // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No 1 (87). P. 148–154. (In Russ.)

Информация об авторе:

Искандарова Г. Р., доктор филологических наук, доцент.

Information about the author:

Iskandarova G. R., Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 81'37

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕНОТАТИВНОЙ МАТРИЦЫ

Валентина Николаевна Шашкова

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия,
valentina.shash@mail.ru

Аннотация. В статье на материале нескольких синонимических рядов, относящихся к области юриспруденции, показана возможность разграничения идеографических синонимов на английском языке посредством составления денотативной матрицы. Синонимические ряды, послужившие материалом исследования, включают “arrest” – “detention” – “apprehension”, “attack” – “assault” – “battery”, а также “defamation” – “libel” – “slander”. Посредством такой разновидности семантического анализа, как анализ словарных дефиниций, для каждого синонимического ряда выделены группы семантических признаков, наличие или отсутствие которых в семантической структуре термина на английском языке, а также их специфическая корреляция являются дифференцирующими для каждого термина в рассматриваемом синонимическом ряду. Составление денотативной матрицы – это эффективный инструмент для семантизации лексических средств и их активизации при работе над темой устной речи, так как матрица способствует установлению прочных парадигматических связей в подязыке профессии.

Ключевые слова: идеографические синонимы, семантический анализ, анализ словарных дефиниций, денотативная матрица, семантический признак, родо-видовые отношения.

Для цитирования: Шашкова В. Н. Идеографические синонимы сквозь призму денотативной матрицы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2. С. 151–157.

Original article

IDEOGRAPHIC SYNONYMS THROUGH THE PRISM OF THE DENOTATIVE MATRIX

Valentina N. Shashkova

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V. V. Lukyanov, Orel, Russia, valentina.shash@mail.ru

Abstract. Based on the material of several synonymic rows related to the field of law, the article shows the possibility of differentiating ideographic synonyms in English. The synonymic rows that served as the material of the study include “arrest” – “detention” – “apprehension”, “attack” – “assault” – “battery” and “defamation” – “libel” – “slander”. By means of such a variety of semantic analysis as the analysis of dictionary definitions, we distinguish the groups of semantic features, the presence or absence of which in the semantic structure of the term in English, as well as their specific correlation are differentiating characteristics for each term in the synonymic rows under consideration. Compilation of a denotative matrix is an effective tool for semantization of lexical means and their activation when working on the topic of oral speech, since the matrix contributes to the establishment of strong paradigmatic links in the sublanguage of the profession.

Keywords: ideographic synonyms, semantic analysis, dictionary definition analysis, denotative matrix, semantic feature, hyper-hyponymic relations.

For citation: Shashkova V. N. Ideographic synonyms through the prism of the denotative matrix // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2 (100). P. 151–157.

Юридическая терминология на английском языке может представлять собой се-

рьезную проблему не только для переводчика, но и для специалиста, работающего

© Шашкова В. Н., 2023

в сфере юриспруденции. Неудивительно, что наиболее частотные вопросы курсантов касаются способов дифференциации терминов, являющихся идеографическими синонимами и относящихся к определенной лексико-семантической группе. В. В. Арнольд, анализируя подходы к идеографическим синонимам, дифференцирует лексемы в рамках синонимического ряда по дополнительным значениям или по употреблению, включая синтагматические связи, но чаще и тем и другим, поскольку устойчивые контексты употребления тесно связаны со смысловой структурой и влияют на значение слова [1, с. 297].

Стилистические синонимы или территориально закрепленные варианты (*a lineup* (American English) – *an identity parade* (British English) для обозначения процедуры опознания) не вызывают сложностей в восприятии. Однако идеографические синонимы, отличающиеся семным составом, требуют установления дифференциальных признаков, которые были бы своего рода идентификационным маркером для выбора конкретной единицы в процессе производства высказывания. В качестве примера можно привести множество наименований соучастника преступления (*a principal / a principal offender, an accomplice, an accessory, an abettor, an aider, a confederate, a conspirator*), которые были выявлены в результате анализа нормативных правовых актов США, для дифференциации которых были определены 11 признаков [2, с. 124–125], включающих характер действий при совершении преступления, временной промежуток, в который оказывалась помощь исполнителю, и другие семы.

В качестве материала исследования были выбраны три синонимических ряда, которые типично вызывают вопросы курсантов о семантическом объеме и концеп-

туальном содержании соотносимых лексем. Анализ словарных дефиниций как метод экспликации семного состава синонимов потребовал обращения к толковым англоязычным словарям. В качестве справочных материалов для исследования были использованы Cambridge Dictionary¹, Oxford Advanced Learner's Dictionary², Macmillan Dictionary³, the Free Dictionary⁴.

К основным принципам составления денотативной матрицы относятся: фиксация только тех лексико-семантических вариантов, которые актуализируются в юридическом подязыке (как правило, это маркируется стилистическими пометами в словаре), возможность постановки двойного знака «+/-» в случае, если в одном лексико-семантическом варианте наличествует определенная сема, а в другом – отсутствует, ранжирование подзначений и их конкретизация в случае широкого знания ключевого семантического признака.

Первый синонимический ряд представлен следующими лексемами: «arrest», «apprehension», «detention» (см. таблицу 1).

Анализ полученной денотативной матрицы позволяет констатировать гиперогипонимические отношения в рассматриваемом синонимическом ряду: лексема «arrest» выступает гиперонимом по отношению к гипонимам «apprehension» и «detention». Лексема-гипероним сочетает в себе значения и ареста, и задержания, поэтому в матрице можно видеть двойные знаки. Так, в частности, результат процессуального действия, именуемого «arrest», – это тюремное заключение, штраф или комбинация тюремного заключения и штрафа (в зависимости от уголовного законодательства конкретных штатов), если актуализируется лексико-семантический вариант “*the state of being kept in a place, especially a prison, and prevented*

¹ Cambridge Dictionary / URL: <https://www.dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 13.01.2023).

² Oxford Learner's Dictionary / URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 16.01.2023).

³ Macmillan Dictionary Online / URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 16.01.2023).

⁴ The Free Dictionary / URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 16.01.2023).

Таблица 1 – Денотативная матрица для лексем «arrest», «apprehension» и «detention»

семь лексемы		Arrest	Apprehension	Detention
Цель -	допрос	+/-	+	+
	наказание в виде лишения свободы	+	-	-
Условие -	обоснованное сомнение	+/-	+	+
	собранный доказательная база	+	-	-
Результат -	арест	+/-	+	+
	тюремное заключение, штраф или комбинация тюремного заключения и штрафа	+	-	-
Степень тяжести преступления -	небольшая	+/-	+	+
	средняя или высокая (тяжкие и особо тяжкие преступления)	+	-	-
Продолжительность изоляции -	короткий промежуток времени (типично до 48 часов)	+/-	+	+
	продолжительный период: а) до передачи дела в суд; б) до внесения залога; в) до вынесения приговора	+	-	-
Предъявление официального обвинения		+	-	-
Ограничения на передвижения человека		+	+	+
В ассертивной части семантики – акт задержания		-	+	-
В ассертивной части семантики – содержание под стражей		+	-	+
Экспликация возможных причин в вербальном контексте		+/-	-	+/-

from leaving” / содержание в каком-либо месте, особенно в тюрьме, без возможности покинуть его (здесь и далее перевод выполнен автором статьи – В. Ш.). Притом в случае актуализации лексико-семантического варианта “*using legal authority to catch and take a suspect into custody until the person may be accused of a crime*” / использование законных полномочий для поимки и заключения подозреваемого под стражу до момента, когда лицу могут быть предъявлены обвинения / результат процессуального действия, именуемого лексемой «arrest», – это собственно арест. Таким образом, выбор правильного функционального аналога в русском языке для родового понятия в лексическом кластере является ключевым моментом как при семантической обработке текста, так и при его переводе.

Если обобщенная семантика лексемы «arrest», совмещающая лексико-семантические варианты, функциональными аналогами которых в русском языке являются *задержание* и собственно *арест*, предопределяет специфику рассматриваемой лексемы, вопрос с дифференциальными признаками для лексем «apprehension» и «detention» представляет собой семантическую проблему. Как видно из денотативной матрицы, по большинству семантических признаков лексемы имеют одинаковые показатели. Анализ словарных дефиниций позволил выявить два признака, причем только один из них фактически является семантическим. В связи с тем, что лексическое значение является многослойным, в нем разграничивают ассертивную и пресуппозитивную части. Для разграничения лексем «apprehension» и

«detention» принципиальное значение имеет ассертивная часть семантики – то, что утверждается. Для лексемы «apprehension» в ассертивной части семантики содержится факт задержания, в то время как ассертивная часть семантики лексемы «detention» включает акт содержания подозреваемого лица под стражей, а не процесс его поимки и заключения под стражу.

Второй признак опосредован синтагматическими связями лексем и теми моделями формирования речевых цепочек, которые включают или не включают возможность уточнения сигнификативного значения лексемы посредством расширения синтаксической структуры за счет экспликации возможных причин задержания. Анализ показал, что лексема «apprehension» в вербальном окружении типично не имеет причин задержания. Для подтверждения выявленной тенденции мы обратились к корпусу современного американского английского (Corpus of Contemporary American English)¹, в котором примеров экспликации причин задержания в непосредственном вербальном контексте обнаружено не было. Лексема «detention» допускает актуализацию причин: for homicide – за убийство, for fraud – за мошенничество, for robbery – за ограбление. Этот признак является факультативным, однако словарь The Free Dictionary, являющийся компиляцией серии американских словарей и энциклопедий, его фиксирует. На этом основании мы включаем этот признак в число дифференциальных.

Второй синонимический ряд представлен следующими номинативными средствами: «attack», «assault», «battery» и «battery and assault» (см. таблицу 2).

Денотативная матрица показывает, что максимально широкой по объему значения является доминанта синонимического ряда: лексема «attack», которая положительно маркирована практически по всем семантическим признакам. Притом в силу многозначности лексемы можно отметить, что

один из лексико-семантических вариантов реализует значение прямого умысла (актуализируется намерение нанесения вреда здоровью реципиента), второй лексико-семантический вариант допускает значение непрямого умысла (нападение под действием сильных эмоций, в состоянии аффекта). Та же вариативность касается ситуации с применением физического насилия: эта сема актуализируется только для лексико-семантического варианта, предполагающего нападение, а не вербальный выпад в сторону реципиента, который, как правило, сопровождается угрозой. Таким образом, для лексемы «attack» оказывается возможным сгруппировать семы, которые являются квалифицирующими для трех лексико-семантических вариантов:

1) вербальное оскорбление, типично сопряженное с угрозой (при потенциальной актуализации непрямого умысла);

2) нападение с применением физического насилия, характеризующееся намерением нанести вред (прямой умысел);

3) попытка нанесения побоев, которая могла быть результатом как прямого, так и непрямого умысла и которая не была реализована в силу внешних факторов: отпор реципиента, остановка нападавшего третьим лицом и т. д.

Отрицательные показатели также являются существенными для дифференциации лексем одного синонимического ряда, отличающихся элементами сигнификативного значения. Так, ни один из словарных источников не отмечает значение «прикосновение» для лексемы «attack» в противовес физическому насилию, которое можно считать фундаментальным семантическим признаком этой лексемы, поэтому сема «прикосновение» в денотативной матрице маркирована минусом. Семантический признак «степень нанесённого вреда» не зафиксирован ни одним словарем. Для лексемы «attack» этот слот остался незаполненным. В перспективе мы предполагаем уточнение возможностей

¹ Corpus of Contemporary American English / URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 13.01.2023).

Таблица 2 – Денотативная матрица для лексем «attack», «assault» «battery» и «assault and battery»

лексеммы		Attack	Assault	Battery	Assault and battery
намерение нанести вред или урон		+	+	–	+
умысел	непрямой умысел	–/+	+	+	
	прямой умысел	+/-	+		
угроза		+/-	+	–	+
вербальное оскорбление		–/+	–	+	
попытка нанесения побоев (нереализованная)		+/-	–	+/-	
нападение с применением физического насилия		+/-	+	+/-	+
прикосновение (в злобной или оскорбительной манере)		–	–	+	+
степень нанесения вреда:				+	
низкая					
средняя и высокая		+			

актуализации этого семантического признака посредством анализа случаев употребления лексеммы «attack» в уголовных кодексах разных штатов.

Лексема «assault» совмещает в себе как значение умышленного вреда, так и возможность безрассудного поведения, результатом которого является нападение. В зависимости от условий невербального контекста для каждого из случаев актуализируется или сема прямого умысла, или сема непрямого умысла. Оба случая отражены в словаре The Free Dictionary. Не актуальны для этой лексеммы такие признаки, как вербальное оскорбление, нерезализованная попытка нанесения физического вреда и оскорбительное прикосновение.

Лексема «battery» является многозначной и допускает актуализацию одного из двух семантических признаков: или физическое насилие (избиение), или просто факт прикосновения к другому лицу в оскорбительной манере. Степень нанесения вреда реципиенту низкая, это отмечено словарем MacMillan Dictionary¹.

Семантический признак «степень нанесения вреда» актуален для разграничения

двух лексем: assault (серьезный вред, нанесенный пострадавшему лицу) и battery (слабая степень вреда). Для остальных лексем рассматриваемого ряда этот признак выявлен не был.

Дифференциальными семами для комплексного номинатива «assault and battery» являются установленный факт угрозы насилия, сопряженный с намерением нанесения вреда другому лицу, а также сам факт применения физического насилия к другому лицу.

Третий синонимический ряд представлен тремя синонимами: «defamation», «libel», «slander». Как и в случае с синонимическим рядом “*arrest – apprehension – detention*”, синонимическая доминанта «defamation» выступает гиперонимом по отношению к гипонимам «libel» и «slander» (см. таблицу 3).

Денотативная матрица иллюстративно демонстрирует родовый характер термина «defamation»: он охватывает ситуацию распространения сведений, порочащих честь и достоинство личности, с одной стороны, с другой стороны, – ситуацию нанесения вреда репутации юридического лица (журнала, компании, фирмы); он включает в состав

¹ Macmillan Dictionary Online / URL: <https://www.macmillan dictionary.com/> (дата обращения: 16.01.2023).

Таблица 3 – Денотативная матрица для лексем «defamation», «libel» и «assault and slander»

семь	лексемь	Defamation	Libel	Slander
распространение заведомо ложных сведений		+	+	+
распространение информации, порочащей честь и достоинство личности		+	+	+
нанесение вреда репутации юридического лица		+	+	—
умышленное причинение вреда		+	+	+
печатная или письменная форма распространения информации, порочащей честь и достоинство личности, а также использование телевидения, видео- и радиотрансляций в целях причинения вреда репутации		+	+	—
устная форма распространения информации, порочащей честь и достоинство личности		+	—	+
финансовая компенсация пострадавшему лицу (при условии доказательства факта клеветы в суде)		+	+	+
гражданское судопроизводство		+	+	+
уголовное судопроизводство		+/-	+/-	—

своего денотативного поля все формы распространения информации; он используется в зависимости от фактических обстоятельств дела как в гражданском судопроизводстве (в первую очередь), так и в уголовном.

Два гипонима в составе синонимического ряда дифференцируются по форме передачи информации: все формы, связанные с возможностью долговременного хранения информации, ассоциированы с лексемой «libel», в то время как устная форма передачи информации, порочащей честь и достоинство личности или наносящей урон репутации физического лица, соотносится исключительно с лексемой «slander» и является ее дифференциальным признаком. Отрицательное значение у «slander» по семантическому показателю, связанному с нанесением ущерба юридическому лицу, связано с формальной сложностью сбора доказательной базы на основе устных высказываний лица в отношении определенного общественного объединения, имеющего статус юридического лица. Анализ словарных дефиниций, проведенный при составлении денотативной матрицы, позволил заключить, что семантический признак

«уголовное судопроизводство», косвенно указывающий на тип суда, в котором будет рассматриваться дело, актуален для лексем «libel» и для родового термина «defamation». Актуализируется он лишь в случае, когда клевета послужила причиной ухудшения физического состояния пострадавшего лица или причиной его смерти. Основным семантическим признаком, включенным во все три лексемь синонимического ряда, является гражданское судопроизводство.

Как показывает анализ семного состава идеографических синонимов, формирующихся рассматриваемые синонимические ряды, организация денотативной матрицы является эффективным инструментом для разграничения лексем и выявления тех признаков, которые в своей совокупности дают основание для дальнейшего исследования контекстов употребления каждой из лексем с целью рассмотрения возможностей реализации синтагматических связей в виде терминологических сочетаний. Для курсантов, изучающих английский язык в контексте профессиональной деятельности, использование денотативной матрицы может оказать неоценимую помощь в определении тех лек-

сем, которые представляют собой адекватные средства перевода с русского на английский язык номинативных единиц пропозитивной семантики. При этом денотативная матрица обеспечивает учет специфики правовых систем, отличия в законодательстве применительно к аспектам, формирующим состав преступления в каждом случае. Однако главным достоинством использования этого метода в научных исследованиях лексического

компонента оформления речи при описании определенной референтной области, а также в процессе педагогической деятельности на этапе первичной семантизации лексики и ее последующей отработки является внимание к языковому оформлению каждой из ситуаций в обоих языках, установлению межъязыковых аналогов и уточнению семантического наполнения каждого из синонимов в ряду.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М. : ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.
2. Шашкова В. Н. Синонимический ряд наименований соучастников в преступлении в уголовном законодательстве Соединенных Штатов Америки сквозь призму денотативной матрицы // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 11 (91). С. 123–129.

REFERENCES

1. Arnold I. V. Lexicology of modern English. M.: FLINTA: Nauka, 2012. 376 p. (In Russ.)
2. Shashkova V. N. The synonymic row of partakers of guilt in criminal legislation of the United States of America through the prism of the denotative matrix // Philological Aspect: international scientific and practical journal. 2022. N 11 (91). Pp. 123–129. (In Russ.)

Информация об авторе:

Шашкова В. Н., кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

Shashkova V. N., Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 17.01.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 355.541.3

**ПРИМЕНЕНИЕ СХЕМ И АЛГОРИТМОВ ОБРАЩЕНИЯ С ОРУЖИЕМ
С ЦЕЛЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

Сергей Николаевич Архипов

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
Тюмень, Россия, as.master13@mail.ru

Аннотация. В статье автором проанализированы чрезвычайные происшествия, связанные с небрежным (неумелым) обращением с оружием по причине несостоятельности сотрудников применить приобретенные теоретические знания и практические умения, несоблюдения норм безопасности при обращении с оружием, некомпетентности и неправильных действий сотрудников, то есть все то, что может стать причиной происшествий в дежурных частях при получении и сдаче оружия и привести к травмам и ранениям сотрудников.

В данной статье представлены результаты эксперимента, который был проведен с целью определения степени влияния схемы и алгоритма на качество выполняемых действий при получении и сдаче оружия. В качестве материала эксперимента были выбраны действия сотрудников в дежурных частях при получении оружия и подготовке его к несению службы или при сдаче оружия.

Ключевые слова: личная безопасность, небрежное обращение с оружием, алгоритм действий, схема, сотрудник органов внутренних дел, огневая подготовка, боевое ручное стрелковое оружие, заряжание, разряжение оружия, комната чистки оружия, дежурная часть.

Для цитирования: Архипов С. Н. Применение схем и алгоритмов обращения с оружием с целью обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 158–164.

Original article

**THE USE OF SCHEMES AND ALGORITHMS FOR HANDLING
WEAPONS IN ORDER TO ENSURE THE PERSONAL SAFETY
OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS**

Sergey N. Arkhipov

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Tyumen, Russia,
as.master13@mail.ru

Abstract. In the article, the author analyzes emergencies related to careless (inept) handling weapons due to the insolvency of law enforcement officers to apply the acquired theoretical knowledge and practical skills, non-compliance with safety standards when handling weapons, their incompetence and improper actions, i.e., everything that can cause incidents in duty units when receiving and handing over weapons and lead to the traumas and injuries to law enforcement officers.

This article provides the results of the experiment that was conducted to determine the degree of influence of the scheme and algorithm on the quality of the actions performed when receiving and handing over weapons. The author studies the actions of law enforcement officers in duty stations when receiving weapons and preparing them for service or when handing over weapons.

© Архипов С. Н., 2023

Keywords: personal safety, careless handling of weapons, the algorithm of actions, scheme, internal affairs officer, fire training, military hand-held small arms, loading, unloading weapons, weapon cleaning room, duty unit/station.

For citation: Arkhipov S. N. The use of schemes and algorithms for handling weapons in order to ensure the personal safety of law enforcement officers // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 158–164.

Умелое и грамотное обращение с оружием в служебной деятельности обеспечивает безопасность не только сотрудника органов внутренних дел, но и окружающих его людей. Сотрудники по своему роду службы для выполнения задач по охране общественного порядка и общественной безопасности из комнат хранения оружия (далее – КХО) ежедневно по всей стране осуществляют получение оружия и подготовку его к несению службы и сдачу оружия и боеприпасов. И вопрос соблюдения мер личной безопасности, снижения вероятности случайного выстрела и, как следствие, получения при этом травм и увечий остается весьма актуальным, поскольку статистика происшествий, произошедших в дежурных частях, связанная с получением и сдачей оружия и в меньшей степени при чистке оружия, остается недопустимо высокой.

По данным обзора Министерства внутренних дел Российской Федерации о прак-

тике применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении задач по охране общественного порядка в 2020 году и первом полугодии 2021 года огнестрельное оружие применялось 1685 раз. Из этого числа 1651 раз оружие применялось правомерно и 34 раза неправомерно¹.

Анализ статистических данных показывает, что из общего числа случаев, связанных с неправомерным применением оружия, получение при этом травм в 73 % произошло в результате неумелого (небрежного) обращения с оружием при получении и сдаче оружия и боеприпасов в дежурных частях территориальных органов внутренних дел (см. рис. 1).

Приведенная статистика свидетельствует о том, что даже предпринимаемые меры, такие как: допуск сотрудника по одному в комнату для получения и сдачи оружия;

Рис. 1. Статистика неправомерного применения огнестрельного оружия

¹ Обзор практики применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении задач по охране общественного порядка. М.: ДГСК МВД России. № 21/8/20548 от 14 декабря 2021 г.

контроль выполняемых действий со стороны ответственного лица (это может быть ответственный от руководящего состава, командир подразделения и т. д.) при получении оружия и подготовке его к несению службы и при сдаче оружия после окончания несения службы, – не могут решить проблему неосторожного обращения с оружием и производства случайного выстрела при получении и сдаче оружия и боеприпасов в дежурных частях территориальных органов внутренних дел.

Приведем примеры нарушений мер безопасности при обращении с оружием и тех действий, которые сотрудник должен выполнить при получении (перед заступлением на службу) и сдаче (после окончания несения службы) оружия в дежурных частях территориальных органов внутренних дел на основе заключений служебных проверок.

Так, 13 июля 2021 г. в 5 часов 40 минут в ОМВД России по г. Ис-а инспектор ДПС ГИБДД лейтенант полиции К. при заступлении на суточное дежурство, находясь в комнате для чистки оружия ОМВД, нарушил меры безопасности при обращении с оружием, по неосторожности произвел выстрел из табельного оружия (пистолета Макарова) в пулеулавливатель. В данном происшествии никто из сотрудников ОМВД не пострадал.

Из материала служебной проверки выясняется, что в процессе заряжания лейтенант полиции К., находясь в комнате для чистки оружия, нарушил меры безопасности при обращении с оружием, порядок действий при заряжании пистолета Макарова, а именно: снарядил магазины, один магазин убрал в кармашек для запасного магазина кобуры, второй вставил в основание рукоятки, снял с предохранителя отвел затвор назад для проверки на не заряженность, отпустил затвор, нажал на спусковой крючок.

25 декабря 2018 г. в УВД по г. Н-ск подполковник юстиции Н. после окончания несения службы оружия, находясь в комнате для чистки оружия дежурной части, при сдаче табельного оружия (пистолета Макарова) нарушила меры безопасности при обращении с оружием, произвела выстрел из

табельного оружия (пистолета Макарова) в стол в районе пулеулавливателя. В процессе разряжения пистолета Макарова подполковник юстиции Н. извлекла оружие из кобуры, сняла с предохранителя, отвела затвор назад и отпустила затвор, после этих действий нажала на спусковой крючок. В результате чего произошел случайный выстрел. Нарушение мер личной безопасности сотрудником юстиции при разряжении оружия в данном случае проявилось в нарушении мер безопасности при обращении с оружием и нарушении порядка действий при разряжении пистолета Макарова.

Второй типичный пример нарушения порядка действий в процессе сдачи табельного оружия при разряжении оружия, в результате которого произошел случайный выстрел, случился 16 июня 2020 г. в УВД г. Т-ка. Так, капитан юстиции Р. после окончания несения службы, находясь в комнате для чистки оружия, в процессе разряжения табельного оружия (пистолета Макарова) нарушила порядок действий при разряжении пистолета, что выразилось в хаотичности выполняемых действий, а именно капитан юстиции Р. вначале попыталась отсоединить пистолетный ремешок, это сделать ей не удалось, тогда она решила проверить оружие на незаряженность и, не отсоединив магазин, сняла с предохранителя и отвела затвор назад, поставила на затворную задержку, сняв с затворной задержки, достала магазин из основания рукоятки пистолета и кармашка для запасного магазина и извлекла патроны из магазинов в колодку. Обнаружив, что одного патрона нет в наличии, взяла со стола пистолет, нажала на спусковой крючок, в результате чего произошел случайный выстрел в стол в район пулеулавливателя.

Изучение и анализ материалов заключений служебных проверок показывают низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников, неумение применять полученные знания.

С 2020 по 2021 год автором проводился педагогический эксперимент для определения уровня профессиональной подготовки сотрудников, условий, характера причин,

способствующих возникновению рисков, связанных с неправомерным применением оружия при получении и сдаче оружия, которые становятся причиной происшествий и приводят к травмам и ранениям сотрудников органов внутренних дел и поиска мер, которые повысят уровень профессиональной подготовки сотрудников и снизят вероятность происшествий в дежурных частях при получении и сдаче оружия.

В качестве объекта педагогического эксперимента были выбраны действия сотрудников в дежурных частях при получении оружия и подготовке его к несению службы и действия при сдаче оружия после окончания несения службы. В эксперименте приняло участие 244 сотрудника, проходящих обучение по основным образовательным программам профессионального обучения лиц рядового, младшего, среднего и старшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел: 122 слушателя – по должности служащего «Полицейский», 122 слушателя – «Повышение квалификации и Профессиональной переподготовки».

Всем респондентам было предложено выполнить четыре задания для определения характера причин и степени вероятности случайного выстрела при их выполнении:

– в первом задании сотрудники продемонстрировали действия в дежурной части при получении оружия и подготовке его к несению службы;

– во втором задании выполнили действия при сдаче оружия после окончания несения службы.

Все участники эксперимента при выполнении первого и второго задания руководствовались теми знаниями, умениями и навыками, сложившимися за годы службы, которые они получили в процессе занятий в системе профессиональной служебной и физической подготовки, а слушатели первоначальной подготовки руководствовались знаниями, полученными в процессе профессионального обучения.

Анализ выполнения действий первого и второго задания показал:

1) успешно освоив программу обучения, сдав зачет и закрепив приобретенные теоретические знания и практические умения, сотрудники не всегда могут грамотно их применить при зарядании и разрядении оружия, при получении и подготовке его к несению службы и при сдаче после окончания несения службы. Например, слушатели первоначальной подготовки (ПП), следуя одному из пунктов мер безопасности, в 85 % случаев все действия при выполнении заданий начинали с проверки оружия на незаряженность, но и здесь допускали ошибки (не отсоединяли магазин при проверке, производили нажатие на спусковой крючок и т. д.), что могло стать причиной случайного выстрела;

2) объективной причиной увеличения опасности случайного выстрела является отсутствие точной последовательности выполнения действий с оружием при выполнении заданий, которое проявилось в хаотичном и беспорядочном выполнении действий, что больше всего выражено у слушателей повышения квалификации (ПК). Например, в 68,3 % сотрудники начинали действия со снаряжения магазина, в 63,4 % – с проверки оружия на незаряженность, и при этом в 42 % делали спуск курка и т. д., то есть сотрудники руководствовались сложившимися навыками за годы службы (см. рис. 2).

Следует отметить, что непоследовательные действия при выполнении первого и второго задания, приведенные на графике (рис. 2), зачастую и становятся причиной происшествий в дежурных частях при получении и сдаче оружия и приводят к травмам и ранениям сотрудников.

Перед выполнением третьего и четвертого задания слушателям было предложено изучить схемы, которые определяют последовательность действий сотрудника при получении оружия и подготовке его к несению службы и при сдаче оружия после окончания несения службы.

Разработанные нами схема и алгоритм действий по ним (см. рис. 3) построены так, что при выполнении определенной очередности действий (при зарядании перед заступлением на службу и разрядении после

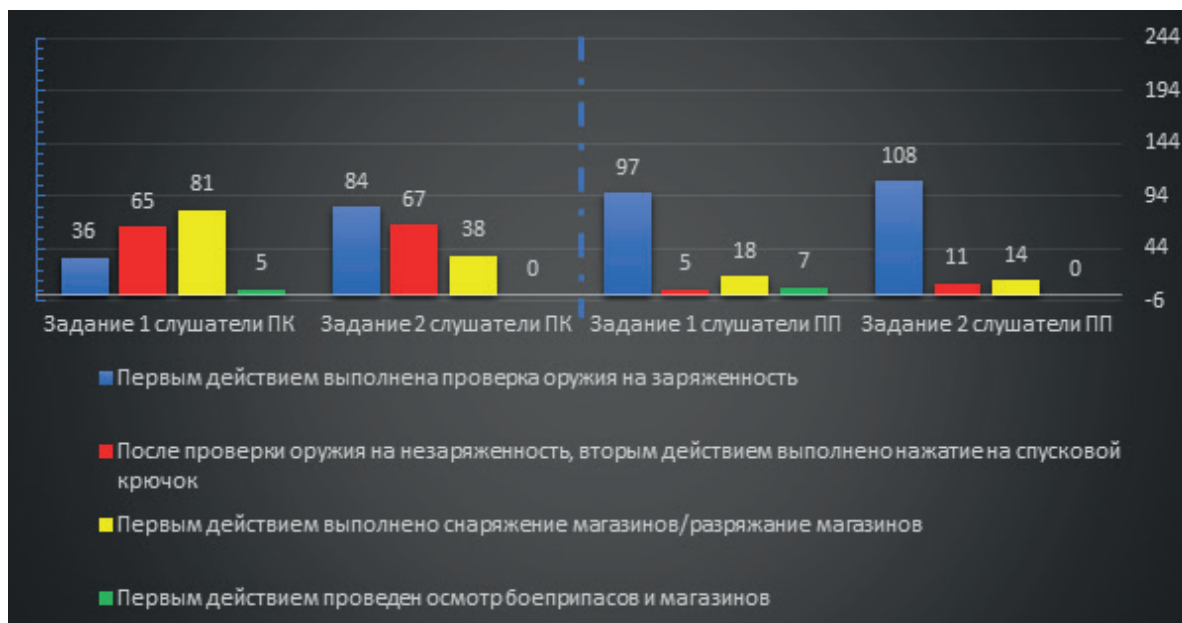

Рис. 2. Графическая иллюстрация выполнения заданий:
задание первое – действия в дежурной части при получении оружия и подготовке его к несению службы; **задание второе** – действия при сдаче оружия после окончания несения службы

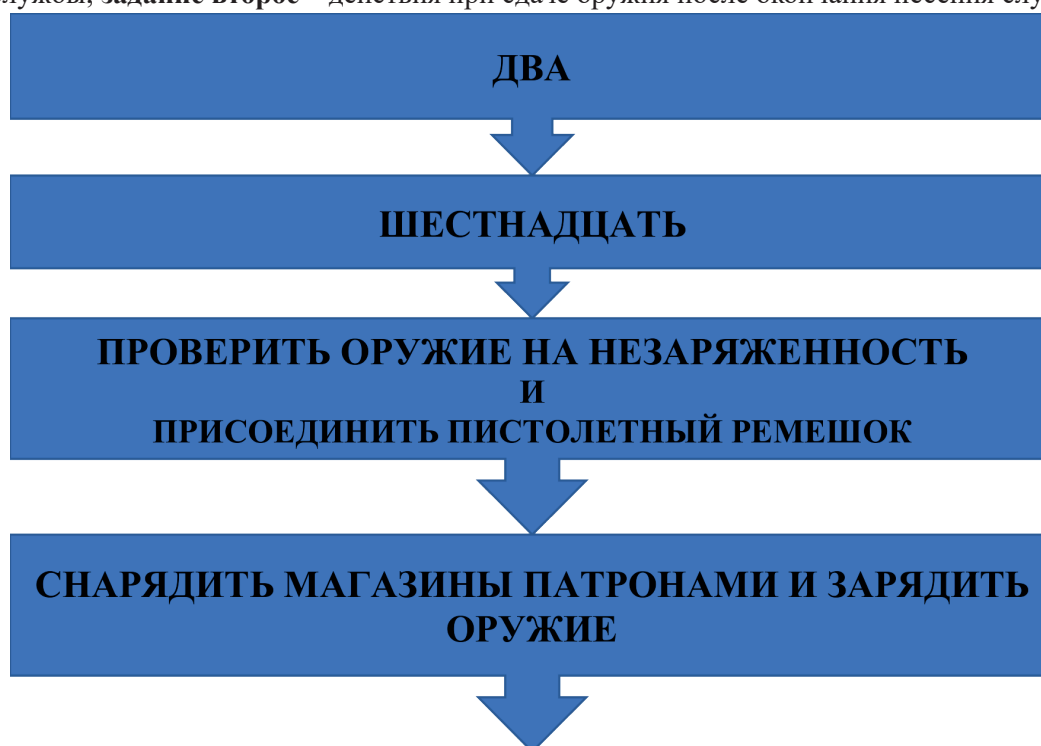

Рис. 3. Схема последовательности действий сотрудников в дежурных частях при получении оружия и подготовке его к несению службы

несения службы) снижается вероятность происшествий в дежурных частях при получении и сдаче оружия.

Например, в данной схеме очередность действий при зарядании оружия следующая:

1) осмотр неснаряженных магазинов к виду оружия (пример: пистолет Макарова – два магазина);

2) осмотр полученных боеприпасов в колодке (пример: пистолет Макарова – 16 патронов), количество, идентичность серии и года выпуска;

3) проверка оружия на незаряженность и присоединение пистолетного ремешка (сначала следует осмотр патронника пистолета на отсутствие патронов и только после

этого присоединяется пистолетный ремешок);

4) снаряжение магазинов патронами и зарядание оружия (помещение сотрудником патронов в магазины, один магазин после снаряжения убирается в карман для запасного магазина кобуры, второй – в основание рукоятки пистолета).

Внедрение в учебный процесс и профессиональную деятельность сотрудников ОВД схемы и алгоритма действий позволят сформировать навыки по безопасному обращению с оружием, повысить психологическую готовность сотрудников при использовании в повседневной деятельности оружия и исключить случаи происшествий в дежурных частях при получении и сдаче оружия.

Таким образом, в нашем эксперименте использование схемы и алгоритма действий позволило снизить беспорядочность в действиях сотрудников (см. рис. 4). Например, все категории сотрудников, участвующие в эксперименте при выполнении задания 4 (сдача оружия после окончания несения службы), согласно предложенной схеме и алгоритму разряжение оружия начали с магазинов, т. е. выложили магазины на стол

(два магазина), далее разрядили магазины и проверили количество боеприпасов, которое должно быть в коловке (16 патронов), следом выполнили проверку оружия на незаряженность и отсоединили пистолетный ремешок, пистолет убрали на коловку.

Данная последовательность существенно повышает безопасность при обращении с оружием при его сдаче.

Обобщая вышеизложенное, мы видим, что к происшествиям, связанным с небрежным (неумелым) обращением с оружием при получении и сдаче оружия и боеприпасов в дежурных частях органов внутренних дел, приводит отсутствие точной последовательности действий с оружием, выраженное в беспорядочности выполнения этих действий. Проведенный педагогический эксперимент позволяет аргументировать целесообразность использования схемы и алгоритма действий сотрудника при получении и сдаче оружия и боеприпасов в дежурных частях органов внутренних дел в качестве комплекса дополнительных мер по повышению уровня профессиональной подготовки сотрудников и снижению случаев гибели и получения травм.

Рис. 4. Графическая иллюстрация выполнения 3 и 4 задания с применением схемы и алгоритма действий сотрудника при получении оружия и подготовке его к несению службы и при сдаче оружия после окончания несения службы

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архипов С. Н. Огневая подготовка сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2021. 180 с.
2. Гедугошев Р. Р. Огневая подготовка как составная часть профессиональной служебной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2018. № 9. С. 379–380.
3. Косиковский А. Р., Литвин Д. В., Купавцев Т. С. и др. Практика применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации: учебно-методическое пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. 60 с.
4. Светличный Е. Г., Панова О. С., Донченко В. Е. Совершенствование навыков личной безопасности курсантов и слушателей образовательных организаций Министерства внутренних дел России при обращении с огнестрельным оружием // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 4 (182). С. 393–396.

REFERENCES

1. Arkhipov S. N. Firearms training of officers of internal affairs bodies: textbook. Tyumen: Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2021. 180 p. (In Russ.)
2. Gedugoshev R. R. Firearms training as an integral part of the professional service training of the officers of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Eurasian law journal. 2018. No. 9. P. 379–380. (In Russ.)
3. Kosikovskiy A. R., Litvin D. V., Kupavtsev T. S. et al. The practice of using firearms by the officers of the internal affairs bodies of the Russian Federation: a teaching aid. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 60 p. (In Russ.)
4. Svetlichny Ye. G., Panova O. S., Donchenko Ye. E. Improving the personal safety skills of the cadets and students of the educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia when handling firearms // Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2020. No. 4 (182). P. 393–396. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК: 378.635.016:811.161.1'221.24

**ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА
В БРЯНСКОМ ФИЛИАЛЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Ирина Михайловна Зраева

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников
МВД России (Брянский филиал), Брянск, Россия, zraeva@mail.ru

Аннотация. Ратификация Российской Федерацией в 2008 году Конвенции ООН «О правах инвалидов» (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН 13 декабря 2006 г.) и, как следствие, изменения в национальном законодательстве страны привели к важному событию в жизни глухих людей – признанию русского жестового языка (далее – РЖЯ) государственным языком общения для людей с нарушениями слуха. В подобных обстоятельствах федеральным законодательством и ведомственными нормативными актами МВД России установлена обязанность сотрудников полиции владеть навыками РЖЯ. С 2016 года в образовательных организациях МВД России предусмотрена реализация программ, предусматривающих изучение РЖЯ. Вместе с тем организация образовательного процесса выявила целый ряд проблем, с которыми столкнулись как преподаватели, так и сами слушатели при освоении РЖЯ (недостаточная разработанность дидактической базы, различный уровень подготовки слушателей, проблемы отсутствия профессионально подготовленных кадров для реализации программ, сложности поддержания познавательной активности слушателей и др.). В статье отражены современный уровень достижения науки и практики по обучению навыкам РЖЯ, а также результаты работы по организации занятий и созданию методических подходов по изучению РЖЯ, способы преодоления имеющихся проблем, выработанные в Брянском филиале Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России.

Ключевые слова: русский жестовый язык, опыт преподавания, жестовая речь, дактильная речь, педагогические технологии, лингвокоммуникативная подготовка.

Для цитирования: Зраева И. М. Опыт преподавания русского жестового языка в Брянском филиале Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России: проблемы и пути преодоления // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 165–173.

Original article

**EXPERIENCE OF TEACHING RUSSIAN SIGN LANGUAGE
IN BRYANSK BRANCH OF THE ALL-RUSSIAN INSTITUTE
FOR ADVANCED TRAINING OF EMPLOYEES OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: PROBLEMS AND WAYS TO OVERCOME**

Irina M. Zraeva

All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (Bryansk Branch), Bryansk, Russia, zraeva@mail.ru

Abstract. The ratification by the Russian Federation in 2008 of the UN Convention “On the Rights of Persons with Disabilities” (adopted by resolution 61/106 of the UN General Assembly on 13.12.2006) and, as a result, changes in the national legislation of the country led to an important event in the life of deaf people – the recognition of the Russian sign language (further – RSL) as the state language of communication for people with hearing impairments. In such circumstances, federal legislation and departmental regulations

© Зраева И. М., 2023

of the Ministry of Internal Affairs of Russia establish the obligation of police officers to possess the skills of RSL. Since 2016, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia have been implementing programs providing for the study of RSL. At the same time, the organization of the educational process revealed a number of problems faced by both teachers and students themselves when mastering the Russian sign language (insufficient development of the didactic base, different levels of training of students, problems of the lack of professionally trained personnel for the implementation of programs, difficulties in maintaining the cognitive activity of students, etc.). The article reflects the current level of achievements of science and practice in teaching the skills of RSL, as well as the results of work on the organization of classes and the creation of methodological approaches to the study of RSL, ways to overcome existing problems developed in the Bryansk branch of the All-Russian Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: Russian sign language, teaching experience, sign language, dactyl speech, pedagogical technologies, linguistic and communicative training.

For citation: Zraeva I. M. Experience of teaching Russian sign language in Bryansk Branch of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia: problems and ways to overcome // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 165–173.

В 2020 году каждый десятый человек имеет стойкое расстройство слуха, к 2050 году каждый шестой житель планеты будет иметь «разную степень инвалидизации по слуху»¹. «В настоящее время около 6–8 % населения всей планеты в той или иной степени имеют нарушения слуха [1, с. 66]. В Российской Федерации также происходит широкое распространение патологии органа слуха. Около 2 % населения имеют двустороннюю значительно выраженную тугоухость, более 13 млн человек страдают сенсоневральной тугоухостью» [2, с. 132].

Для обеспечения максимальной социализации инвалидов по слуху, равного доступа к объектам и услугам в приоритетных сферах деятельности, обеспечения полноценного участия в жизни страны, создания комфортных условий для коммуникации и успешной адаптации в обществе возникает необходимость владения навыками РЖЯ слышащих граждан и в первую очередь представителей публичных профессий, в том числе и сотрудников органов внутренних дел. С целью интеграции инвалидов в общество, решения вопросов коммуникации, в том числе и с представителями правоохранительных органов, в образовательных учреждениях МВД России осуществляется обучение сотрудников полиции навыкам

РЖЯ. Данная учебная дисциплина является относительно новой для образовательных учреждений МВД России и реализуется с 2016 года. В связи с этим профессорско-преподавательский состав столкнулся с целым рядом проблем, препятствующих эффективному обучению правоохранителей РЖЯ, в частности с отсутствием квалифицированных кадров среди профессорско-преподавательского состава, отсутствием у сотрудников полиции знаний и опыта общения со слабослышащими и глухими гражданами с помощью «специфических средств общения», определенным стереотипным представлением о глухих и в том числе отсутствием необходимого учебно-методического материала для преподавания данной дисциплины, с проблемой недостаточного материального обеспечения и рядом других.

Следует отметить, что на современном этапе имеется определенный материал для преподавания жестового языка. Так, основоположниками научных разработок в области РЖЯ по праву считаются такие исследователи лексического состава РЖЯ и его особенностей, как Г. Л. Зайцева [3], И. Ф. Гейльман [4], А. А. Игнатенко [5], В. П. Камнева [6] и другие.

Достижением советской методики преподавания, применимым в том числе и к препода-

---

¹ Всемирная организация здравоохранения / URL: <http://who.int/ru> (дата обращения: 07.08.2022).

даванию РЖЯ, является ряд образовательных технологий: коммуникативная (С. А. Зыков) [7], технология визуализации и формирования речемыслительной деятельности (Т. А. Григорьева) [8], технология укрупнения дидактических единиц (П. М. Эрдниев) [9], технология развивающего обучения как интеграция идей педагогики сотрудничества (В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин) [10].

Предлагаются к освоению современные методики изучения РЖЯ переводным методом¹, методом «погружения» [11], с использованием коммуникативно-деятельностного подхода².

Исследования РЖЯ в данный момент ведутся в Институте языкознания под руководством А. А. Кибрика, Высшей школе экономики, Московском государственном лингвистическом университете, Новосибирском государственном техническом университете под руководством С. И. Бурковой, университете Амстердама под руководством В. И. Киммельмана [12].

За рубежом лексикография жестового языка также получает активное развитие. Имеются жестовые словари в Англии, Нидерландах, Германии, Швеции, Финляндии, Франции, Италии, Испании, Израиле, Иране, Америке и других странах³.

Вместе с тем имеющаяся литература и разработанный дидактический материал, разработанные методики не всегда отвечают потребностям образовательных учреждений МВД России по обучению сотрудников полиции навыкам РЖЯ, поскольку ориентированы в первую очередь на обучение сурдопереводчиков либо проведение коррекционных занятий с детьми и не от-

ражают специфики профессиональной служебной деятельности сотрудников полиции в контексте взаимодействия с глухими людьми.

Следует отметить, что на сегодняшний момент данная ситуация имеет позитивный исход. В частности, в ведомственной системе МВД России издан ряд учебных пособий, отвечающих потребностям организации образовательного процесса по обучению РЖЯ сотрудников полиции [13; 14; 15; 16; 17; 18].

Обращаясь к опыту организации образовательного процесса по обучению навыкам РЖЯ в Брянском филиале Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (далее – БФ ВИПК МВД России), отметим, что обучение осуществляется по двум программам. Во-первых, в соответствии с образовательной программой «Повышение квалификации сотрудников подразделений дежурных частей, участковых уполномоченных полиции, патрульно-постовой службы, по обеспечению безопасности дорожного движения, уголовного розыска, по вопросам миграции по теме: «Обучение навыкам русского жестового языка» по должности служащего «Полицейский» (далее – образовательная программа повышения квалификации) (72 академических часа, из них 10 часов – лекционные занятия, 50 часов – практические занятия, 12 часов – итоговый и промежуточные формы контроля), а также в соответствии с основными программами профессионального обучения по должности служащего «Полицейский» (далее – основная программа профессионального обуче-

¹ Изучение жестового языка // URL: <http://vkontakte.ru/video.php?gid=18335384#act=&a> (дата обращения: 14.12.2022).

² Курсы изучения жестового языка: проект «Счастье понимания». URL: http://youtu.be/QO-1s_uvV7A (дата обращения: 24.01.2022); Мастер-класс «Жестовый язык как средство коммуникации». URL: <http://fso.bspu.by/news/universitet/master-klass-zhestovyi-yazyk-kaksredstvo> (дата обращения: 09.12.2022).

³ Онлайн международный словарь жестовых языков (шведский, английский (BSL), американский (ASL), немецкий, французский, испанский, португальский, русский (РЖЯ), эстонский, литовский, латвийский, исландский, РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ польский, чешский, японский, украинский). URL: www.spreadthesign.com. (дата обращения: 15.12.2022).

ния) (в рамках профессионального цикла предусмотрена учебная дисциплина «Основы русского жестового языка», рассчитанная на 28 академических часов, из которых 2 часа – лекции, 22 – практические занятия, 2 часа – самостоятельная работа, 2 часа – зачет).

Все сложности, с которыми сталкивается профессорско-преподавательский состав, при организации обучения предопределены факторами как объективного характера, связанными с несоответствием обучаемых должностных категорий требованиям ведомственного законодательства, различным уровнем подготовки лиц, направляемых на обучение, нехваткой профессионально подготовленных кадров, несоответствием объема учебной дисциплины, установленного учебным планом, требованиям законодательства к объему знаний, так и субъективного характера, обусловленными индивидуальными психологическими особенностями слушателей по восприятию глухих, различному уровню мнемических способностей обучающихся и, как следствие, вопросами методической организации максимальной эффективной работы преподавателя по поддержанию познавательной активности слушателей.

В статье применяемая система методик и технологий при обучении сотрудников полиции РЖЯ в БФ ВИПК МВД России представлена через призму выявленных проблем и предлагаемых способов их преодоления.

Одной из проблем является вопрос несоответствия обучаемых должностных категорий требованиям ведомственного законодательства. Так, в соответствии с приказом МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 «Об утверждении Порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел

Российской Федерации навыками РЖЯ»¹, должности, требующие владения навыками РЖЯ, вводятся в следующих подразделениях территориальных органов МВД России: дежурных частях; отделах участковых уполномоченных полиции; патрульно-постовой службы; по обеспечению безопасности дорожного движения; миграционной службы; уголовного розыска. И если в рамках реализации образовательной программы повышения квалификации на обучение направляются именно эти должностные категории, то при реализации основных программ профессионального обучения учебную дисциплину «Основы русского жестового языка» изучают все должностные категории [19, с. 74], даже не предусмотренные приказом, например, сотрудники подразделений внутренней службы. Более того, при реализации образовательной программы повышения квалификации часто возникают ситуации, когда в состав группы входят слушатели с разным уровнем подготовки: с одной стороны, молодые сотрудники, недавно прошедшие обучение по основной программе профессионального обучения и уже освоившие азы как дактильной, так и жестовой речи, а с другой – сотрудники, не имеющие абсолютно никаких познаний в данной области. В связи с этим перед преподавателем возникает трудная задача при проведении занятий, особенно на первоначальном этапе: удерживать интерес слушателей, имеющих определенные навыки, и максимально доступно преподнести материал слушателям, впервые пришедшим на обучение в филиал. С методической точки зрения данная проблема решается путем предоставления слушателям, имеющим первоначальные знания, возможности участия в роли «педагога», демонстрируя дактильную азбуку и определенные жесты, известные им при изучении дисциплины в рамках освоения основной программы профессионально-

¹ Об утверждении Порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка: приказ МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2022).

го обучения. Также наиболее подготовленные слушатели привлекаются для контроля за выполнением качества дактилирования фраз и воспроизведения жестов менее подготовленными слушателями. Таким образом, достигается эффект индивидуального подхода к каждому слушателю.

Еще одним проблемным вопросом является нехватка профессионально подготовленных кадров. Абсолютно права Е. В. Гнездилова, отмечавшая нехватку «профессиональных кадров, которые смогли бы преподавать РЖЯ сотрудникам органов внутренних дел» [20, с. 163]. Брянский филиал ВИПК МВД России не стал исключением. На первоначальном этапе обучения РЖЯ в филиале существовала проблема отсутствия профессионально подготовленных кадров, которые могли бы качественно реализовывать программу, поскольку пройденный преподавателями десятидневный курс обучения был явно недостаточным для полноценного проведения занятий. Данная проблема была решена путем приглашения для проведения занятий на постоянной основе так называемого носителя жестового языка – председателя Брянского регионального отделения Всероссийского общества глухих, который в совершенстве владеет жестовым языком. На сегодняшний момент в филиале имеется два сотрудника, которые преподают жестовый язык с 2016 года и имеют уже достаточный опыт и наработанную практику преподавания. В 2019 году они прошли обучение в ВИПК МВД России по дополнительной профессиональной программе «Повышение квалификации педагогических работников образовательных организаций МВД России, центров профессиональной подготовки территориальных органов МВД России, принимающих участие в обучении сотрудников органов внутренних дел навыкам РЖЯ».

Следует отметить, что в настоящее время при реализации программ практика привлечения непосредственного носителя языка сохранена, что дает плодотворные результаты. С методической точки зрения эффективнее приглашать носителя языка не сразу, а когда у слушателей будут сформированы элементарные навыки общения на жестовом языке, а также навыки дактильной речи, что позволяет применить слушателям полученные умения в конкретном диалоге с человеком с нарушениями слуха, дает уверенность в практическом прикладном значении занятий и возможности их непосредственного применения при общении. Слушатели всегда с особым интересом вовлекаются в процесс общения, интересуются жизнью глухих людей, их бытом, особенностями терминологии, фактами взаимодействия людей с нарушениями слуха с полицией. Подобные занятия разнообразят образовательный процесс, активизируют познавательную деятельность слушателей.

Несоответствие объема учебной дисциплины (количество выделяемых учебных часов) требованиям ведомственного законодательства к объему знаний – еще один проблемный вопрос. РЖЯ – своеобразная лингвистическая система, обладающая собственной лексикой и грамматикой, и как и другой язык требует времени для полноценного освоения. Количества часов, предусмотренного программами, явно недостаточно для овладения им в совершенстве. Вместе с тем, в соответствии с требованиями совместного приказа МВД России и Министерства образования и науки Российской Федерации от 15 июня 2015 г. № 681/587¹, к объему владения навыками РЖЯ сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации предъявляются достаточно большие требования, например, осуществление прямого перевода устной речи (синхронного, после-

¹ Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России и Министерства образования и науки Российской Федерации от 15 июня 2015 г. № 681/587 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2022).

довательного) посредством РЖЯ для лиц с нарушением слуха; осуществление обратного перевода (синхронного, последовательного) РЖЯ в устную речь для слышащих граждан и ряд других. На практике достижение данных целей за 72 академических часа достаточно проблематично. Компенсируется это тем, что сотрудников полиции не готовят стать профессиональными переводчиками, а лишь закладывают базовые знания для установления контакта и элементарных основ общения, исключая коммуникативные барьеры, позволяющих наладить психологический контакт.

Можно выделить и ряд проблем субъективного характера, требующих применения особых методик организации занятий, позволяющих сохранить максимальную познавательную активность слушателей.

Так, проблемой, возникающей при изучении РЖЯ, является сложность записи жестов. И если по сложившемуся опыту можно утверждать, что, как правило, дактильная азбука усваивается слушателями достаточно быстро (для повторения каждому слушателю выдается раздаточный материал – дактильная азбука в распечатанном виде), то при записи жестов у слушателей возникают затруднения с их отражением в конспекте для дальнейшего повторения. В целом на такие записи тратится большое количество времени, а допускаемые при этом неточности препятствуют воспроизведению (декодированию) жеста [21, с. 103].

Вариантами решения данной проблемы стало повторение всех изученных жестов на каждом занятии с самого начала, а также запись видеословаря в качестве раздаточного материала с наглядной видеодемонстрацией жестов, изучаемых в рамках программы, для повторения в рамках самостоятельной работы.

Как уже было отмечено, эффективность усвоения материала требует многократного повторения как дактильной азбуки, так и жестов. Особенно в рамках реализации образовательной программы повышения квалификации, когда в течение десяти дней слушатели изучают только жестовый язык,

возникает проблема снижения познавательной активности слушателей. В целях поддержания заинтересованности слушателей, исключения рутинности занятий постоянно приходится прибегать к различным методическим приемам для разнообразия занятий.

Следует согласиться с Е. А. Липиной, что «при проведении занятий, необходимо обратить особое внимание на интерактивный подход, подразумевающий активное взаимодействие всех участников учебного процесса. Так, если один слушатель переводит текст, остальные в это время должны осуществлять последовательный перевод, тем самым показывая, что они способны вычленять и распознавать изученные жесты в потоке жестовой речи и адекватно перекодировать текстовую информацию. Нельзя допускать ситуаций, когда один или двое слушателей работают, а остальные пассивно наблюдают за работой других» [22, с. 180]. Справедливо отмечает М. А. Николаенко, что «для активизации учебной деятельности слушателей необходимо придавать большое значение занимательности и творческому подходу» [21, с. 105].

Так, опыт преподавания жестового языка в БФ ВИПК МВД России позволил сформировать следующие рекомендации. Например, для оттачивания дактильной речи предлагать в качестве домашнего задания подготовить на дактиле любимые цитаты, высказывания, отрывки из любимых стихотворений, песен, фамилию, имя отчество, число, месяц, год рождения любимого писателя, поэта, художника, актера, музыканта. При подобном подходе слушатели проявляют больший интерес и заинтересованность при дактилировании и чтении подобной информации, нежели обычных текстов.

Кроме того, разнообразить процесс обучения и активизировать слушателей позволяет игровой метод, например, дактилирование поговорок на скорость, загадок и ответов на них на дактиле, командная игра на победителя: кто назовет больше жестов, сформированных на основе одной из букв дактильного алфавита. Стремление выиграть, командный дух и азарт позволяют ак-

тивизировать мыслительную деятельность, развивать память и мышление слушателей. Подобные игры намного результативнее, чем монотонное повторение жестов.

Особого внимания заслуживает применение технологии визуализации для организации продуктивного обучения полицейских РЖЯ и развитию жестовой речи. Суть данной технологии основывается на активизации речевой деятельности путем моделирования ситуаций взаимодействия на жестовом языке сотрудников полиции и людей с нарушениями слуха. Данная методика выступает в качестве универсального средства, вызывающего потребность коммуникации и речевой практики на жестах. Главенствующее значение имеет инсценирование, позволяющее воссоздать различные коммуникативные типовые ситуации с включением собеседников в диалог, в процессе которого активизируются условия для применения жестов. Первоначально преподавателю следует самому предлагать варианты ситуаций, озвучивая их, а слушатели, выступая в роли сотрудника полиции или глухого, переводят их на жесты. Впоследствии в качестве задания также можно делить слушателей на группы с целью моделирования ситуаций на жестах, но уже самостоятельно, по своему сценарию.

В данной ситуации преподавателю нужно быть готовым к тому, что в группах могут быть представители различных должностных категорий, поэтому изначально должны быть заготовлены варианты диалогов: нарушение правил поведения в общественном месте (потребление алкогольной продукции, табака в месте, запрещенном законом, мелкое хулиганство и др.), нарушение правил дорожного движения, обращение глухого в дежурную часть по факту совершения кражи, грабежа, мошеннических действий, посещение участковым уполномоченным полиции семьи глухих по месту жительства, общение с глухим как очевидцем события преступления, проверка документов, удостоверяющих личность; проведение личного досмотра, досмотра вещей подозреваемого в совершении кражи, хранении и распространении запрещенных к свободному граждан-

скому обороту средств, обращение к глухим и слабослышащим гражданам с целью предупреждения об опасности; помощь глухим и слабослышащим гражданам в поиске объектов города, а также в ситуациях, угрожающих их жизни и здоровью и др.

Следует отметить, что методика обучения основам РЖЯ предполагает активное использование принципа наглядности (демонстрация жестов преподавателем, применение технических средств обучения для демонстрации жестовой лексики). Важным составляющим в методике преподавания дисциплины является наличие качественно отобранного дидактического материала (видеоматериала). Например, возможна демонстрация видеосюжета с последующим обсуждением его содержания со слушателями.

Еще одним приемом контроля знания жестовой лексики является демонстрация жестовых песен или жестового исполнения поэтических произведений, максимально подходящих по языковому наполнению к изучаемым в рамках темы жестам. Прослушивание песни с одновременным жестовым переводом помогает не только сменить вид деятельности, снять напряжение, повысить мотивацию, но и закрепить жесты, а преподавателю – проконтролировать их знание. Кроме того, слушатели имеют возможность увидеть особенности использования жестов в их контекстуальном значении и некоторые варианты исполнения уже знакомых жестов, а также распознать (т. е. соотнести звучащий текст с исполняемыми жестами) и запомнить новые жесты, что способствует пополнению лексического словаря обучающихся [22, с. 178].

В заключение следует отметить, что лингвокоммуникативная подготовка сотрудников полиции является сейчас составной частью их профессиональной подготовки. Нарботанный опыт и сформированные методики преподавания РЖЯ в БФ ВИПК МВД России позволяют повысить эффективность формирования профессионально значимых умений и навыков в области РЖЯ, овладеть основами жестовой коммуникации,

сформировать представление о человеке с нарушенной слуховой функцией и его компенсаторных возможностях, способность

использовать полученные теоретические и практические знания для решения профессиональных задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Профессиональная подготовка полицейских: учебник в 4-х частях / под. общ. ред. В. Л. Кубышко. М.: ДГСК МВД России, 2020.
2. Алешик И. Ч. Состояние внутреннего слухового прохода у детей с нейросенсорной тугоухостью. *Оториноларингология Восточная Европа*. М., 2016. С. 132–133.
3. Зайцева Г. Л. Дактилология. Жестовая речь: учебное пособие для вузов. М.: Просвещение, 1991.
4. Гейльман И. Ф. Знакомьтесь: ручная речь. М.: Загрой, 2001.
5. Игнатенко А. А. Сборник упражнений и текстов по жестовой речи. СПб: Загрой, 2000.
6. Камнева В. П., Афанасьева О. О., Харламенков А. Е. Учебное пособие для обучения переводчиков русского жестового языка в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования. М., 2016. 166 с.
7. Зыков С. А. Методика обучения глухих детей языку: учебное пособие. М.: Просвещение, 1977.
8. Григорьева Т. А. Технология визуализации в обучении жестовому языку незлышащих старшеклассников / Т. А. Григорьева, И. К. Русакович // *Специальное образование: традиции и инновации: материалы международной научно-практической конференции* / отв. ред. С. Е. Гайдукевич. Минск: БГПУ, 2008. С. 102–105
9. Эрдниев П. М. Укрупнения дидактических единиц как технология обучения. М.: Просвещение, 1986.
10. Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М.: Педагогика, 1972.
11. Теория и практика русского жестового языка: учебное пособие. М.: ДГСК МВД России, 2018.
12. Филимонова Е. В., Душкина В. А. Учебно-методическое пособие для изучающих русский жестовый язык. М. 2018.
13. Арский А. А. Основы русского жестового языка для сотрудников полиции: учебное пособие / А. А. Арский, Т. В. Баркова. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. 180 с.
14. Бойко А. В., Смирнова М. И., Лисецкая И. А. М.: ДГСК МВД России, 2019. 160 с.
15. Бойко А. В., Смирнова М. И., Лисецкая И. А. Использование русского жестового языка в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие. Краснодар, 2018.
16. Науразбаева Л. В. Словарь русского жестового языка для сотрудников органов внутренних дел: словарь / Л. В. Науразбаева, В. В. Посиделова, Е. Ю. Хорошко. М.: ДГСК МВД России, 2020.
17. Степаненко В. В. Особенности использования русского жестового языка в работе полиции: методические рекомендации / В. В. Степаненко, Е. С. Патрикеева. Домодедово: ВИПК МВД России, 2019.
18. Файзуллина Э. Ф., Ильичева Т. Е. Основы русского жестового языка: учебное пособие. М.: ДГСК МВД России, 2021. 128 с.
19. Гусев Ю. М., Домрачѐва Е. Ю. О роли русского жестового языка в служебной деятельности сотрудников полиции // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2018. № 3. С. 73–76.
20. Гнездилова Е. В. Особенности обучения навыкам русского жестового языка сотрудников полиции // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2021. № 4 (94). С. 161–167.
21. Николенко М. А. Использование педагогических технологий обучения жестовому языку в высшем учебном заведении // *Вестник Донецкого педагогического института*. 2017. № 2. С. 101–107.
22. Липина Е. А. Практические аспекты обучения русскому жестовому языку сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2017. № 1 (8). С. 175–182.

REFERENCES

1. Professional training of police officers: a textbook in 4 parts / under. total ed. V. L. Kubyshko. M.: DGSK MIA of Russia, 2020. (In Russ.)

2. Aleshchik I. Ch. The state of the internal auditory canal of the children with sensorineural hearing loss. *Otorhinolaryngology Eastern Europe*. M., 2016. P. 132–133. (In Russ.)
3. Zaitseva G. L. *Dactylogy. Gesture speech: a textbook for universities*. M.: Prosveshcheniye, 1991. (In Russ.)
4. Geilman I. F. *Please meet: hand speech*. Moscow: Zagrey, 2001. (In Russ.)
5. Ignatenko A. A. *Collection of exercises and texts on gesture speech*. St. Petersburg: Zagrey, 2000. (In Russ.)
6. Kamneva V. P., Afanas'eva O. O., Kharlamenkov A. E. *Textbook for teaching Russian sign language interpreters in professional educational organizations and educational institutions of higher education*. M., 2016. 166 p. (In Russ.)
7. Zykov S. A. *Methods of teaching language to deaf children: textbook*. M.: Prosveshcheniye, 1977. (In Russ.)
8. Grigoryeva T. A. Visualization technology in teaching sign language to deaf high school students / T. A. Grigoryeva, I. K. Rusakovich // *Special education: traditions and innovations: materials of the international scientific and practical conference / ex. ed. S. E. Gaidukevich*. Minsk: BSPU, 2008. P. 102–105. (In Russ.)
9. Erdniev P. M. *Enlargement of didactic units as a learning technology*. M.: Education, 1986. (In Russ.)
10. Davydov V. V. *Types of generalization in teaching*. Moscow: Pedagogy, 1972. (In Russ.)
11. *Theory and practice of Russian sign language: textbook*. M.: DGSK MIA of Russia, 2018. (In Russ.)
12. Filimonova E. V., Dushkina V. A. *Teaching aid for students of Russian sign language*. M. 2018. (In Russ.)
13. Arsky A. A. *Fundamentals of Russian Sign Language for Police Officers: A Study Guide / A. A. Arsky, T. V. Barkova*. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 180 p. (In Russ.)
14. Boiko A. V., Smirnova M. I., Lisetskaya I. A. M.: DGSK MIA of Russia, 2019. 160 p. (In Russ.)
15. Boyko A. V., Smirnova M. I., Lisetskaya I. A. *The use of Russian sign language in the practice of employees of internal affairs bodies: a study guide*. Krasnodar, 2018. (In Russ.)
16. Naurazbaeva L. V. *Dictionary of Russian sign language for law enforcement officers: dictionary / L. V. Naurazbaeva, V. V. Posidelova, E. Yu. Khoroshko*. M.: DGSK MIA of Russia, 2020. (In Russ.)
17. Stepanenko V. V. *Features of the use of Russian sign language in the work of the police: guidelines / V. V. Stepanenko, E. S. Patrikeeva*. Domodedovo: VIPK MIA of Russia, 2019. (In Russ.)
18. Fayzullina E. F., Ilyicheva T. E. *Fundamentals of Russian sign language: a textbook*. M.: DGSK MIA of Russia, 2021. 128 p. (In Russ.)
19. Gusev Yu. M., Domracheva E. Yu. *On the role of Russian sign language in the employment activity of police officers // Problems of law enforcement*. 2018. No. 3. P. 73–76. (In Russ.)
20. Gnezdilova E. V. *Features of teaching Russian sign language skills to police officers // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 4 (94). P. 161–167. (In Russ.)
21. Nikolenko M. A. *The use of pedagogical technologies for teaching sign language in a higher educational institution // Bulletin of Donetsk Pedagogical Institute*. 2017. No. 2. P. 101–107. (In Russ.)
22. Lipina E. A. *Practical aspects of teaching Russian sign language to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of Tyumen Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 1 (8). P. 175–182. (In Russ.)

Информация об авторе:

Зраева И.М., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Zraeva I. M., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 19.12.2022; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 19.12.2022; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

**К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ КОРРЕКЦИИ ОШИБОК
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЖЕСТОВОМУ ЯЗЫКУ ЛИЦ,
ВПЕРВЫЕ ПРИНЯТЫХ НА СЛУЖБУ
В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ДОЛЖНОСТИ СЛУЖАЩЕГО «ПОЛИЦЕЙСКИЙ»**

Елена Андреевна Липина

Тюменский институт повышения квалификации МВД России,
Тюмень, Россия, lena-tyumen@inbox.ru

Аннотация. Требование знаний основ русского жестового языка сотрудниками полиции Российской Федерации обусловило необходимость поиска эффективных методов их обучения в рамках соответствующей учебной дисциплины. В процессе обучения слышащих граждан жестовому языку внимания заслуживают не только учебный материал, методические приемы работы с ним и соблюдение этапов обучения, но и аспект оценивания результатов обучения. Данная статья посвящена вопросу целесообразности коррекции языковых и речевых ошибок в процессе обучения сотрудников полиции основам русского жестового языка и организации процесса коррекции на разных этапах обучения.

Ключевые слова: русский жестовый язык, дополнительное профессиональное образование, полиция, коррекция, самокоррекция, самоконтроль, ошибки, профессиональная подготовка.

Для цитирования: Липина Е. А. К вопросу о целесообразности коррекции ошибок в процессе обучения русскому жестовому языку лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 174–182.

Original article

**ON THE ISSUE OF EXPEDIENCY OF ERROR CORRECTION IN RUSSIAN
SIGN LANGUAGE TRAINING OF FIRST RECRUITED IN THE INTERNAL
AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AS POLICE OFFICERS**

Elena A. Lipina

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Tyumen, Russia, lena-tyumen@inbox.ru

Abstract. The requirement of knowledge of the basics of Russian sign language by the police of the Russian Federation necessitated the search for effective methods of teaching them within the framework of the relevant academic discipline. In the process of teaching sign language to hearing citizens, it is worth considering not only the educational material, methodological methods of working with it and observance of the learning stages, but also the learning achievement aspect. This article is devoted to the issue of the expediency of correcting language and speech errors in the process of teaching police officers the basics of Russian sign language and organizing error correction at different stages of training.

Keywords: Russian sign language, additional professional education, police, correction, self-correction, self-control, mistakes, professional training.

For citation: Lipina E. A. On the issue of expediency of error correction in Russian sign language training of persons first recruited in the internal affairs bodies of the Russian Federation as police officers // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2 (100). P. 174–182.

С 2016 года, практически сразу после вступления в силу приказа МВД России от 12 мая 2015 г. № 544 «Об утверждении порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка»¹, на базе образовательных организаций МВД России осуществляется обучение жестовому языку лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Ответственность преподавателей перед исполнением предписаний указанных законодательных актов, новизна поставленной задачи при фактическом отсутствии необходимой для обучения учебно-методической базы, довольно короткие сроки обучения основам русского жестового языка и его специфика – все это стало мощным импульсом для теоретических изысканий преподавателей учебной дисциплины с целью поиска и наращивания положительного опыта в сфере методологии обучения.

Преподавателями образовательных организаций МВД России были разработаны частные концепции профессионально ориентированного обучения русскому жестовому языку, что отражено в научных публикациях. Так, например, Е. И. Иванова, В. Е. Нестерова акцентировали внимание на проблеме отбора и перевода на жестовый язык специфической лексики, необходимой сотрудникам полиции для общения с глухими гражданами [1; 2]. Е. А. Довгань, Е. А. Липина посвятили свои исследования приемам активизации познавательной деятельности слушателей в процессе освоения основ русского жестового языка [3; 4]. О. Б. Солдатова занималась изучением вопроса о формировании и развитии навыков диалогической речи в процессе обучения русскому жестово-

му языку [5]. Н. Р. Кириченко рассматривала вопрос о целесообразности использования жестовой песни на занятиях по жестовому языку [6]. Н. К. Чепурных исследовала вопрос о дидактическом потенциале игровых технологий при обучении сотрудников полиции жестовой речи [7]. М. И. Смирнова обосновала важность самостоятельной работы при изучении русского жестового языка сотрудниками полиции, описала виды и формы данного вида учебной деятельности [8]. М. В. Максименко предложил педагогические приемы формирования у сотрудников полиции умений психосоциального взаимодействия с глухими и слабослышащими гражданами [9]. М. И. Лыскова занималась изучением вопросов организации процесса обучения сотрудников органов внутренних дел России основам русского жестового языка на разных этапах [10].

Структура образовательного процесса многокомпонентна. Все его составляющие: логический (принципы, формы, методы, средства обучения), временной (этапы обучения) и процессуальный (целеполагание, мотивация, управление, коррекция ошибок, оценивание) – должны реализовываться одновременно и грамотно. Как видно из вышепредставленного списка работ, их целью в основном стало изучение логического и временного компонентов обучения русскому жестовому языку, что, несомненно, является важным аспектом образовательного процесса. Однако практика преподавания, а также анализ нескольких открытых занятий, проводимых в образовательных организациях МВД России преподавателями-нефилологами, показывает, что коррекция ошибок в речи обучающихся осуществляется часто неверно: несвоевременно, нецелесообразно и грубо.

В связи с этим новизна данной работы заключается в попытке систематизирован-

¹ Об утверждении Порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка: приказ МВД России от 12 мая 2015 г. № 544: ред. от 22 июня 2017 г. № 405 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2022).

ного обоснования целесообразности коррекции ошибок в жестовой речи сотрудников полиции в процессе их обучения основам русского жестового языка, а также своевременности коррекции ошибок на разных этапах обучения.

Практическая значимость данной работы заключается в возможном применении ее результатов преподавателями дисциплины «Основы русского жестового языка» при подготовке соответствующих учебных изданий и в процессе обучения лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский», специфическим средствам общения глухих и слабослышащих граждан в целях достижения большей эффективности образовательного процесса.

Интерес к речевым ошибкам при обучении сотрудников полиции русскому жестовому языку вызван двумя взаимосвязанными причинами. В первую очередь, это дефицит времени. Основами жестового языка обучающиеся курсов профессиональной подготовки должны овладеть в рамках учебной дисциплины, на которую в соответствии с программой отводится не более 30 часов. При этом объем учебной информации довольно внушительный. Освоение материала по дисциплине должно обеспечить слушателей знаниями, умениями и навыками, которые позволят им осуществлять эффективную коммуникацию с глухими и слабослышащими гражданами в рамках своих профессиональных обязанностей и в условиях отсутствия дипломированного сурдопереводчика.

Стоит отметить, что в рамках выделенного объема учебных часов благодаря разработанным учебным и учебно-практическим пособиям преподаватели обеспечивают обучающихся необходимыми знаниями. Однако при изучении неродного языка важны не столько теоретические знания, сколько речевая практика. Исходя из того, что длительная речевая практика обучающимися в образовательных организациях МВД России в ограниченный период времени обучения невозможна, а вероятность профессионально

обусловленного общения сотрудников полиции с глухими гражданами не столь велика, второй причиной нашего интереса к предмету исследования стал воспитательный аспект обучения жестовому языку, а именно – необходимость развития навыка осознанного самоконтроля в процессе освоения материала, поскольку осознанность деятельности также повышает ее эффективность.

Таким образом, целью статьи является анализ приемов коррекции ошибок как части процессуального компонента обучения основам русского жестового языка лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский».

Объект исследования – дактильная и жестовая речь лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский», в процессе их обучения основам русского жестового языка.

Предмет исследования – педагогические приемы коррекции ошибок, допускаемых в дактильной и жестовой речи указанной категории обучающихся.

Известно, что русскому жестовому языку присвоен статус официального средства общения глухих и слабослышащих граждан Российской Федерации. При этом он представляет собой лингвистическую систему, обладающую своеобразной лексикой и грамматикой. Несмотря на то, что его носители являются гражданами России, он наряду с американским и ирландским жестовыми языками принадлежит семье французского жестового языка вследствие обучения его основателей по французским методикам. Кроме того, лингвисты русского жестового языка причисляют его к категории иностранных с точки зрения его изучения слышащими гражданами, поскольку в таком контексте за основу берутся методики обучения иностранным языкам, о чем говорит, например, название учебного пособия, подготовленного практиком жестового перевода, преподавателем жестового языка Л. М. Осокиной, предназначенного для начинающих переводчиков русского жестового языка,

студентов учебных заведений, которые по роду своей деятельности занимаются проблемами глухоты, преподавателей русского жестового языка и родителей глухих детей, желающих изучить язык «человека из мира тишины» [11]. В связи с этим практически весь процесс обучения слышащих людей русскому жестовому языку, в том числе процесс работы над ошибками, аналогичен процессу обучения иностранным языкам. Вместе с тем некоторые особенности обучения жестовому языку обусловлены спецификой его воспроизведения и восприятия в процессе коммуникации (его визуально-кинестической природой).

Под феноменом ошибки в рамках изучения определенного средства общения мы понимаем погрешность (неправильность) в речевых действиях. Появление ошибок в потоке речи посредством неродного языка в процессе обучения мы считаем явлением закономерным и независимым от уровня мотивации и образованности обучающегося на данный момент, поскольку даже далеко не каждый носитель родного языка обладает безупречными знаниями и навыками его использования.

Анализ природы языковых и речевых ошибок и изучение вопроса о целесообразности устранения допущенных в процессе освоения неродного языка погрешностей осуществлялись параллельно с появлением различных подходов к изучению иностранных языков – бихевиористского, нативистского, когнитивного, традиционного, интеракционистского, коммуникативного и других [12, с. 130].

Так, согласно теории бихевиористов ошибки при изучении иностранного языка обязательно должны быть предотвращены путем заучивания речевых структур и доведения речевого действия до автоматизма. В логике нативистов способность к изучению иностранного языка является врожденной, а, следовательно, как и при усвоении родного языка, необходимость целенаправленного исправления ошибок отсутствует. Последователи когнитивного подхода выступают против обучения в формате объяснения правил, постоянного контроля речевой

практики и исправления речевых ошибок, предпочитая создание условий, идентичных усвоению родного языка. Суть традиционного подхода заключалась в максимально точном освоении лингвистической системы изучаемого языка. Вокруг данного подхода возникали серьезные споры, поскольку такая степень контроля приводила к повышенному уровню тревожности у обучающихся из-за страха совершить ошибки в процессе коммуникации. Согласно логике интеракционистской теории, коррекция ошибок есть некая обратная связь, способствующая тому, что обучающиеся начинают замечать собственные ошибки и исправляют их, развивая таким образом навык саморегуляции, автоматизации процессуальных знаний и предотвращения неправильных привычек.

Современные подходы обучения иностранным языкам и коррекции речевых ошибок (коммуникативный, контентно-ориентированный и др.) направлены не на лингвистическую правильность речи, а на акт коммуникации как таковой, который подразумевает уместность и логику содержания высказывания, достижение взаимопонимания между участниками коммуникации, не опровергая при этом необходимость исправления ошибок. Такой подход способствует постепенному росту уверенности обучающихся в практике речевой деятельности посредством неродного языка, а также развитию навыка самостоятельного выявления в собственной речи ошибок и умению их корректировать. Кроме того, анализ речевых ошибок преподавателем учебной дисциплины позволяет выявить причины их возникновения и сделать выводы об эффективности собственной стратегии обучения.

В современной лингводидактике принято выделять объективные и субъективные причины возникновения ошибок при изучении иностранных языков. Объективными причинами появления ошибок в речи обучающихся могут стать: незнание учебного материала как результат неграмотной организации учебного процесса преподавателем, усталость обучающихся в силу неэффективного планирования учебной нагрузки,

отсутствие достаточной речевой практики, межъязыковая интерференция как отклонение от языковой нормы под влиянием родного языка, ошибка в тексте учебного пособия или раздаточного материала, чрезмерный контроль со стороны преподавателя, авторитарность стиля общения преподавателя и т. д. Субъективными причинами могут стать: отсутствие мотивации обучающегося к изучению дисциплины, его индивидуальные особенности восприятия учебного материала, его психосоциальные особенности и случайные оговорки.

Практика преподавания русского жестового языка сотрудникам органов внутренних дел по программе профессиональной подготовки с учетом профессиональной направленности учебной дисциплины, возрастной категории, уровня мотивации и интеллекта обучающихся, этапа обучения, типа совершаемых ошибок, вида учебной деятельности, цели каждого конкретного занятия, а также темперамента показала эффективность реализации таких принципов коррекции ошибок, как: ориентирование на коммуникативный подход в обучении, развитие навыков самоконтроля и самокоррекции обучающихся, предупреждение совершения языковых ошибок и их коррекцию на этапах введения нового материала и репродуктивном этапе, а также смещение акцента с коррекции языкового оформления речи на содержание речи на продуктивном этапе.

Как уже было сказано, нарушения языковой нормы характерны для устной неподготовленной речи даже у носителей языка и абсолютизация критерия правильности речи не отвечает реальной речевой действительности, где в качестве ведущего мотива иноязычного общения выступает потребность в экстралингвистической информации, во взаимоинформировании собеседников относительно своих намерений. Что же касается лингвистической информации, то эта сторона речи, как правило, интересует участников коммуникации в последнюю очередь и с позиции этики не должна являться предметом анализа и коррекции. В ситуациях общения, когда грамматическое искажение речи пре-

вышает порог ее понятности, общение не переключается на специальный анализ и исправление допущенных ошибок участниками диалога. В подобных случаях с целью достижения взаимопонимания собеседники проявляют встречную активность, подключая мимику, призывая говорящего повторить сказанное, замедлить темп речи или перефразировать сказанное и т. д.

Однако в практике обучения преподавателями нередко допускаются две крайности в отношении к речевым ошибкам обучающихся: их игнорирование и немедленное исправление. И то, и другое мы склонны считать неэффективным. Во-первых, мы солидарны с О. В. Флеровым в том, что отсутствие коррекции создает у обучающихся необъективные представления об уровне собственной языковой подготовки и может вызвать излишнюю самоуверенность [13, с. 64]. Во-вторых, учебный процесс должен оставаться учебным, и умалить правильность в употреблении языковых единиц нежелательно. В качестве обоснования можно привести гораздо более бедный лексический состав русского жестового языка (от 3 до 6 тысяч жестовых единиц в сравнении со 150 тысячами слов в русском словесном языке). Если в словесной речи неверно употребить приставку или суффикс, то по общему контексту смысл фразы остается узнаваемым, тогда как замена минимального структурного элемента жеста может кардинально нарушить смысл всего высказывания и привести к дезинформации.

При допущении языковой или речевой ошибки имеет смысл в первую очередь дать возможность обучающемуся обнаружить и исправить ошибку самостоятельно. В том случае, если у него возникают затруднения, следует привлечь одногруппников к оказанию помощи в обнаружении и исправлении ошибки. При этом преподаватель может прибегнуть к стимулированию их мыслительной деятельности посредством наводящих вопросов, приведения аналогичных примеров и т. д. В ином случае преподаватель исправляет ошибку сам, но закрепляет правильное использование языковой едини-

цы в двух-трех контекстах. Прием немедленного исправления может быть оправдан лишь в условиях отсутствия времени на поиск и анализ ошибки.

Отношение преподавателя к ошибкам на разных этапах обучения жестовому языку должно быть принципиально различное. На начальном этапе исправляются практически все языковые ошибки, на следующих – не всегда, так как в период речевой практики необходимо развивать у обучаемых желание экспериментировать с новым языковым материалом, а постоянные исправления снижают их мотивацию.

Так, на этапе введения нового материала и тренировки, когда выполняются упражнения репродуктивного характера, следует ориентироваться на предупреждение появления наиболее часто допускаемых языковых ошибок. Хорошо зарекомендовали себя приемы, направленные на:

- систематизацию учебного материала посредством группировки языковых единиц определенным образом, например, по семантическим блокам (семья: мать, отец, брат, сестра, родиться);

- работу с образцами (на начальном этапе образцом выступает в первую очередь преподаватель, который демонстрирует четкость, точность и уместность употребления языковых единиц; далее в работу вводятся видеоматериалы с участием носителей русского жестового языка);

- повторение языковой единицы или грамматического явления в однотипных предложениях преподавателем или посредством организации работы в парах или группах;

- сравнение и анализ дактильных знаков или жестовых единиц с целью выявления и осознания сходств и различий в их форме или семантических связей между ними (например, дактилирование слов, отличающихся одной буквой: лук – бук – жук; бак – бок – бык; лук – лик – лак; сток – стук – стык и т. д; демонстрация жеста с противоположным значением: можно – нельзя, брат – сестра, говорить на жестовом языке – говорить на словесном языке).

На промежуточном этапе обучения формируется и развивается монологическая и диалогическая речь посредством дактильной азбуки и жестового языка, в связи с этим коррекция ошибок должна носить менее навязчивый характер. Практика преподавания жестового языка в образовательных организациях МВД России показывает, что диалогическая речь вторична относительно монологической, поскольку предполагает навыки не только порождать речь, но и адекватно воспринимать и реагировать на нее, что является одной из важных профессиональных компетенций сотрудников полиции. В связи с этим в качестве приема предупреждения лексико-грамматических ошибок в продукции диалогической речи необходимо прежде всего сформировать навыки монологического высказывания, в ходе которого обогащается словарно-жестовый запас обучающихся, развиваются навыки словоупотребления, навыки «считывания» жестовой речи с рук собеседника.

Формирование монологической речи начинается с образца речи преподавателя. Если у слушателей остались несформированные лексико-грамматические навыки, то благодаря образцу речи преподавателя они получают возможность восполнить эти пробелы в знаниях. При этом приемом предотвращения ошибок в понимании жестовой речи выступает привязка речи к конкретной ситуации: установление контакта, опрос потерпевшего или свидетеля, допрос подозреваемого лица, разъяснение правил поведения, оказание помощи и т. д.

В процессе обучения передачи содержания письменного текста средствами жестового языка рекомендуется корректировать ошибки сразу, чтобы препятствовать развитию неправильного навыка. Тем не менее следует отказаться от контроля речи слушателя по критерию тотальной лексико-грамматической правильности, а делать акцент на правильность речи с учетом ее наиболее важных коммуникативно значимых качеств: понятности/непонятности, информативности/неинформативности. Естественно, что такое качество речи, как понятность/непо-

нятность, определяется множеством факторов и, в частности, характером допущенных в ней ошибок. Преподавателю следует различать ошибки «грубые» (абсолютно затрудняющие понимание речи) и «негрубые» (не затрудняющие понимание речи). Следовательно, коррекции подлежат ошибки, которые ведут к искажению информации в высказывании. При этом важно не перебивать говорящего на полуслове. Критерием понятности/непонятности выступают одноклассники говорящего, которые воспринимают и осуществляют обратный перевод его монологической речи (передают содержание на русском словесном языке). Преподаватель может вмешаться в процесс лишь в том случае, если говорящий совершил действительно грубую коммуникативную ошибку, что вызвало неверное понимание речи другими участниками акта коммуникации. Так, например, характерной особенностью жестового языка является выражение субъект-объектных отношений посредством разворота кисти ладонью на себя (я – объект воздействия) или ладонью от себя (он – объект воздействия). Соответственно, в общении, связанных с профессионально обусловленными ситуациями сотрудников полиции, желательно соблюдать такие языковые нюансы, поскольку необходимо установить точные события происшествия.

Повышению уровня мотивации слушателей к изучению жестового языка и предотвращению страха перед жестовой речью содействует создание на занятиях условий, максимально приближенных к естественному общению. Так, например, при развитии навыков монологической речи слушателям предлагается исполнить роли, соответственно, сотрудников полиции и глухого гражданина (человека, который пытается донести важную информацию), при условии, что он не владеет навыками письменной и устной речи. В таких условиях обучающиеся в роли сотрудников полиции в случае непонимания глухого человека на протяжении его монолога могут просить остановиться, повторить в более медленном темпе сказанное им или уточнить информацию исключительно

посредством дактиля и жестового языка. В конце речи слушателя в роли глухого человека сотрудники полиции передают основное содержание его обращения к ним на словесном языке.

Описанные приемы исправления речевых ошибок в монологической жестовой речи применяются и в процессе обучения диалогу. Однако здесь следует категорически отказаться от исправления ошибок в момент говорения. Необходимо дать возможность собеседникам приблизиться к живому общению на изучаемом языке, приобрести уверенность в себе, снизить уровень языкового барьера, что особенно ценно.

На заключительном этапе контроля степени усвоения речевого материала преподаватель ориентируется на относительную правильность речи. При этом слушатели, намеренно и систематически не выполнявшие задания в рамках учебной дисциплины и не освоившие учебный материал, на промежуточном и заключительном этапе оцениваются «неудовлетворительно» с последующим намерением не усвоенного материала, поскольку дисциплина «Основы русского жестового языка», согласно образовательной программе профессиональной подготовки, не является факультативной, а, значит, требует от сотрудников органов внутренних дел знаний, умений и навыков, которые позволят им решать профессионально значимые задачи.

Подводя итог, отметим основные положения по вопросу целесообразности коррекции ошибок в процессе обучения основам русского жестового языка лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский»:

– русский жестовый язык является неродным языком для слышащих граждан, отличаясь от русского словесного языка своим лексическим составом, морфологией и синтаксисом, следовательно, при его изучении языковые и речевые ошибки неизбежны;

– коррекция ошибок при обучении русскому жестовому языку осуществляется на этапе введения нового материала с целью

предотвращения закрепления неправильно-го навыка употребления языковых единиц в речи, а на этапе развития монологической и диалогической речи акцент при исправлении ошибок сдвигается с формальной правильности на функционально-коммуникативный аспект речи – достижение понятности и информативности;

– на каждом этапе обучения коррекция ошибок носит преимущественно самостоя-

тельный и осознанный характер и организуется преподавателем учебной дисциплины, поскольку навык самоконтроля и самокоррекции у обучающихся считается одним из важных; в случае отсутствия у обучающихся необходимых знаний, умений и навыков преподаватель корректирует их речь сам и закрепляет их посредством приемов повторения, сравнения и анализа некорректно употребляемой языковой единицы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова Е. И. Особенности отбора и перевода на жестовый язык лексического минимума сотрудника органов внутренних дел // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 1 (11). С. 84–87.
2. Нестерова В. Е. Методика работы с лексическими единицами русского жестового языка на этапе отработки, закрепления и контроля материала в образовательных организациях системы МВД России // Современная наука. 2021. № 4. С. 84–86.
3. Довгань Е. А. Активизация познавательной деятельности слушателей на занятиях «Основы русского жестового языка» с использованием различных форм и методов обучения // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 3. С. 141–145.
4. Липина Е. А. Соотношение интенсивности и качества обучения сотрудников полиции русскому жестовому языку в системе дополнительного профессионального образования МВД России // Инновации в образовании. 2020. № 6. С. 111–125.
5. Солдатова О. Б. Диалогическая речь в процессе обучения русскому жестовому языку // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 1 (11). С. 95–98.
6. Кириченко Н. Р. К вопросу о целесообразности использования жестовой песни на занятиях по жестовому языку при обучении сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: сборник материалов 23-й всероссийской научно-методической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 301–304.
7. Чепурных Н. К. Игровые технологии в развитии коммуникативных навыков при преподавании русского жестового языка // Вопросы педагогики. 2020. № 10-1. С. 238–241.
8. Смирнова М. И., Лисецкая И. А. Виды и формы самостоятельной работы при изучении русского жестового языка сотрудниками ОВД России // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61-2. С. 181–184.
9. Максименко М. В. Педагогические приемы формирования у сотрудников органов внутренних дел умения взаимодействовать с лицами с ограниченными возможностями (нарушениями слуха) // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 23-й Международной научно-практической конференции / под научной редакцией Е. М. Дорожкина, В. А. Федорова. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2018. С. 258–261.
10. Лыскова М. И. Организационно-методические основы обучения русскому жестовому языку сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. № 1(8). С. 183–189.
11. Осокина Л. М. Жестовый язык как иностранный: Дактилология – ручная азбука: учебное пособие. М.: «Лица», УМЦ ВОГ, 2014.
12. Чикнаверова К. Г. Интерпретация и коррекция ошибок в речи изучающих иностранный язык. Обзор зарубежных исследований // Казанский педагогический журнал. 2018. № 3 (128). С. 129–136.
13. Флеров О. В. Исправление ошибок в устной речи студентов в ходе коммуникативного обучения иностранным языкам // Высшее образование сегодня. 2012. № 7. С. 63–65.

REFERENCES

1. Ivanova E. I. Features of selection and translation into sign language of the lexical minimum of an employee of internal affairs bodies // Scientific notes of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. Vol. 6. No. 1 (11). P. 84–87. (In Russ.)
2. Nesterova V. E. Methods of working with lexical units of Russian sign language at the stage of working out, fixing and controlling the material in educational institutions of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Modern Science. 2021. No. 4. P. 84–86. (In Russ.)
3. Dovgan E. A. Activation of the cognitive activity of students in the classroom “Fundamentals of Russian Sign Language” using various forms and methods of teaching // Modern science-intensive technologies. 2021. No. 3. P. 141–145. (In Russ.)
4. Lipina E. A. Correlation between the intensity and quality of training police officers in Russian sign language in the system of additional professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Innovations in Education. 2020. No. 6. P. 111–125. (In Russ.)
5. Soldatova O. B. Dialogical speech in the process of teaching Russian sign language // Scientific notes of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. V. 6. No. 1 (11). P. 95–98. (In Russ.)
6. Kirichenko N. R. On the issue of the expediency of using sign songs in sign language classes in training law enforcement officers of Russian Federation // Training for law enforcement agencies: modern trends and educational technologies: collection of materials of the 23rd All-Russian scientific and methodological conference. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. P. 301–304. (In Russ.)
7. Chepurnykh N. K. Game technologies in the development of communication skills in teaching Russian sign language // Issues of Pedagogy. 2020. No. 10-1. P. 238–241. (In Russ.)
8. Smirnova M. I., Lisetskaya I. A. Types and forms of independent work in the study of Russian sign language by employees of the internal affairs bodies of Russia // Problems of modern pedagogical education. 2018. No. 61-2. P. 181–184. (In Russ.)
9. Maksimenko M. V. Pedagogical techniques for the formation of the ability of employees of internal affairs bodies to interact with persons with disabilities (hearing impairments) // Innovations in professional and vocational pedagogical education: materials of the 23rd International scientific and practical conference / under the scientific editorship E. M. Dorozhkina, V. A. Fedorova. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University, 2018. P. 258–261. (In Russ.)
10. Lyskova M. I. Organizational and methodological foundations for teaching Russian sign language to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of Tyumen Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1(8). P. 183–189. (In Russ.)
11. Osokina L. M. Sign language as a foreign language: Dactylogy - manual alphabet: textbook. M.: “Lika”, Teaching and Methodological Centre of the All-Russian Society of the Deaf, 2014. (In Russ.)
12. Chiknaverova K. G. Interpretation and correction of errors in the speech of those studying a foreign language. Review of foreign studies // Kazan Pedagogical Journal. 2018. No. 3 (128). P. 129–136. (In Russ.)
13. Flerov O. V. Correction of errors in the oral speech of students in the course of communicative teaching of foreign languages // Higher education today. 2012. No. 7. P. 63–65. (In Russ.)

Информация об авторе:

Липина Е. А., кандидат филологических наук.

Information about the author:

Lipina E. A., Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 16.12.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 16.12.2022; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 378:81'243

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ
ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ
ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ

Любовь Анатольевна Муслова

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, celezbar@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена лингводидактике с точки зрения ее воспитательного воздействия в процессе иноязычной профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России. Акцентируется внимание на воспитание у будущих сотрудников ОВД традиционных ценностей как нравственных ориентиров при обучении иностранным языкам. Определяются пути и способы учебно-воспитательного взаимодействия посредством использования на уроках иностранного языка как традиционных, так и инновационных методов, средств лингводидактики и воспитания.

Ключевые слова: лингводидактические методы, средства, воспитание, традиционные ценности, учебно-воспитательный процесс.

Для цитирования: Муслова Л. А. Лингводидактические методы и средства воспитания традиционных ценностей в процессе иноязычной профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 183–188.

Original article

LINGUODIDACTIC METHODS AND MEANS OF EDUCATION
OF TRADITIONAL VALUES IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE
PROFESSIONAL TRAINING OF CADETS
OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Lubov A. Muslova

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russia, celezbar@mail.ru

Abstract. This article is devoted to linguodidactics from the point of view of its educational impact in the process of foreign language professional training of cadets of universities of the Ministry of Interior of the Russian Federation. The author focuses on the education of future police officers of traditional values as moral guidelines in teaching foreign languages. The ways and means of educational interaction are determined through the use of both traditional and innovative methods, means of linguodidactics and education in foreign language lessons.

Keywords: linguodidactic methods, means, education, traditional values, educational process.

For citation: Muslova L. A. Linguodidactic methods and means of education of traditional values in the process of foreign language professional training of cadets of educational institutions of higher professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 183–188.

© Муслова Л. А., 2023

В настоящее время современное российское общество переживает череду серьезных испытаний, вызванных угрозами второй половины третьего тысячелетия, направленных на разрушение традиционных ценностей, духовно-нравственных основ нашего народа; насаждение системы чуждых взглядов и идеалов; отрицание патриотизма, бескорыстного служения Отечеству, межнационального и межконфессионального единства; пропаганду деструктивного поведения в целом¹. В таких условиях перед правоохранительными органами поставлена задача, активизировать свою деятельность с целью предупреждения и пресечения любых противоправных действий, в том числе, деструктивного характера. Безусловно, данная задача определена и сотрудникам органов внутренних дел, которые стоят в первых рядах в борьбе с разного рода преступностью, обеспечивают соблюдение закона и охрану общественного порядка, защищают права и свободы российских граждан, честь и достоинство нашего народа и государства.

Согласно указу Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» одной из приоритетных стратегий в сфере сохранения, укрепления и преемственности будущим поколениям общечеловеческих духовно-нравственных ценностей является оптимизация деятельности культурно-просветительских и научно-образовательных учреждений². К числу последних относят

ся и образовательные учреждения высшего профессионального образования системы МВД России, которые, исходя из вышеизложенного, должны подготовить не только специалиста, компетентного в решении определенных служебных задач, но, прежде всего, воспитать будущего сотрудника ОВД высококультурным, духовно-богатым, морально-устойчивым человеком и гражданином, наделенным прочными нравственными ценностными ориентирами, способным противостоять любым проявлениям негативно действующей деструктивной идеологии. Об этом свидетельствуют индикаторы компетенций, отражающие требования квалификационных характеристик выпускников ведомственных образовательных учреждений МВД России, зафиксированных в основных профессиональных образовательных программах по всем направлениям и уровням подготовки³. Например, проект основной профессиональной образовательной программы 2023 года по специальности 38.05.01 — «Экономическая безопасность» (уровень высшего образования – специалитет) в рамках универсальной компетенции (УК-5) предусматривает подготовку специалиста, компетентного в межкультурном взаимодействии, то есть знающего социокультурную специфику многонационального российского общества, особенности основных мировых цивилизаций, способного адекватно воспринимать этническое, религиозное разнообразие представителей различных социокультурных слоев населения; профессиональная компетенция (ПК-21) го-

---

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211> (дата обращения: 08.03.2023).

² Там же.

³ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 19 сентября 2022 г. № 689 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210250047> (дата обращения: 11.03.2023).

товит выпускника, владеющего этическими нормами служебного общения и соблюдающего правила вежливости и культуры поведения в своей профессиональной деятельности¹.

В качестве традиционных ценностей выступают как общечеловеческие, так и общероссийские нравственные идеалы, составляющие фундамент самобытности, духовности, религии, культуры, истории становления и развития каждого этноса многонационального, полилингвального населения российского государства. В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей последние четко определены как: жизнь, достоинство человека, гражданственность, служение Отечеству, созидательный труд, милосердие, историческая память² и т. д. Кроме того, данные ценности стратегически значимы – они служат не только ориентирами, но и основным инструментом в защите государственной целостности нашей страны, сохранении нашего народа, его настоящего и будущего потенциала.

Воспитание, как известно, трактуется неоднозначно, с социальной точки зрения и с точки зрения педагогической. Однако, несмотря на различия в определениях, воспитание является активным процессом, нацеленным на формирование полноценной личности. Кроме того, воспитательный процесс интерактивен, так как, воспитание возможно лишь при взаимодействии людей, общества, социальных институтов. Очевидно, что воспитание должно устанавливать межличностные, меж социальные, межэтнические отношения, взаимосвязанные и взаимообусловленные мировоззренческими установками, взглядами, убеждениями,

определяющими морально-нравственные нормы, культурно-исторические ценности общественных отношений определенных эпох в развитии человечества. В связи с этим воспитание по своей сути зависимо от многих факторов, объективного и субъективного характера. На него оказывают влияние геополитические условия, социальная среда, иерархическая система традиционных ценностей, принятых в том или ином обществе, трудовые отношения, телевидение, литература, искусство, внутренние потребности и установки индивида, его социальный статус и многое другое. Следовательно, воспитание призвано оказывать организованное целенаправленное воздействие на личность со стороны социума, учитывая вышеперечисленные факторы и условия. Полноценное воздействие со стороны воспитания возможно при условии рассмотрения воспитания через призму системно-деятельностного подхода [1], в рамках которого должны быть четко определены цели и задачи, запланированы ожидаемые, конкретные результаты, учтены критерии оценки воспитанности личности, содержание воспитания, выбраны в зависимости от целевых установок и ситуативной обстановки методы, средства и формы воспитательного воздействия.

Приоритетную позицию в воспитательном процессе занимают меры воспитанности индивида, свидетельствующие о прогрессивном характере воспитания, ввиду восхождения личности по траектории критериев воспитанности в целях положительного воздействия на развитие человека. Особое внимание в процессе воспитания следует также уделять методам воспитания, о которых в частности А. С. Макаренко говорил, как об «инструментах прикосновения к личности» [2]. Не разделяя методы воспитания

¹ Основная профессиональная образовательная программа по специальности 38.05.01 – «Экономическая безопасность». СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. 68 с. URL: <https://sdo.univermvd.ru/course/view.php?id=4552&section=2> (дата обращения: 11.03.2023).

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211> (дата обращения: 08.03.2023).

на плохие и хорошие, педагог был убежден в том, что эффективность воспитания зависит от соответствия цели и выбранного метода.

Классификация методов воспитания в литературных источниках представлена широко, тем не менее наиболее популярной остается система методов воспитания, разработанная П. И. Пидкасистым. Автор группирует методы воспитания через их формирующее воздействие на мировоззрение посредством информации; методы, стимулирующие мотивацию поведения; методы, способствующие формированию самооценки личности [3, с. 68]. Методы реализуются с помощью средств, в нашем случае с помощью средств воспитательного воздействия, примерами которых служат материально-технические средства, символика, коммуникативные способы, организационные условия воспитания (окружающая среда, рабочий коллектив, учебная группа)¹. Для настоящей работы важно, что в педагогическом аспекте методы и средства воспитания параллельны лингводидактическим методам и средствам обучения иностранным языкам. Иностранный язык (далее – ИЯ) как учебный предмет в силу своей специфики представляет собой процесс общения, передачу информации, где коммуникация является доминирующей, речемыслительные, когнитивные способности коммуникантов являются основополагающими. От степени их сформированности зависит достижение поставленных задач, в частности взаимопонимания. Степень иноязычной сформированности находится под влиянием не только методов обучения, но и методов воспитания, так как в своем единстве обучение и воспитание составляют учебно-воспитательный процесс в целом, преломляясь через призму каждой учебной дисциплины, включая ИЯ. Исходя из этого следует, что методы воспитания и обучения ИЯ имеют единую методологию и основываются на базовых принципах, разработанных еще Я. А. Коменским, как то: разумного сочетания полезного с

приятным [4, с. 341–342], трансформированные далее в принципы системности, комплектности, научной обоснованности, преемственности, адаптивности, поставленным целям и задачам. Очевидно, что ведущие лингводидактические методы обучения иностранным языкам – сравнительно-сопоставительные, коммуникативные, проблемного обучения, аудиолингвальные, аудиовизуальные [5; 6; 7], сопоставимы с методами воспитания, указанными выше. Средства обучения ИЯ – нетехнические (учебники, пособия, грамматические таблицы, схемы, наглядность и т. д.), технические (мультимедийные), равно, как и методы, бесспорно, адекватны средствам воспитания.

Иноязычная подготовка курсантов образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России происходит на уроках иностранного языка. Каждое занятие организуется согласно лингводидактическим требованиям методики обучения иностранным языкам на основе рабочей учебной программы той или иной специальности (направления) подготовки курсантов. Содержательная составляющая учебных программ зафиксирована в тематических планах. В тематике общекультурного, лингвострановедческого и общеправового разделов тематического плана, в частности «Российская Федерация. Санкт-Петербург. Ориентирование в городе», «Моя будущая профессия», «Государственное устройство и Конституция Российской Федерации», априори заложены традиционные ценности, культурно-исторические и морально-нравственные аспекты которых зафиксированы в учебном материале (текстах, основных и для дополнительного чтения, с различным видом чтения – изучающего, просмотрового, поискового и т. д.; в предтекстовых и послетекстовых речевых тренировочных упражнениях; заданиях для решения коммуникативных задач; составления диалогов, монологов). Весь материал, предназначенный для изучения, отрабо-

¹ Понятие воспитания // Студопедия: сайт. URL: https://studopedia.ru/3_190603_ponyatie-vozpitaniya.html (дата обращения: 13.03.23).

тывается систематично, реализуя комплекс целевых установок, предваряющих каждое занятие по иностранному языку, а именно учебно-развивающие, культурологические и воспитательные цели. При этом воспитательные цели преследуют воспитание у курсантов социальной ответственности (ответственность перед группой за качественно подготовленный материал); воспитание патриотизма, любви к родине, родному краю, своему народу; воспитание чувства гордости и уважения к своей будущей профессии, верности присяге, преданности служебному долгу.

Одним из очевидных примеров вышеизложенного служит работа над лексической темой «Государственное устройство и Конституция Российской Федерации» («The State System and Constitution of the Russian Federation»), которая изучается на уроках ИЯ курсантами первого курса Санкт-Петербургского университета МВД России, независимо от направления подготовки и изучаемого языка. Тема вводится постановкой проблемы именно воспитательного характера с опорой на изречения известных представителей российской литературы, культуры, искусства, науки и пр., например, “Russia is a thing of which the intellect cannot conceive...” (Fyodor Tyutchev) («Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...»)¹. Курсантам предлагается выразить свое мнение относительно данного высказывания, объяснить его смысл, используя необходимые речевые клише. Далее изучение темы продолжается на материале видеofilьма, который дает краткий обзор об истории становления и развития Российской Федерации, о географии, ландшафте, национально-этническом составе, народных традициях и обычаях, экономическом положении, политическом устройстве нашей страны². Демонстрация данного фильма несет огромное

воспитательно-идеологическое значение, так как дает возможность опосредованно через наглядно-образное изображение применить в полной мере аудиолингвальные методы и визуализацию. Последние, в свою очередь, посредством двухканальной передачи информации (зрительного и слухового каналов) формируют точное представление у обучающихся о предмете изучения; напрямую воздействуя на эмоционально-чувственную сферу курсантов, воспитывают у них чувства доброты, красоты, гостеприимства, терпимости, величия, великодушия, сопричастности своему народу и Отечеству, которое они призваны защищать и которому должны служить верой и правдой. После просмотра видеofilьма в интерактивном режиме выполняются различного рода тренировочные упражнения, направленные на решение коммуникативных задач, активизируя тем самым навыки говорения и подготавливая курсантов к диалогическому и монологическому высказываниям. В рамках самостоятельной подготовки курсанты должны закрепить базовые лексико-грамматические структуры, выполняя упражнения на составление ассоциативного ряда, опираясь на государственную символику Российской Федерации, также выполнить творческую работу, подобрать к изучаемой теме крылатые фразы и изречения известных соотечественников, перевести их (при необходимости) на ИЯ.

Таким образом, лингводидактические методы и средства оказывают прямое воспитательное воздействие на обучающихся. В процессе иноязычной подготовки курсантов, в совокупности с методами и средствами воспитания они активизируют речемыслительные процессы, необходимые для эффективного обучения; повышают интерес к учению, мотивируют к получению новых знаний, поиску истины; формируют проч-

¹ Тютчевiana: сайт рабочей группы по изучению творчества Ф. И. Тютчева. URL: <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/trans/umomrossiju.html#> (дата обращения: 14.03.23).

² Welcome to Russia – Federal Agency for Tourism, Russian Federation // URL.: https://www.youtube.com/watch?v=naf4DNAZNaU&t=58s&ab_channel=%D0%A7%2F%D0%91editorchannel (дата обращения: 14.03.2023).

ную жизненную позицию, стойкие взгляды и убеждения; воспитывают высококультурных, духовно-богатых, морально-устойчи-

вых личностей, граждан, специалистов правоохранительной системы ОВД Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход как современное общенаучное направление // Диалектика и системный анализ. М.: Наука, 1986. С. 136–144.
2. Макаренко А. С. О воспитании: сборник / сост. В. С. Хелемендик. М.: Политиздат, 1990. 414 с.
3. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / под ред. П. И. Пидкасистого. М.: Педагогическое общество России, 1998. 640 с.
4. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. 984 с.
5. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Русский язык, 1985. 276 с.
6. Уэст М. Обучение английскому языку в трудных условиях. М.: Просвещение, 1986. 114 с.
7. Гез Н. И. Методика обучения иностранным языкам в высшей школе: курс лекций. М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1979. 66 с.

REFERENCES

1. Blauberger I. V., Sadovsky V. N., Yudin E. G. System approach as a modern general scientific direction // Dialectics and system analysis. M.: Nauka, 1986. P. 136–144. (In Russ.)
2. Makarenko A. S. About education: collection / comp. V. S. Helemendik. M.: Politizdat, 1990. 414 p. (In Russ.)
3. Pedagogy: textbook for students of pedagogical universities and pedagogical colleges / ed. by P. I. Pidkasisty. M.: Pedagogical Society of Russia, 1998. 640 p. (In Russ.)
4. Komensky Ya. A. Selected pedagogical works: In 2 volumes - M.: Pedagogy, 1982. Vol. 1. 984 p. (In Russ.)
5. Passov E. I. The communicative method of teaching foreign speaking. M.: Russian language, 1985. 276 p. (In Russ.)
6. West M. Teaching English in difficult conditions. M.: Prosveshchenie, 1986. 114 p. (In Russ.)
7. Gez N. I. Methods of teaching foreign languages in higher education: a course of lectures. M: Publishing House of Moscow State Pedagogical Institute named after M. Thorez, 1979. 66 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Муслова Л. А., кандидат педагогических наук.

Information about the author:

Muslova L. A., Candidate of Pedagogy.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru.

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом

тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является анонимным («двойное слепое рецензирование»).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

**Заявка
на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале
«Вестник Уфимского юридического института МВД России»**

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____
_____ (название статьи)

в рубрике _____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте Уфимского юридического института МВД России в сети Интернет и электронных научных библиотек.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования.

Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи: _____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.

Дата, подпись, расшифровка подписи.